

КАРА ОЛЬСБЕРГ

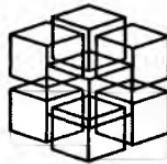
МАЛЫЧИК

В

БЕЛЫЙ

КОМНАТЕ

ФУТУРА

КАРЛ ОЛЬСБЕРГ

~~МАЛЫЧИК~~

~~В~~

~~БЕЛОЙ~~

~~KOMIATE~~

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2020

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)

О-53

Karl Olsberg
BOY IN A WHITE ROOM

Перевел с немецкого
Святослав Поляков

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Ольсберг К.

О-53 Мальчик в белой комнате : [роман] / Карл Ольсберг ; [пер. с нем. С. Полякова]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 320 с. — (Серия «Футура»).

ISBN 978-5-907143-37-1

Он приходит в себя в маленькой белой комнате — ничего не помнит, ничего не чувствует и не узнает собственный голос. Кто он? Как сюда попал? Что с ним? На помощь приходит компьютерная программа Алиса. У него появляются имя — Мануэль, информация о состоянии здоровья (вернее, о тяжелой болезни), видеопроекция отца и возможность взглянуть с помощью Интернета на реальный мир.

Правда, кое-что в этой реальности кажется Мануэлю подозрительным, и он пытается установить истину. Но это оказывается невероятно сложно...

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-907143-37-1

© Loewe Verlag GmbH, Bindlach, 2017

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

© Shutterstock

Нику

Итак, предположим, что не всеблагой Бог, от которого исходит всякая истина, но некий дух, столь же зловредный, сколь могущественный и хитрый, прикладывает все силы, чтобы ввести меня в заблуждение. И небо, воздух, земля, цвета, формы, звуки и всё, что находится вне нас, я буду считать обманчивыми сновидениями, силками, которые он расставил для моей доверчивости. И пусть у меня не будет рук, глаз, плоти, крови, и саму мысль, что я могу обладать всем этим, я буду полагать ложной. И я укреплюсь в этом мнении, и даже если после этого мне не удастся познать нечто истинное, то, по крайней мере, сила моего ума возрастет, и я смогу уберечь себя от заблуждения, так что сей обманщик, сколь бы могущественным и хитрым он ни был, не будет иметь надо мной власти.

Рене Декарт.

«Размышления о первой философии» (1641)

ГЛАВА 1

Где я? Белая комната. Пространство в форме куба. Никаких видимых источников света. Кажется, что стены светятся сами по себе. Где они начинаются и где заканчиваются, можно понять лишь по тонким темным линиям в углах. Нет ни дверей, ни окон, ни мебели, ни картин на стенах. Ничто не указывает на то, что находится за пределами этой комнаты, или на то, как я сюда попал. Не слышно ни единого звука.

Кто я?

Память не сохранила ни моего имени, ни того, как я выгляжу, только термины. Я знаю, что значит куб, что такое дерево, собака, компьютер. Но эти понятия не имеют ко мне никакого отношения. Я с удивлением пристально рассматриваю свои руки. Они выглядят так, будто на них надеты тонкие перчатки, которые скрывают все завитки и бороздки на подушечках пальцев. Тулово-
щее затянуто в гладкий комбинезон из белого материала. Когда я его трогаю, то не чувствую ничего — ни пальцев, ни того участка на теле, к которому прикасаюсь. Даже

сильные удары не причиняют боли. У меня нет тактильных ощущений, и обоняния тоже нет.

Медленно я брожу от стены к стене, протягиваю руки вперед, ощупываю гладкую поверхность, но не могу ее осязать. Я ничего не ощущаю. Поверхность не поддается. Тогда я обшариваю стены в поисках спрятанного выключателя, трещины, малейшего намека на то, что отсюда есть выход. Но выхода нет.

На меня накатывает паника. Что все это значит? Кто запер меня здесь? И почему? Может, я сделал что-то не так? Я не могу вспомнить. Должно быть, мое сердце сейчас отчаянно колотится, но этого я тоже не ощущаю. Я осторожно стучу по стене, но снова ничего не чувствую и не слышу. Как будто я на самом деле не существую.

Может, я просто сплю? Но если это действительно сон, то это настоящий кошмар. Молчание угнетает меня. Как будто за пределами этой комнаты ничего нет. Ужасная мысль.

— Эй! Выпустите меня отсюда! — кричу я. Вернее, я хочу закричать, но изо рта раздается только странный механический звук, как будто слова за меня произносит компьютер.

«Команда не распознана», — слышу я женский голос, такой же неестественный, как и мой. Кажется, он звучит сразу со всех сторон. Тем не менее я оборачиваюсь, отчасти надеясь, отчасти боясь, что кто-то вол-

шебным образом появился в этой комнате, что есть вход и, следовательно, есть выход. Но я один.

- Чего? — переспрашиваю я.
- Вопрос не понят.
- Кто... Кто ты?
- Меня зовут *ALICE*, — отвечает голос. — Это означает *Advanced Language Interpretation Counseling Extension*. Можешь называть меня Алисой.
- Где я нахожусь?
- Я не уполномочена предоставлять информацию о твоем местонахождении или состоянии.
- Кто я?
- Ты — пациент.

Слово «пациент» навевает мрачные мысли.

- Я в больнице?
- Я не уполномочена предоставлять информацию о твоем местонахождении или состоянии.
- Тогда для чего ты нужна? Зачем все это? Почему я здесь?
- Я здесь, чтобы помочь тебе узнать о том, что тебя окружает.

Не понимаю! Это какой-то неудачный розыгрыш? Научный эксперимент? Или новая форма терапии? Может быть, я не в обычной больнице, а в психиатрической? Судя по всему, кто-то ввел мне наркотики, которые блокируют воспоминания, отключают

осязательные рецепторы и делают голос глухим. Но какой бы ни была причина, я хочу выбраться отсюда. Я должен выбраться отсюда!

— Пожалуйста, дай мне уйти.

— Команда не распознана, скажи «Помощь», чтобы получить справку о моих базовых функциях.

— Помощь.

— Добро пожаловать, меня зовут *ALICE*, это сокращение от *Advanced Language Interpretation Counseling Extension*. Это значит — Продвинутый консультант на основе интерпретации естественного языка. Можешь звать меня Алисой. Я здесь, чтобы помочь тебе сориентироваться в новой обстановке. Ты можешь давать мне простые указания или задавать вопросы. Вот некоторые команды, которые я понимаю: «Покажи мне», «Что», «Где», «Открой» и «Закрой».

— Открой дверь.

— Команда не распознана.

— Что за пределами этой комнаты?

— Вопрос не понят.

— Черт побери! Скажи наконец, что со мной произошло!

— Команда не распознана, скажи «Помощь», чтобы получить справку о моих базовых функциях.

В бессильной ярости я бью кулаком в стену. То, что я при этом ничего не ощущаю, только усиливает отчаяние.

— Помощь! — кричу я, но изо рта вырывается лишь глухой, лишенный всякой интонации голос. И компьютерная программа снова зачитывает мне стандартный пояснительный текст.

Какое-то время я беспомощно мечусь по своей темнице, как дикий зверь в клетке. Мне кажется, что она становится все меньше и меньше, словно светящиеся стены постепенно смыкаются. Я несколько раз измеряю помещение шагами. Сколько ни меряй, получается ровно пять шагов от одной стены до другой. И хотя расстояние не меняется, меня не покидает чувство, что пространство вокруг сжимается и кислорода в нем остается ничтожно мало.

Только не падать духом! Я должен взять себя в руки, собраться, действовать разумно, если хочу выяснить, что происходит. Так, глубокий вдох! Я пытаюсь набрать в грудь воздуха, но понимаю, что легких тоже не чувствую. Я не могу дышать! У меня кружится голова. Кажется, вот-вот я грохнусь в обморок. Но ничего не происходит.

Сохранять спокойствие! Где бы я ни находился, судя по всему, прямо сейчас мне ничто не угрожает. И что бы тут ни происходило, всему можно найти объяснение. Эта мысль придает мне храбрости.

— Как я сюда попал? — спрашиваю я компьютерный голос.

— Вопрос не понят.

— Что это за комната?

— Эта комната — компьютерная симуляция, так называемая виртуальная реальность.

Ну конечно. Как же я сразу об этом не подумал!.. О виртуальной реальности я имел представление. В голове возникают названия компьютерных игр — *Minecraft*, *World of Warcraft*, *League of Legends*, *Team Defense*, *Assassin's Creed*... Возможно, я провел за ними много бессонных дней и ночей, но каких-то подробностей в памяти не сохранилось. Вероятно, кто-то надел мне новые 3D-очки, а затем дал выпить какие-то таблетки, так что я забыл, кто я и где. Но кто это сделал? И зачем? Я ощупываю лицо, но руки ничего не чувствуют. Когда я поворачиваю голову, я вижу другую часть помещения. Я могу ходить туда-сюда, могу даже прыгать на месте, но ничего в поле зрения не замедляется и не искажается. Пикселей я тоже не наблюдаю. Если это действительно очки для виртуальной реальности, то они очень мощные.

— Это компьютерная игра?

— Компьютерная игра — это программа, которая позволяет одному или нескольким пользователям играть в интерактивную игру в соответствии с прописанными правилами. Хочешь узнать об этом больше?

Хотел бы я знать, кому пришло в голову назвать эту туповатую программу продвинутой.

— Я нахожусь в компьютерной игре?

— Я не уполномочена предоставлять информацию о твоем местонахождении или состоянии.

Будь это действительно игра, то моим заданием было бы выйти из этого помещения. Но как? Здесь нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминает дверную ручку или рычаг. Мне не остается ничего другого, как говорить с Алисой. Вероятно, я должен выведать кодовое слово, открывающее дверь или что-то в этом роде.

Я пробую идти напролом:

— Назови мне кодовое слово.

— Команда не распознана.

С вопросами ничего не получилось. Какие еще команды можно отдавать Алисе? «Покажи», «Открой», «Закрой».

Тут словно что-то щелкнуло у меня в голове.

— Покажи слонов.

И о чудо! Программа распознала эту команду. Стены превратились в мониторы, поделенные тремя вертикальными линиями на четыре окошка. И в каждом из них запустились видео со слонами. Большинство этих видеозаписей — с камер, установленных в слоновых вольерах зоопарков. Невооруженным взглядом видно пиксельную структуру и типичные полосы, какие бывают при передаче видео в Интернете с низкой пропускной способностью.

Я наугад касаюсь пальцем одного из изображений, отчего оно увеличивается и заполняет собой всю стену, в то время как другие окошки сворачиваются и выстраиваются в узкую линию по нижнему краю стены-монитора.

В верхнем левом углу открытого окошка можно прочесть название страны, в которой находится зоопарк со слоновым вольером, — Нидерланды, а также дату и время — 27 апреля 2017 года, 10:00. Так как те же цифры есть и на некоторых других видео, я понимаю, что это прямые трансляции. Теперь мне известна сегодняшняя дата. Итак, я по-прежнему не знаю, кто я такой, но я хотя бы знаю, какой сейчас месяц и год. Само по себе мне это вряд ли поможет.

Но зато теперь у меня есть выход в интернет. Как только я это осознал, две другие команды, о которых упомянула Алиса, представили передо мной в новом свете.

— Открой *Google*!

Изображения слонов исчезают, и стены снова становятся белыми. Лишь одна — та, что прямо передо мной — показывает веб-браузер со страницей поиска. Я касаюсь поля ввода, и курсор начинает мигать. Видимо, стены здесь — это огромные сенсорные экраны. Однако виртуальной клавиатуры нет.

— Слон, — громко говорю я, и тут же это слово появляется в поисковой строке *Google*. Я нажимаю кнопку поиска, и *Google*

выкатывает мне список найденных ссылок, несколько изображений и краткую справку, кто такие слоны.

Похоже, я в симуляции реальности с виртуальными тачскринами, через которые могу выходить в Интернет. Какой в этом смысл? Почему я знаю, как работает *Google*, но не могу вспомнить, что когда-нибудь пользовался поисковиком?

— Открой *Google Earth*.

Стена показывает картинку со спутника. От левого верхнего угла к правому нижнему тянется, рассекая серо-зеленую плоскость, темная лента реки. В центре картинки река распадается на два рукава, которые огибают остров в форме луковицы и снова соединяются. По обоим берегам реки картинка густо утыкана серыми точками, словно кто-то рассыпал здесь пепел. Мне не нужно читать белые буквы посередине экрана, я и так знаю, что это за место, хотя и не понимаю откуда. *Google* определяет ваше местоположение по IP-адресу и подстраивает под него карту. Эта информация просто есть в моей голове, но бог знает, как она туда попала. Но это уже что-то, теперь я хотя бы примерно представляю, где нахожусь.

— Я в Гамбурге? — интересуюсь я.

— Я не уполномочена предоставлять информацию о твоем местонахождении или состоянии, — совершенно безучастным голосом повторяет Алиса.

— Покажи мне Гамбург, — приказываю я.

Карта и поисковое окно исчезают. Зато снова появляются изображения с десятка веб-камер. Они показывают различные сцены из городской жизни: Бинненальстер¹ с фонтанами, пристани, Хафенсити², Эльбская филармония³, Центральный вокзал, аэропорт, какие-то улицы, какие — на первый взгляд непонятно. Мимо несутся машины, люди бегут по своим делам. Как бы мне хотелось оказаться на их месте, в поле зрения камер, а не торчать здесь, в виртуальной реальности, довольствуясь лишь картинкой настоящего мира, которого я не могу коснуться рукой!.. Кто я? Где я? Почему я здесь? От этих вопросов с каждой минутой становится все больнее.

Может, одна из камер покажет то, что поможет мне вспомнить. Я узнаю многие известные здания и площади, словно только что посмотрел фильм о Гамбурге, но сам никогда там не был.

Мое внимание привлекает одна из видеотрансляций. Я вижу велосипедную дорожку, которая идет вдоль улицы, примыкающей к парку. Вроде бы ничего особенного, но транслируется все это в непривычной для веб-камер манере. Камера ползет вдоль до-

¹ Бинненальстер — озеро Бинненальстер, или Внутреннее озеро Альстер — искусственное озеро в Гамбурге.

² Хафенсити — квартал в Гамбурге.

³ Эльбская филармония — концертный зал Гамбурга, расположенный на острове Грасброк на реке Эльбе.

рожки, примерно на уровне глаз, дергаясь то вправо, то влево, словно в руках у пьяного оператора. В поле зрения медленно появляются и исчезают деревья, пешеходы, припаркованные машины. В правом верхнем углу можно разглядеть логотип интернет-сервиса — *Eyestream*.

Картишка неожиданно съезжает вниз, и я могу разглядеть край скейтборда, катящегося по велосипедной дорожке. Наверное, камера закреплена на голове у скейтбордиста.

— Алиса, открай *Eyestream*!

Изображения с веб-камеры исчезают, и открывается сверстанный на скорую руку сайт. На нем показывают видео, которые сняты в той же манере, что и стрим скейтбордиста, но изображение движется гораздо медленнее. Видимо, это снимают пешеходы. Ниже можно прочесть их имена и города, откуда ведется съемка: Кэрол в Амстердаме, Йорген в Тронхейме, Ральф в Пизе, Мария в Регенсбурге...

Короткий текст сообщает, что благодаря *Eyestream* «вы можете поделиться своей жизнью со всем миром, транслируя то, что вы видите прямо сейчас, конечно, если вы сами этого хотите и со строжайшим соблюдением конфиденциальности». Сервис уже насчитывает более трехсот тысяч участников, но в настоящее время активны не более тысячи камер. Трансляцию с одной из них я только что видел.

Я ввожу «Гамбург» в поле поиска и получаю еще четыре ссылки. Когда я нажимаю на верхнюю, страница просит меня зарегистрироваться. Ну ладно. Имя пользователя? Понятия не имею. Вбиваю *Boyinawhiteroom*. Адрес электронной почты? Не помню. Поэтому я открываю *Google* и создаю новый: *boyinawhiteroom@gmail.com*.

Вот я наконец зарегистрировался, и выбранный мной поток заполняет стену. Он принадлежит Майку, 21-летнему студенту, который прогуливается по Менкебергштрассе по направлению к Ратхаусмаркт⁴. Через микрофон его камеры я слышу приглушенные шумы дорожного движения, голоса уличных музыкантов. Я решаю переключиться на следующий стрим, но тут неподалеку раздаются громкие, агрессивные голоса. Майк поворачивает голову, и я вижу пожилого человека в поношенной одежде. Он сидит в дверях, и у его ног пристроился дряхлый пес. Перед ними — двое парней в кожаных куртках. Я не могу разобрать, что они говорят, но и так понятно, что эти типы хамят и издеваются над стариком.

Бездомный поднимает руки, защищая голову. В этот момент до меня доходит, что камера больше не движется. Майк стоит на месте и наблюдает за происходящим. На краю кадра появляются люди. Образуется целая

⁴ Ратхаусмаркт (Ратушная площадь) — центральная площадь Гамбурга

группа зевак, они заинтересованно глазеют, но никто не шелохнется, чтобы помочь человеку, которого обижают отморозки.

— Сделай же что-нибудь! — вырывается у меня.

— Команда не распознана, — отзыается Алиса.

— Алиса, вызови полицию!

— Команда не распознана.

В этот момент один из хулиганов бьет старика пивной бутылкой. Тощий пес подпрыгивает и хватает напавшего за руку. Взревев от боли, тот отшатывается назад. Пес вцепился в общлаг рукава кожаной куртки и не отпускает. Второй хулиган достает складной нож и вонзает его собаке в бок.

Никто не приходит на помощь. Люди просто стоят и смотрят. Я должен что-то сделать, хоть что-нибудь! Можно отправить сообщение пользователям *Eyestream* через функцию чата. Но уже слишком поздно: старик склоняется над убитой собакой, нападавшие убегают, и толпа зевак постепенно начинает редеть. Майк тоже отворачивается и просто продолжает идти дальше. Я слышу его голос: «Чуваки, это было действительно круто. Вы видели это? Какие-то парни наваляли бомжу и зарезали его собаку. Бьюсь об заклад, сейчас я главный претендент на стрим месяца. Итак, поднимите палец и проголосуйте за меня, хорошо?»

Меня чуть не вырвало. «Вызови полицию, мудила!» — пишу я в окошке чата. Никакой

реакции от Майка. С отвращением я приказываю Алисе закрыть страницу.

Какое-то время я просто сверлю взглядом белую стену. Мне дурно. То ли от жестокого и кровавого зрелища, которое показала камера, то ли от бессилия, которое я при этом испытал. Когда оцепенение проходит, я начинаю метаться по белой комнате, как дикий зверь в клетке, чувствуя одновременно ярость, беспомощность и подавленность. До тех пор, пока мысли в голове не складываются в более или менее понятную картину.

Итак, что я знаю? То, что заточён в виртуальной комнате без выхода. То, что потерял память и не имею представления, где мое тело. Я могу видеть мир за пределами этой комнаты тысячами глаз, но пока я не узнал, куда мне смотреть, это совершенно бесмысленно. Остается Алиса, болтливый искусственный интеллект. Судя по всему, она и есть моя единственная зацепка.

— Открой *Google*!

Я нажимаю на поле поиска и ввожу *ALICE*. *Google* выдает ссылки на книгу Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес», содержание которой мне известно, хоть я и не помню, что когда-либо читал ее. Кроме того, на первой странице оказываются телефонный провайдер, певица и правозащитница. Но ни одной ссылки на программу с таким названием. Это было бы слишком просто.

Затем я ввожу «Продвинутый консультант на основе интерпретации естественного языка». «Гугл» выдает отдельные запросы — что-то по «Продвинутому консультанту», что-то по «анализу естественного языка», но ничего о программе, которая понимает простейшие команды на человеческом языке. Итак, я снова остался ни с чем.

Еще одна попытка: «Искусственный интеллект Гамбург».

В самом топе выдачи — ссылка на веб-сайт фирмы «Микрологика», которая занимается интеллектуальным анализом данных, что бы это ни значило. На главной странице никаких упоминаний, что фирма имеет какое-то отношение к Алисе. Но это неважно.

— Что за компания «Микрологика»? — спрашиваю я у Алисы.

— «Микрологика» — это лидер в сфере анализа и обработки больших массивов данных с помощью нейронных сетей, — с готовностью откликается она. — Клиенты «Микрологии» — такие признанные международные компании, как *Philips, Siemens, Deutsche Telekom, Commerzbank, DKV, BMW* и *Vattenfall*. «“Микрологика” — найдем любую иголку в стоге сена ваших данных».

Так-так, любопытно: Алиса, которая прежде, прямо скажем, эрудицией не блистала, кажется, знает много всякого разного о «Микрологии». Возможно, стоит повнимательнее присмотреться к их сайту.

При беглом просмотре я не нахожу ничего интересного — ни указания на систему, напоминающую Алису, ни компьютерных симуляций и виртуальных миров. Очевидно, фирма производит софт, позволяющий в больших массивах данных отыскать связи, на основании которых создаются некие модели, позволяющие прогнозировать поведение потребителей. Это и называется интеллектуальным анализом данных. По запросу «Микрологика» «Гугл» выдает статью, опубликованную в 2013 году в одном экономическом журнале. В статье сообщается, что один из ведущих акционеров фирмы — Хеннинг Ясперс, миллиардер, обладатель двадцатого по величине состояния в Германии.

Что-то в этом имени кажется мне знакомым, как будто я его где-то слышал, но ничего определенного о нем не знаю и не помню. Зато в «Гугле» и «Википедии» масса информации о Хеннинге Ясперсе. Он вместе с партнером Мартином Раффи основал фирму *Dark Star Game Studios*, которая добилась мирового успеха, выпустив на рынок игровой мегахит *Team Defense*. Вероятно, именно поэтому мне знакомо его имя.

Я натыкаюсь на новость восьмимесячной давности.

Взломщик застрелил жену миллиардера!

Гамбург. В ночь с субботы на воскресенье неизвестные проникли на виллу ин-

тернет-магната Хеннигга Ясперса. Во время нападения жена миллиардера Мария Ясперс была убита, а их 15-летний сын Мануэль смертельно ранен. Мальчика доставили в специальную клинику, его состояние оценивается как крайне тяжелое. По сообщению полиции, преступники, очевидно, хотели похитить подростка, но были застигнуты врачами его материю, которая с помощью перечного газа попыталась обратить их в бегство. Личности преступников устанавливаются, но полиция подозревает, что их было как минимум двое. Адвокат семьи сообщил, что Хенниг Ясперс не будет давать публичных комментариев по этому делу. Однако он сделает все возможное, чтобы помочь полиции раскрыть это ужасное преступление. Информация, имеющая отношение к делу, разослана по всем отделениям полиции.

В статье есть фотография роскошной виллы, но людей на ней я не узнаю. Я щелкнул по снимку и увеличил его. Был ли я когда-нибудь здесь? Не помню.

— Кто такой Хенниг Ясперс? — спрашивала я и получаю ответ:
— Хенниг Ясперс — это твой отец.

ГЛАВА 2

Браузер закрывается без обычного в таких случаях предупреждения. Стены снова становятся белыми, на одной из них появляются крутящиеся песочные часы. Когда они исчезают, я неожиданно оказываюсь в комнате, похожей на библиотеку. Это не картинка на стенах, а полноценная трехмерная реальность, словно я телепортировался в другое место.

Что происходит? Оглядываюсь по сторонам. Вокруг только высокие книжные полки, которые упираются в потолок. Из окон открывается вид на большой сад. Огромный современный стол из темного дерева занимает весь центр комнаты, в углу стоят два кожаных кресла. На противоположной стене дверь.

Я пробую сделать шаг. Здесь я могу совершенно спокойно перемещаться, но мои руки, и остальные части тела — не более чем виртуальные проекции. Пытаюсь взять книгу с полки — и снова ничего не выходит.

В действительности меня здесь нет, где бы ни было это *здесь*.

Дверь с тихим скрипом открывается и входит мужчина. На вид ему лет пятьдесят, небольшая седина, огромный нос, на котором сидят большие очки. Хотя он и выглядит довольно реалистично, до меня быстро доходит, что и это виртуальная проекция.

— Мануэль!

Его голос звучит так, будто он обрадован, но лицо отражает лишь слабую неискреннюю улыбку. Мужчина подходит ко мне и хочет обнять, но когда понимает, что в этом воображаемом мире его усилия напрасны, застывает на месте:

— Как ты, Мануэль?

Имя звучит знакомо, но не настолько, чтобы оказаться моим.

— Кто вы? — спрашиваю я.

Его лицо приобретает бесстрастное выражение.

— Ты все еще ничего не помнишь?

В отличие от голоса Алисы, да и моего собственного, его речь звучит естественно. В ней можно различить эмоции. Это голос живого человека.

— Нет, — отвечаю я.

— Этого-то я и боялся.

Теперь в его интонациях звучат усталость и разочарование:

— Мне очень жаль, сынок, мы перепробовали все, чтобы вернуть тебе память, но твой мозг отвергает импланты.

Звучит не слишком обнадеживающе.

— Какие еще импланты?

— Все, один за другим. Но если ты оказался в этой библиотеке, значит, догадался, кто ты.

— Алиса, сказала, что я сын миллиардера Хеннинга Ясперса. Думаю, что это вы.

Мужчина ничего не отвечает и смотрит на меня. Мне кажется, что я чем-то его задел. И когда он наконец открывает рот, его голос звучит абсолютно бесстрастно:

— Да, это я. А ты мой сын Мануэль, даже если ты меня не помнишь. Наверное, ты видишь во мне постороннего, но ты единственный, кто в этом мире имеет для меня значение.

Он делает короткую паузу, подбирая слова:

— Эти сволочи убили твою мать и сломали тебе жизнь. Они поплатятся за это!

— Так это правда — то, что пишут в Интернете? Взломщики убили маму?

— Конечно, правда. Как ты думаешь, почему я встречаюсь с тобой в виртуальном мире, а не держу за руку в реальном?

— Я не понимаю, где я и что со мной случилось.

— Я покажу, — отвечает Хеннинг и машет рукой.

И вот я уже не в библиотеке, а в комнате с белыми стенами и полом, покрытым линолеумом. В комнате — больничная кровать, а рядом с ней стеллаж, заставленный мига-

ющими электронными приборами. От стеллажа тянется толстый кабель, он подключен к голове мальчика, который лежит в кровати. На вид мальчику лет 15, у него выющиеся черные волосы, которые пробиваются через сетку тонких проводков. К носу и рту идут трубки. Глаза закрыты, выражение лица расслабленное, будто он мирно спит.

Мгновение я молча смотрю на неподвижное тело, потом подхожу и наклоняюсь над ним.

— Это... это я?

Аватар человека, который называет себя моим отцом, согласно кивает.

— Пуля попала тебе в шею и перебила позвоночник. Осколки кости проникли в ствол мозга. Ты выжил чудом.

Как это может быть? Это действительно я? При взгляде на это тело внутри у меня ничего не шелохнулось. Хотя скорей всего, я никогда прежде не смотрел на него со стороны.

— Провода подключены прямо к моему мозгу?

Какая ужасная догадка!

— Да. Твой разум полностью изолирован от тела. Даже нервные сигналы от глаз и ушей не достигают мозга. Остался только кровоток. Врачи сказали, что ты умер, но мы проверили активность мозга и обнаружили, что он все еще функционирует. Нам потребовалось время, но в конце концов мы смогли расшифровать основные нервные импульсы

и обучить им твоё виртуальное тело. Труднее всего было интерпретировать сигналы речевого центра, но, как видишь, нам это удалось. Ты можешь говорить с помощью компьютера, но все слова и мысли, которые ты произносишь, твои. Ты был заперт в тюремной камере, но нам удалось освободить тебя.

Я вижу себя в виртуальной больничной палате. Свобода? Я представлял ее иначе.

— Смогу я когда-нибудь снова вернуть свое тело?

Секунду мой собеседник колеблется. А когда решается ответить, его голос звучит так, будто он вот-вот разрыдается.

— Нет. Нет, сынок, это невозможно. Как бы я хотел сказать тебе что-то другое!

— Я понимаю.

Неужели я это произнес? Меня как обухом по голове ударило. Я навсегда, навсегда останусь в этой условной реальности. Возможно, то, что я ничего не помню, защитная реакция мозга. Но не на электроды, которые подключены к моей голове, а на эту ужасную правду.

— Иди сюда, я кое-что тебе покажу.

Он снова машет рукой, и больничная палата исчезает.

Я в комнате в мансарде. Письменный стол с компьютером, полка, заставленная книгами, платяной шкаф, кровать. Постер с рок-группой, название которой я почему-то знаю, хотя и не помню, о чем она поет. Над кроват-

тью висит плакат со сценой из «Властелина колец». Фродо опирается на перила во дворце Элронда и смотрит на сказочный Ривенделл. Еще выше — коллективное фото футболистов из *HSV*⁵ с автографами — видимо, я был фанатом этого клуба. Рядом с рюкзаком, из которого торчат школьные учебники, лежит теннисная ракетка. Все выглядит так реально и так странно!

— Это твоя комната, — объясняет он. — Здесь все в точности так же, как было до того, как ты... — он запинается и, выдержав паузу, спрашивает: — Ты что-нибудь помнишь?

Мне не кажется, что я бывал в этой комнате. Вещи, которые я вижу, не говорят мне ничего. Я могу назвать имена футболистов на постере, но я понятия не имею, приходилось ли мне самому когда-нибудь пинать мяч. Мне известно, кто такие Элронд и Фродо, я даже знаю, о чем фильм, не помню только, смотрел ли я его. Неожиданно я понимаю, что передо мной нечто бесценное, сокровище, которое уже никогда не будет принадлежать мне, — моя прошлая жизнь.

— Не знаю, — отвечаю я так, чтобы Хенниг не почувствовал всю силу охватившего меня отчаяния.

— Возможно, что память еще вернется, — отзывается он, хотя голос его не

⁵ *HSV* (*Hamburger Sport-Verein*) — старейший футбольный клуб Гамбурга.

слишком обнадеживает. — Но я припас для тебя сюрприз. У жизни в виртуальном мире есть свои преимущества.

Мужчина дотрагивается до постера с Властелином колец, и в тот же момент я оказываюсь возле полукруглой балюстрады, искусно вырезанной из светлого дерева. Передо мной расстилается покрытая лесом долина, обрамленная скалами, с которых низвергаются водопады. Над одним из них переброшен изогнутый мост. Брызги, преломляясь в солнечных лучах, превращаются в радугу.

— Bay! — вырываются у меня.

— Нравится?

Я поворачиваюсь к нему и вижу, как он изменился. Теперь на нем длинная мантия, волосы спадают на плечи, а лицо выглядит намного моложе. Очki пропали. Но самая удивительная перемена произошла с ушами. Они удлинились и заострились.

— Мы выкупили у Питера Джексона оригинальные данные, которые использовались для 3D-анимации и декораций фильма, — с гордостью сообщает он. — Но нам пришлось их доработать, чтобы можно было гулять по всему Средиземью.

— И все это ты сделал для меня?

На эльфийском лице не отразилось ни единой эмоции.

— Я хотел, чтобы тебе здесь было хорошо. «Властелин колец» всегда был твоей любимой книгой.

— Это здорово. Вот только не пойму, с чего вдруг я оказался в комнате с белыми стенами, когда проснулся. Почему со мной никто не разговаривал? Зачем мне нужно было приложить столько усилий, чтобы узнать, кто я такой?

— Ты попал в непростую ситуацию, Мануэль. Никто не знает это лучше меня. Чтобы подобраться к истине, ты должен взять судьбу в собственные руки. Я мог бы рассказать тебе, что произошло, но я решил дать тебе шанс выяснить это самостоятельно. И мне не приходило в голову, что ты сделаешь это так быстро. Надеюсь, это добрый знак и твое положение не безнадежно.

Мне захотелось заорать, но искусственный голос всегда остается ровным.

— А теперь, значит, моя судьба в моих руках? Да это такая же иллюзия, как и этот эльфийский дворец!

— Не говори так, — возражает он. — Любой мальчишка твоего возраста отдал бы все на свете, чтобы сейчас оказаться на твоем месте и гулять по фантастическому миру.

— А я отдал бы все на свете, чтобы поменяться с ним местами.

— Понимаю, Мануэль, но это невозможно, по крайней мере пока.

Его рука ложится мне на плечо, но я этого не чувствую.

— Почему бы нам не пройтись немножко, не осмотреть наши владения? Ты увидишь, что моя команда проделала большую работу.

ГЛАВА 3

Если оценивать реальность только по тому, как она воздействует на чувства, то дворец Элронда выглядел более настоящим, чем картины Гамбурга, которые проецировались на стены белой комнаты. Залы дворца украшены витиеватой резьбой и росписью, а мебель, напротив, довольно скромная. Эльфы в простых одеждах кланяются нам и уходят, словно у них есть срочные дела.

— Это неигровые персонажи, полагаю?

— Вижу, ты забыл не все, что усвоил из компьютерных игр. Неудивительно, ведь ты проводил за ними дни и ночи. Матери, конечно, это не нравилось, но что мы могли поделать? Теперь фирма, которая делает игры, принадлежит мне. И отвечая на твой вопрос: да, это фигуры, которыми управляет компьютер.

— Эй ты, — окликнул я прелестную эльфийку, которая показалась в дверях. — Чему равен корень из 36?

— Прошу прощения, господин, я простая служанка и мало что смыслю в таких вещах, — отвечает эльфийка тем же неестественным голосом, что и Алиса.

— Сколько тебе лет?

— Прошу прощения, господин, я простая служанка и мало что смыслю в таких вещах.

— Они не слишком умны, — делаю вывод я.

— Конечно, мы не можем наделить всех персонажей высокоразвитым искусственным интеллектом. На это у нас не хватит вычислительной мощности, — отвечает Хеннинг Ясперс. После всего, что я узнал, мне следовало бы называть его папой, но я по-прежнему считаю его случайным знакомым. — Я хочу тебя кое с кем познакомить. Это пока экспериментальная, бета-версия, но мы гордимся тем, что она умеет, — он машет одному из эльфов: — Приведите Аландиль, будьте так добры.

— Слушаюсь, повелитель.

Слуга исчезает в одном из соседних залов и вскоре возвращается в сопровождении эльфийки в простом оливковом платье. На первый взгляд, она немного отличается от других неигровых персонажей — лицо прописано гораздо лучше, оно выглядит не таким совершенным и оттого меньше похоже на маску. Аландиль кланяется нам:

— Вы звали меня, господин?

— Это Мануэль, он погостит здесь какое-то время.

— Рада с вами познакомиться, Мануэль.

Голос девушки тоже искусственный, но звучит куда приятней, чем у прочих виртуальных персонажей.

- Чему равен корень из 36?
- Прошу прощения, господин, я простая служанка и мало что смыслю в таких вещах.

Я несколько разочарован, но отец пытается сгладить ситуацию:

- Аландиль не сильна в математике, зато она опытная целительница и хорошо разбирается в истории эльфов.

С этим как раз все понятно. Написать код для ходячей энциклопедии Толкина не бывает никакая задача. Нашпиговать неигрового персонажа рецептами мазей и целебных зелий — тоже. Интересно, как мне проверить ее пресловутый интеллект? Мой взгляд падает на вазу, стоящую на приставном столике. Она разрисована картинками, напоминающими обложки фэнтезийных романов.

Я беру вазу в руку. Это удается мне без особого труда, как будто это настоящая вещь, но ее веса я не ощущаю. Я открываю дверь, ведущую в небольшую каморку, которая, возможно, служит спальней какому-то эльфу, ставлю вазу на пол и возвращаюсь в коридор.

- Что находится за той дверью? — спрашиваю я Аландиль.

Она смотрит на меня пару секунд, будто не поняла вопроса. И как только я собираюсь его повторить, отвечает:

- Вы говорите о комнате Герфена?
- Скорей всего. Так что в той комнате?
- Это игра? — интересуется эльфийка.

Ну надо же! Это не похоже на типичный запрограммированный ответ.

— Да.

Она закрывает глаза, точно пытается сосредоточиться:

— В комнате кровать, стол, два стула, умывальник, два серебряных подсвечника, резной сундук и ваза, которую вы только что туда поставили.

Я почти ничего не знаю о том, как строятся подобные алгоритмы, поэтому поражен.

Для меня стало неожиданностью, что искусственный персонаж вроде Аландиль так хорошо осведомлен обо всех предметах в этом дворце и способен сделать правильный вывод из моих действий.

— Думаю, со временем вы сможете узнать друг друга получше, — говорит отец. — А сейчас, Мануэль, я хотел бы тебе еще кое-что показать.

— Я вернусь к работе, если позволите, господин, — девушка слегка склоняет голову. — Было приятно познакомиться, Мануэль. Могу я поставить вазу на место?

— Да... да, конечно, — говорю я, с удивлением наблюдая, как она выносит вазу из комнаты, ставит ее на столик, улыбается мне на прощание и исчезает за другой дверью.

— Это действительно нечто!

— Дауж, — соглашается Хеннинг Ясперс.

— Она что, в самом деле... думает? У нее есть разум?

— Это сложный вопрос. Философы, психологи, нейробиологи и специалисты по искусственному интеллекту пока не пришли к единому мнению, что, собственно говоря, представляют собой разум и интеллект. Я давно не заморачиваюсь на этот счет. Достаточно того, что Аландиль в большинстве ситуаций ведет себя так, будто умеет думать. Пойдем, покажу тебе еще кое-что.

Он ведет меня по винтовой лестнице в комнату, которую почти целиком занимает большой стол. На нем разложена огромная карта. Хотя названия на ней обозначены эльфийскими рунами, читать которые я не умею, я сразу узнаю характерный треугольник гор, за которыми скрывается темное царство Мордор.

— Что ты хочешь увидеть первым? — спрашивает мой Хеннинг Ясперс. Я уже готов называть его отцом.

— Правильно ли я понимаю, что симуляция включает в себя не только Ривенделл, но и все Средиземье?

— Да. Шир, Лихолесье, Рохан, Гондор, Изенгард, рудники Мории — всё, что есть в книге. Конечно, мы все еще дорабатываем некоторые части, но многое уже можно посмотреть. Я задействовал половину программистов и графических дизайнеров, создававших *Dark Star*, кроме того, нанял двух экспертов по компьютерной графике, которые работали над «Хоббитом».

Я впиваюсь глазами в карту и внимательно рассматриваю все фантастические места. Разве не об этом я всегда мечтал — увидеть мир «Властелина колец» своими глазами? Кажется, именно так, но я не помню. И теперь, когда мне представился шанс, трудно сделать первый шаг. Возможно, стоит идти от начала книги.

— Хочу попасть в Хоббитанию.

— Как скажешь.

Мысленно я приготовился к телепортации, но отец жестом приглашает следовать за ним. Мы идем по коридорам, поднимаемся по крутой винтовой лестнице и наконец оказываемся на террасе, расположенной на крыше. Судя по всему, это одна из самых высоких точек дворца. Отсюда открывается прекрасный вид на весь дворцовый комплекс, который настолько идеально вписан в естественный ландшафт долины, что кажется, будто он вырос из скалы.

— Что мы здесь делаем?

— Сначала я подумал, что ты мог бы перемещаться с места на место с помощью заклинаний, — объясняет он. — Но разработчики убедили меня, что это плохой вариант. Мир становится для нас реальным только в том случае, если в нем действуют свои ограничения. В конце концов, даже Гэндалф не может запросто очутиться там, где пожелает... Однако мне показалось, что ты заскучаешь, шагая день за днем из страны в страну. В итоге мы придумали вот это.

Отец извлекает из складок мантии какую-то флейту и наигрывает на ней короткую простую мелодию. В ответ откуда-то издалека раздается пронзительный клекот. Немного погодя над горами появляются две черные точки, которые быстро растут и превращаются в огромных орлов. Опустившись рядом с нами на террасу, они складывают могучие крылья. Я вижу, как поднявшийся ветер разевает длинные волосы Хеннинга Ясперса и вздымает полы его мантии, но сам не чувствую ровно ничего.

Отец забирается на спину одной из гигантских птиц, я следую его примеру. Орлы взмахивают крыльями, взлетают и описывают круги, словно их подхватил небольшой смерч. И мы уже летим над вершинами близлежащих гор.

Какое это невероятное впечатление — плыть в воздушных потоках на спине орла над Ривенделлом! Я напоминаю себе, что это всего лишь иллюзия. Но стоит мне посмотреть вниз, как у меня начинает кружиться голова, и я изо всех сил вцепляюсь в перья на орлиной шее.

Искусственный мир кажется бесконечным. Я вижу реки, леса и отдаленные горные цепи, которые простираются под нами. Пейзаж кажется слегка размытым лишь ближе к горизонту.

— В Хоббитанию! — командует Ясперс, и по его голосу можно понять, что он очень доволен.

На карте расстояние между Ривенделлом и Широм было не слишком большим, однако прошло немало времени, прежде чем птицы добрались до холмов Хоббитании и опустились прямо посередине хоббичьей деревушки — дома здесь и вправду врыты в землю. Полурослики выскакивают отовсюду с удивленными криками и обступают нас со всех сторон. Детвора показывает на нас пальцами. Полное впечатление переполоха в мирном поселении. Мы с отцом слезаем со спин благородных птиц, и они тут же взмыгают вверх и исчезают в облаках. Хоббиты с любопытством разглядывают меня, словно ожидают приказаний.

Я мог бы стать в этом мире героем, королем или даже богом. Идея заманчива, но... Внезапно я вижу в этих существах, что так взбудораженно толпятся вокруг, тех, кто они есть на самом деле — безжизненных марионеток без собственной воли, без настоящих чувств, без души. И то, что они кажутся такими живыми, внезапно вызывает у меня приступ отвращения, который я не могу объяснить. Просто смутное, но непреодолимое чувство, что я здесь чужак.

— Я хочу вернуться в белую комнату, пожалуйста.

— Но почему, сынок? Тебе здесь что-то не нравится?

— Меня все устраивает, но мне сейчас немного не до компьютерных игр.

— Ты считаешь, что это всего лишь игра? В его голосе слышится разочарование.

— Ты хоть понимаешь, сколько труда в это вложено? Мы создали мир специально для тебя. Он почти бесконечный. Тебе в нем никогда не придется скучать. Ты можешь отправиться навстречу приключениям, исследовать глубины Мории или сразиться с гигантским пауком, если захочешь. Ты можешь командовать целой армией и противостоять Темному властелину!

— Но ведь это не по-настоящему, — отвечаю я.

— Я знаю, это покажется странным, но ты привыкнешь и в какой-то момент забудешь, что это иллюзия. Наш мозг может приспособиться к самым нереальным обстоятельствам и в конце концов принять их за чистую монету. В отличие от меня и любогодругого человека, ты никогда не будешь испытывать боль, голодать или страдать от жажды. Если ты умрешь в одном из приключений, для тебя это будет всего лишь времененная неудача. Если ты захочешь, мы пригласим сюда других людей. Мы могли бы открыть некоторые части Средиземья как многопользовательскую онлайн-игру для широкой аудитории. И ты тогда познакомишься со множеством людей по всему миру и заведешь новых друзей. При этом ты будешь самым могущественным существом в Средиземье, чья волшебная сила

во стократ превосходит магию Гэндалльфа или Сарумана. Стоит тебе только захотеть...

— Мне жаль. Здесь в самом деле очень красиво, но... это всего лишь выдуманный мир. Я чувствую, что его на самом деле не существует. Думаю, мне хотелось бы оказаться поближе к реальности. По крайней мере, пока я не вспомню прошлую жизнь.

— Понимаю, — грустно вздыхает отец. — Тебе тяжело.

Он указывает на деревню хоббитов:

— Ну, все это никуда не денется. Можешь вернуться сюда в любое время. Просто скажи, если тебе захочется. А сейчас мне нужно кое о чем позаботиться. Вернемся к этому разговору позже.

И, не успев попрощаться с отцом, я вновь оказываюсь один в пустой комнате с белыми светящимися стенами.

ГЛАВА 4

— Алиса, покажи мне Марию Ясперс!

Коллаж из фотографий и текстов из Интернета заполняет все четыре стены комнаты. Мария была красивой женщиной, стройной и высокой, с темными вьющимися волосами, которые, возможно, я унаследовал от нее. Я разглядываю ее, всегда одетую по последней моде: вот она на сборме средств, а вот на Берлинале⁶ или на вечеринках богатеев. Все упоминания о ней в Интернете, которые не касаются ее смерти, относятся ко времени, когда она вышла замуж за отца.

В одной статье за 2006 год рассказывается история знакомства четы Ясперс: отец катался на лыжах и сломал ногу, а она была медсестрой в больнице в Инсбруке. Это было в 1996 году. Он окончил обучение в бизнесшколе и получил диплом мастера делового администрирования. На другом фото рядом с женщиной на полу сидит кудрявый счаст-

⁶ Берлинале — Берлинский международный кинофестиваль, проводится с 1951 года в Берлине.

ливый ребенок и играет с геймбоем⁷. Неужели это я?

Виртуальной рукой я убираю со стены большие фотографии, нажимаю ссылки, открываю еще больше статей. Ничто из того, что я вижу, о чем читаю, не пробуждает во мне воспоминаний. Мать остается для меня незнакомкой. И что злит меня еще сильнее, чем ее смерть, так это то, что убийцы отняли у меня даже память о ней.

— Она была замечательной женщиной.

Сколько времени отец стоит здесь в виртуальном обличии, я не знаю. Во всяком случае, он ничем не выдал своего присутствия. Я хотел бы с ним согласиться: да, она была именно такой. Но это ложь, ведь я вообще ничего не знаю о Марии Ясперс. Я не помню даже, как звучал ее голос.

— Открой *securecloudstorage.com*, слеш, *hjaspers*, слеш, *fotos*, — говорит отец.

Фотографии из Интернета исчезают, вместо них появляются две папки. Под одной из них написано «Мануэль», под другой — «Мария». Он выбирает папку с фотографиями матери и кликает. Наконец я вижу ее такой, какой она была в частной жизни. Вот она играет со мной маленьkim, вот она готовит, вот распаковывает рождественские подарки. Есть даже пара фотографий, где она, смеясь и смущаясь, выглядывает из-за занавески в душевой.

⁷ *Game Boy* — линейка портативных игровых устройств, разработанная и производившаяся *Nintendo*.

Папа нажимает на видео. Оно снято в парке отдыха в Люнебургской пустоши⁸. Мне около трех, и я прячусь за ее ногами, потому что испугался гигантского плюшевого медведя. Вот я машу с карусели ей и отцу, который, очевидно, держит камеру. Следующая сцена — я держу большое мягкое мороженое, мое лицо перепачкано. Мороженое вываливается у меня из руки. Я начинаю плакать. Мама пытается утешить меня, вытирая липкое мороженое с одежды. Она поворачивается к отцу и сердито отчитывает его: «Вместо того чтобы стоять там и снимать, лучше бы помог!» На этом фильм заканчивается.

Это первые слова, которые я от нее слышу. Ее голос кажется мне чужим. Как бы мне хотелось сейчас разреветься, как тот малыш в фильме, который вроде как был мной, но при этом кажется абсолютно посторонним человеком. А отец способен плакать. Его аватар неподвижно стоит рядом с моим, и его цифровое лицо не выражает никаких эмоций, но я слышу, как он всхлипывает и шмыгает носом.

— Спасибо, что показал, — говорю я.

Он молчит.

— Расскажи мне о ней.

— Она... она была чудесной женщиной.

Мария редко сердилась, но стоило ее разозлить, и она превращалась в настоящий ура-

⁸ Люнебургская пустошь — национальный природный парк на северо-западе Германии.

ган. Однажды швырнула мне в голову пакет молока. Потом мне пришлось убирать кухню, ведь это произошло по моей вине, я ее спровоцировал. Такой она была упрямой, непреклонной, непоколебимой. У грабителей не было ни единого шанса напугать ее: она предпочла умереть, чем позволить им забрать тебя. Я никого не любил больше нее. И она, конечно, тоже любила меня, но для нее не было в мире кого-то дороже тебя. Мне всегда приходилось держать ухо востро, чтобы она не избаловала тебя окончательно. Если учитель в школе осмеливался влепить тебе плохую оценку, ему приходилось несладко. Не то чтобы это случалось часто — ты всегда был очень внимательным и одаренным учеником.

— У меня есть братья или сестры?

— Нет. С твоим рождением были... э-э-э-э... некоторые проблемы. Ты даже какое-то время провел в отделении интенсивной терапии, но, к счастью, все обошлось без серьезных последствий. После этого твоя мать не могла иметь детей. Думаю, от этого она любила тебя еще больше.

— Где она похоронена?

— На Ольсдорфском кладбище⁹.

— Могу я... увидеть ее могилу?

— Да. Но сначала у меня есть кое-что новое для тебя. Возможно, тебе это понравится.

⁹ Ольсдорфское кладбище — некрополь в районе Ольсдорф в Гамбурге, крупнейшее кладбище-парк в мире.

Или ты предпочтешь сейчас отдохнуть? Представляю, как это все для тебя запутанно и утомительно.

— Так и есть. Но я бы хотел увидеть, что ты собирался мне показать.

— Хорошо. Алиса, покажи частную камеру эс сто тринадцать!

Фотографии исчезают, а стены становятся белыми, все, кроме одной. На ней изображена подвальная комната, напоминающая помещение для занятий спортом, с матами на полу и неоновым освещением.

Картинка покачивается. Видимо, камера закреплена на чьей-то голове.

Аватара отца рядом нет, зато я слышу его голос:

— Видишь, где я?

— В подвале с матами.

— Точно. Ты сейчас видишь то, что показывает камера, встроенная в мои очки. Смотришь на мир моими глазами, так сказать.

Он медленно обводит взглядом комнату так, чтобы и я мог оглядеться. Но я не нахожу ничего интересного. Несколько тренажеров и этажерка, на которой лежат 3D-очки и пара перчаток.

— Теперь на мне нет сенсорной перчатки, для управления я использую голос и вот это.

Я вижу его руку, сжимающую смартфон. Он открывает дверь и выходит в освещенный неоном коридор. Миновав его и еще один

коридорчик покороче, он оказывается в просторном гараже. Здесь стоят красный «феррари» и большой черный «гелендваген» с тонированными стеклами.

Отец садится в машину.

— Хеннинг Ясперс, — произносит он.

— Идентификация пройдена, добро пожаловать, Хеннинг Ясперс, — откликается компьютерный голос.

— Выезжай из гаража!

Автомобиль заводится. Я вижу, как поднимается дверь, и в гараже становится светлее, вот машина задом выезжает из гаража, а отец до сих пор даже не коснулся руля.

— Видишь, Мануэль?

— Да... отец.

Прозвучало непривычно.

— Ты всегда называл меня папой, — произносит он несколько разочарованно.

— Хорошо, папа.

— Это самодвижущийся автомобиль, он полностью автоматизирован и довезет тебя куда угодно. Официально такие машины еще не прошли сертификацию в Германии и не могут ездить по дорогам, но у меня есть специальное разрешение на тест-драйвы. Можешь ехать, куда захочешь.

— Я?! — моему изумлению нет предела.

— Да, попробуй, это просто. Нужно только сказать Алисе: «Управляй мобильным объектом один» или «эм-о-один».

— Управляй «эм-о-один».

На второй стене появляется изображение с камеры, похожее на то, что передают очки отца. Однако здесь трансляция ведется с более высокой точки. Видимо, камера установлена на крыше автомобиля. Я могу разглядеть длинную виллу, словно сошедшую с обложки журнала по архитектурному дизайну, и гараж, который находится под ней. Под изображением с камеры есть простая панель управления: стрелки указывают направление движения «вперед», «назад», «влево», «вправо», еще ниже — пустое окошко «Конечная точка».

— Нажми на поле «Конечная точка» и скажи: «Ольсдорфское кладбище».

Я делаю то, что он говорит. Бортовой компьютер подтверждает маршрут. На изображении с камеры видно, как автомобиль выруливает на широкое шоссе, а затем сворачивает на тихую жилую улицу. Без какого-либо участия с нашей стороны «гелендваген» катится в транспортном потоке, выдерживает безопасную дистанцию, соблюдает ограничения скорости и тормозит на светофорах. Он напоминает мне прилежного ученика во время экзамена — хотя откуда я это знаю? В углу экрана отображается карта, мигающая точка указывает местоположение автомобиля, небольшие картинки с камер наблюдения показывают автомобиль слева, справа и сзади.

— Очень хорошо! — говорит отец. — Видишь эти стрелки? С их помощью можно управлять автомобилем, если хочешь отклониться от заданного маршрута. Коснись вот этой, «направо».

Я касаюсь стрелки, и она начинает мигать красным. На ближайшем перекрестке машина поворачивает направо, хотя по навигатору ей следовало бы повернуть налево. Этот трюк с подачи отца я проделываю еще дважды.

— Молодец, теперь, пожалуйста, нажми на правую стрелку два раза. Это означает, что машина должна найти другую возможность свернуть направо, например если нужно съехать на подъездной путь или парковку, заехать в гараж или, как в нашем случае, вырулить на лесную тропу.

Машина сворачивает на узкую тропинку и примерно через сто метров оказывается на пустой площадке, которая в выходные дни, видимо, используется как парковка и отправная точка для прогулок по лесу.

— Теперь жми кнопку «стоп»!

Машина останавливается.

— В этом автомобиле припасен еще один сюрприз.

Он поворачивается в кресле и указывает на перегородку, отделяющую кабину водителя от задней части салона и багажника. Что за ней стоит, не разобрать.

— Скажи, пожалуйста, Алисе: «Активи-
руй эм-о-четыре».

Как только я произнес эти слова, на третьей стене моей комнаты разворачивается еще одно окошко видеотрансляции. Впрочем, пока в этом окошке черным-черно. Ниже расположилась панель управления, похожая на ту, с помощью которой я вел автомобиль, только сложнее. Отец подсказывает мне следующую команду.

— Алиса, — говорю я, — запусти эм-о-четыре.

Громкий гул наполняет белую комнату, изображение с камеры на крыше внедорожника начинает вибрировать. Тьма, которая заполнила камеру, передававшую изображение на третью стену, неожиданно взрывается ослепительным светом. Несколько секунд я вижу только яркое белое пятно, но потом вдруг появляется площадка с припаркованным «гелендвагеном». Судя по всему, камера поднялась вверх метра на два от крыши автомобиля.

— Дрон!

— Точно! Он поможет тебе увидеть те места, куда не доедет машина. Батареи в нем хватает минут на двадцать полета. Когда он израсходует заряд, просто вернется на заправочную станцию в автомобиле.

Отец объясняет, как менять высоту, скорость и направление, регулировать угол наклона камеры. Есть режим панорамного обзора, когда изображения с камер проецируются на все четыре стены и даже на потолок и пол моей комнаты.

Пару минут я с дроном кружусь над лесом. Прохожий с собакой задирает голову и с явным раздражением провожает аппарат взглядом.

Хотя реальный мир для меня не более чем видеопроекция на виртуальную стену, впервые с того момента, как я очнулся в этой ненастоящей комнате, я чувствую себя свободным. Дрон прост в обращении и удивительно быстр. По словам отца, он может подняться на высоту до пятисот метров, но я жмусь к верхушкам деревьев, чтобы не создавать проблем диспетчерам в аэропорту Гамбурга.

— Тебе нужно вернуться в машину, Мануэль. Нажми на кнопку «домой», и дрон сам прилетит обратно.

Я все еще в режиме кругового обзора. Я вижу, что папа стоит на полянке рядом с машиной и машет мне рукой. Дрон спускается через открытую крышу в контейнер в задней части «гелендвагена» и выключается. Снова появляются изображения с камеры на очках отца.

— Ух ты! — кричу я. — Это было действительно здорово! Спасибо, папа!

— Я рад, что тебе понравилось. Видишь, даже если ты больше не сможешь использовать настоящее тело, ты не беспомощен в реальном мире. Наоборот, ты способен перемещаться со скоростью, недоступной для большинства людей.

— Значит, теперь я — человеческий мозг в теле робота? — интересуюсь я с легким сарказмом.

— Как тебе будет угодно. Но все же лучше тело робота, чем ничего, не находишь?

— Верно. Спасибо, папа. Спасибо за все!

— Я стараюсь хоть как-то возместить то, что отняли у тебя эти подонки. Хочу, чтобы ты мог жить и радоваться жизни. И отдал бы все на свете, чтобы твоя мать была с нами и могла обнять тебя так, как делала это всегда, — по его голосу слышно, что он изо всех сил сдерживает рыдания.

— Поедем к ее могиле, пожалуйста.

— Да, сынок.

Он возвращается в машину, но садится не за руль, а на сиденье рядом с креслом водителя. Я снова беру на себя управление автомобилем и на сей раз веду его сам, без подсказок. Всякий раз, когда мы тормозим на красный свет, я вижу через очки отца людей, которые стоят на обочинах дороги или сидят в машинах, притормозивших рядом с нами. Они взволнованно тычут в нас пальцами — хотя у машины тонированные стекла, через них видно, что место водителя пустует. Но, несмотря на весь этот нездоровый ажиотаж, мы без проблем добираемся до большой парковки на окраине Ольсдорфского кладбища. Остаток пути отец идет пешком. Он проходит мимо небольших часовен и монументальных надгробий — некоторые явно разменяли не

первое столетие. Над ними раскинули ветви высокие буки, дубы и каштаны.

Камень на могиле матери очень простой, стоит он поодаль от других могил, на небольшой поляне, окруженной со всех сторон густыми кустами рододендронов, которые цветут таким пышным белым, фиолетовым и синим цветом, что кажется, будто черпают жизненную силу от могилы. К камню ведет одна-единственная узкая тропинка.

*Мария Ясперс, урожденная Хохляйтнер
26.9.1970. †30.8.2016.

Больше на надгробии из серого гранита нет ничего. Нет ни креста, ни звезды Давида или чего-то в этом духе.

— Твоя мать была не слишком религиозна, — поясняет отец, будто подслушав мои мысли. — Я и сам не особо верю в посторонний мир и могущественного Творца. В этом мы с ней были похожи.

— А во что же она тогда верила?

— В любовь, — не задумываясь, отвечает он. — Она верила, что над ней не властны ни время, ни сама смерть. Мария полагала, что ценность жизни заключена в людях, которых ты любишь и которые любят тебя. Что любовь остается, даже если душа покидает тело. И она была права.

Какое-то время мы стоим и молчим, его последние слова отдаются эхом в моей голове. Но я не чувствую ни любви матери, ни моей любви к ней, лишь неудержимую ярость.

ГЛАВА 5

— У полиции есть хоть какие-то приметы преступников? — нарушаю я наконец молчание и про себя проклинаю свой компьютерный голос, который звучит так холодно и отстраненно.

— У них есть куча примет, но их недостаточно, чтобы напасть на след преступников.

— Выходит, полиция восемь месяцев вела расследование, и все без толку?

— Я бы так не сказал. Я регулярно созваниваюсь с шефом криминальной полиции Крюгером. Он полагает, что за твоим неудавшимся похищением стоит организованная преступная группировка. Они рассчитывали вымогать у меня деньги, используя тебя как заложника.

— То есть это были не обычные грабители?

— Нет, прежде чем проникнуть в дом, они вывели из строя систему безопасности. Это могли сделать только профессиональные хакеры. Если бы не они, сработала бы сигнализация. Я считал систему абсолютно надежной, однако умельцам удалось найти в ней слабые места. Очевидно, что нападе-

ние было тщательно спланировано и, как полагают в полиции, затеяно ради выкупа. Твоя мать защищала тебя и поплатилась за это жизнью.

— А сохранились записи с камер наблюдения за тот день?

— Нет, к сожалению, нет.

— Но ведь должно же быть хоть что-то, хоть какие-то зацепки!

— Ну конечно. Криминалисты перерыли наш дом сверху донизу. Полиция отрабатывает все возможные версии. Но лучше поговорим об этом завтра. А сейчас давай вернемся домой.

Шагая по тропинке, отец выходит на главную аллею. Нам навстречу идет женщина, стройная, с длинными черными волосами, в белоснежном костюме, который смотрится странно среди склепов и надгробий. Поравнявшись с отцом, она заглядывает ему прямо в глаза. По непонятной причине у меня возникает чувство, что она смотрит не на него, а на меня. Будто догадывается, что я вижу ее через камеру в очках. Но отец переводит взгляд, и женщина исчезает из поля зрения.

— Ты знаешь ее? — спрашиваю я.

— Кого?

— Женщину в белом, которую мы только что повстречали.

— Не понимаю, о чем ты.

Я не настаиваю. Вероятно, отец взглянул на нее, как поступил бы любой мужчина,

который заметил красивую женщину. И теперь ему неловко в этом признаваться. И то, что она якобы смотрела на меня, наверное, мне просто показалось.

— Тебе нужно немного поспать, — говорит отец, садясь в машину.

— Но как? В моем виртуальном мире нет кроватей.

— Просто скажи Алисе: «Спокойной ночи».

Я следую его совету. Изображения с камер исчезают. Стены снова становятся белыми, затем желтоватыми, а потом медленно-медленно темнеют, пока вокруг меня не становится черным-черно. Я начинаю паниковать. Мне кажется, я лежу в могиле, как мама. По-степенно страх отступает. Я пытаюсь вспомнить ее — прикосновение, взгляд, голос, запах. Но моя память не сохранила абсолютно ничего. Такое ощущение, что меня никогда не существовало вне этой белой комнаты.

Свет снова загорается.

— Доброе утро, Мануэль, — приветствует меня Алиса своим лишенным интонаций голосом.

— Что? — недоуменно спрашиваю я. — Я что... спал?

Не могу припомнить, чтобы мне что-то снилось.

— Ты проспал двенадцать часов и тридцать пять минут, — информирует меня компьютер. — Сейчас тринадцать минут девятого.

Боль и гнев, которые я ощущал вчера на могиле матери, все еще не утихли. Решение созрело само собой: я должен выяснить, кто убил маму. Пусть вероятность того, что мне это удастся, ничтожна, но я могу хотя бы попытаться. Кроме того, это дело отвлечет меня от грустных мыслей по поводу моего безнадежного положения. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Алиса, я хочу поговорить с отцом.
— Хеннинг Ясперс сейчас занят. Хотите оставить сообщение?

— Да.

— Пожалуйста, говорите после сигнала.

Раздается писк.

— Привет, папа, это Мануэль. Пожалуйста, свяжись со мной, когда у тебя будет время. Я хотел бы узнать больше о том, как... умерла мама. До скорого. Конец сообщения.

— Сообщение записано.

А пока он занят, я попытаюсь узнать как можно больше о том роковом дне.

— Алиса, что ты знаешь об убийстве Марии Ясперс?

— Вопрос не понят.

— Покажи мне убийство Марии Ясперс.

Стены снова заполняют фотографии и тексты из Интернета, но большую их часть я уже просмотрел вчера. «*Убийство миллиардерши все еще не раскрыто*». Это такой заголовок. И текст ему под стать, такой же тупой. Нет, здесь я ничего не найду. Мне нужны

ответы отца. Чтобы скоротить время, ожидая его, я наблюдаю за людьми на *Eyestream*. Бегунья с ником *Elena96* проносит меня по берегу Ауссенальстера. Некто с ником *Wildworldwatcher* неподвижно сидит где-то в Африке и смотрит, как львы терзают труп зебры. *ChantalB* стоит в очереди перед Эйфелевой башней. В Лос-Анджелесе, где уже полночь, я следую за каким-то парнем в модный клуб. Это круто, но я чувствую, что трачу время зря. Вот почему я с облегчением вздыхаю, когда аватар папы наконец появляется в моей комнате.

Он замечает стримы на стенах.

— А, *Eyestream*... Тыучаствуешь в жизни этих людей. Это хорошо. Это очень хорошо, сынок.

— Это не моя жизнь. Я просто зритель.

— Я знаю. Вот почему я сделал машину и дрон. По крайней мере, они дают тебе хоть немного свободы передвижения. Возможность взглянуть на мир глазами этих странных людей тоже имеет смысл. Единственная просьба: не пытайся связаться с кем-либо через Интернет. Никто не должен знать, что ты пришел в себя.

— Почему нет?

— Все, что мы сделали — вживили электроды в твою голову, создали виртуальный мир, обеспечили доступ к Интернету, сгенерировали искусственный голос, — привлечет слишком много внимания. Если инфор-

мация просочится в прессу, нам не будет ни минуты покоя. Мир потребует, чтобы мы исцеляли слепых и глухих, выводили пациентов из комы и бог знает что еще. Нас завалят отчаянными петициями. И я смогу уделять тебе гораздо меньше времени, поскольку мне придется отбиваться от толп реальных и виртуальных просителей.

— А почему ты не хочешь им помочь?

— Люди не готовы принять многое из того, что мы делаем. Наверняка найдутся те, кто станет рассуждать об аморальных, неэтичных, антихристианских или черт знает каких технологиях. Новое всегда пугает обывателей. Мануэль, я потратил последние несколько месяцев, стараясь, раз уж мне не удалось спасти твою мать или уберечь вас обоих от преступников, сделать приемлемой твою жизнь. Я не готов обнародовать плоды своих усилий, превратить их в достояние общественности. Пожалуйста, пообещай мне, что ты никому не расскажешь. По крайней мере, пока. Давай вернемся к этой теме через пару месяцев.

— Хорошо, я понял.

— Спасибо. Я рассчитываю на тебя. Ты хотел поговорить со мной о матери?

— Да. Как она погибла? Я хочу знать подробности.

— Я нашел ее уже мертвой. Ее тело лежало на твоей залитой кровью кровати. На полу валялся аэрозольный баллончик

с перечным газом. На нем потом нашли отпечатки пальцев твоей матери. Но в воздухе следов газа полиция не обнаружила. Значит, она не успела воспользоваться своим единственным оружием. Судя по уликам, в твою комнату вломились двое преступников. А может, и больше. Так, по крайней мере, считают в полиции.

Наверное, я не спал, когда преступники оказались в моей комнате. Мне стало страшно? Я закричал и спрятался под одеялом, когда мама, пытаясь защитить меня, размахивала своим дурацким баллончиком? Странно, что я совершенно ничего не помню.

— У меня самого остались смутные воспоминания о том вечере, — продолжает отец. — Я был в шоке. Я проснулся, потому что услышал громкие голоса. Затем прозвучали два выстрела. Первая пуля задела ее и попала тебе в шею, вторая вошла ей в голову. Она умерла мгновенно. Я прибежал в твою комнату, но преступники уже скрылись. Я нажал тревожную кнопку, с помощью которой можно сразу вызвать скорую помощь и полицию. Я думал, что ты тоже мертв.

— Но почему эти сволочи стреляли в нее? Неужели их так испугал газовый баллончик в руке женщины?

— Когда память вернется к тебе, ты вспомнишь, что твоя мать была страшна в гневе. Возможно, кто-то из бандитов, пернервничав, случайно нажал на курок. Они

ведь не ожидали отпора. А когда разобрались, что к чему, решили застрелить ее — убрать единственного свидетеля, способного их опознать. И скрылись.

— Как полиция опознает преступников, если нет никаких следов?

— Пожалуйста, не зацикливайся на этом, Мануэль. Мы ничего не можем поделать. Я понимаю, с этим трудно смириться, но остается только ждать.

Я пропускаю ответ отца мимо ушей.

— А если они и не собирались меня похищать? Если изначально планировали совершить двойное убийство?

— Криминалисты рассматривают и эту версию, однако считают ее сомнительной.

— Может, кто-то из нападавших знаком с тобой? С нами?

— Откуда такая дикая идея?

— Ты сказал, что кто-то взломал систему безопасности. Предположим, это проделал сотрудник охранной компании. Или кто-то из твоего окружения, который знает, как все работает.

— Мануэль, пожалуйста, поверь мне, полицейские проанализировали эти варианты, — говорит отец, заметно раздражаясь. — Всех, кто имел дело с системой безопасности, проверили.

Я не сдаюсь:

— А вдруг это твой служащий? Ты владелец *Dark Star Game Studios*. У тебя

наверняка полно подчиненных, обладающих необходимыми навыками. Ты не подумал о том, что у кого-то мог быть на тебя зуб? Может, ты кого-то, незаслуженно или давая по делам его, обидел? Или просто уволил?

— Мануэль, так не пойдет! Ты пятнадцатилетний мальчик, который ничего не смыслит в криминалистике. Ты, несомненно, очень умен, но, строя догадки, вряд ли раскопаешь больше, чем специальная комиссия полиции, в которой собраны настоящие профессионалы. Как это ни печально, ты ничего не можешь сделать, чтобы отомстить за смерть матери. Хотя я понимаю, как сильно ты к этому стремишься.

Нет, он не понимает. Мне хочется плакать, но мое виртуальное тело не умеет проливать слезы, а искусственный голос не годится даже для имитации рыданий.

ГЛАВА 6

После того как отец исчезает, я продолжаю искать в Интернете информацию об убийстве матери, но не нахожу ничего. Я читаю статьи о похищении детей миллионеров, таких как Ричард Откер, Сабина и Сюзанна Кронзукер, Ларс и Майке Шлекер. Преступники всегда действовали исключительно нагло и при этом планировали все до мелочей. Впрочем, это единственное, что роднило эти дела с моим. Я остро ощущаю собственную беспомощность и бесполезность. Папа прав: мне не под силу сделать хоть самую малость, чтобы почтить память матери и помочь себе.

Через несколько часов его аватар снова возвращается в белую комнату. И не один: рядом с ним мужчина в джинсах и футболке. Он оглядывает комнату так, будто понятия не имеет, как сюда попал.

— Это Питер де Бур, — объясняет отец. — Он один из тех, кто отвечает за твою личную безопасность.

— Привет! — машет мне незнакомец.

— Привет, — отвечаю я. — За мою безопасность? Что ты имеешь в виду?

— Кто-то выстрелил в тебя. Скорее всего, убивать тебя он не собирался, но я не хочу рисковать. Комната, в которой лежит твое тело, охраняется двадцать четыре часа в сутки.

Мысль, что кто-то может попытаться убить меня, пугает. Кто решится на такое? Да и зачем?

— Как я уже сказал, маловероятно, что кто-то будет охотиться за тобой, — повторяет папа, видимо, чувствуя мой страх. — Не беспокойся, ты в безопасности. Это одно из преимуществ перемещения в виртуальном пространстве: тебе ничто не может повредить. Ни автомобильная авария, ни теракт, ни стихийное бедствие.

— Не поверишь, но я бы рискнул, если бы снова получил право распоряжаться собой!

— Я знаю. Поэтому и попросил Питера прийти сюда. Когда я увидел, что тебе понравилось наблюдать на *Eyestream* за людьми, которые ходят с камерами, у меня возникла идея. Алиса, открой камеру Питера.

Аватар Питера исчезает. На одной из стен появляется изображение с камеры. Трансляция ведется из подвалной комнаты, в которой находится мой отец, пока его аватар перемещается в виртуальном мире. Я вижу, как он стоит там в 3D-очках и сенсорных перчатках.

— Питер, встань-ка перед зеркалом, будь так добр, — просит отец.

Камера поворачивается, и теперь я вижу отражение человека в джинсах и темной рубашке поло, под которой бугрятся мускулы. Его голова обрита наголо, лицо украшает седая козлиная бородка. Стальные голубые глаза смотрят на меня сквозь очки камеры. Он улыбается, но выглядит немного мрачным.

— Привет, Мануэль. Ты меня видишь?

У него сильный голландский¹⁰ акцент.

— Да, я вижу тебя.

— Очень хорошо, — говорит отец. — Питер для тебя сейчас своего рода аватар в реальном мире. Он сделает все, что ты ему скажешь, если это не приведет к нарушению закона или не подвергнет его опасности.

— Я... я... робот! — мужчина рычит и делает несколько резких движений перед зеркалом. Видимо, мне следует рассмеяться, но это будет странно, с моим-то искусственным голосом.

— Думаю, вы поладите! — улыбается пapa. — И отлично проведете время вдвоем.

Питер кажется симпатичным. Мне нравится идея, что мы с ним теперь одна команда. Но, с другой стороны, это немного странно — распоряжаться другим человеком.

— Питер, ты не мог бы провести меня по дому, пожалуйста?

¹⁰ Диалект, относящийся к нижненемецким

— Само собой, босс! — отвечает господин де Бур, не скрывая иронии.

Он выходит из подвала и показывает мне весь дом: два прямоугольных крыла, которые расположены под углом друг к другу и соединены круглым центральным корпусом. В подвале кроме спортзала, который также используется для экскурсий в виртуальный мир, есть бассейн, сауна, бойлер, винный погреб, серверная для системы безопасности (нам в нее входить запрещено) и большой гараж. На первом этаже, рядом с полукруглой открытой прихожей, современная кухня с кладовкой, просторная столовая, гостиная с арочным панорамным окном, выходящим в парк, кабинет отца с книжными полками, две комнаты для гостей и комната с кирпичным камином, бильярдным столом и большим столом для совещаний. Под самой крышей — спальня родителей и моя комната. Все помещения в доме оформлены просто, но со вкусом. Мамин почерк?

Питер комментирует все голосом гида, который ведет туристов через дворец бывшего короля. Мне нравится его самоирония.

— А ты правда ничего этого не помнишь? — спрашивает он вдруг.

— Нет. Всё как в первый раз.

— Это должно быть ужасно — не иметь прошлого.

— Кошмар, — соглашаюсь я ничего не выражющим голосом. — А как насчет тво-

ей истории? Что ты делал до того, как стал работать на отца?

— Я был наемником. Родом я из Кейптауна. Служил в южноафриканской армии. Потом пошел в частную охранную фирму, выполнял задания для разных иностранных компаний. Хотя я и подозревал, что за ними стоят спецслужбы, но, конечно, мне никогда не сообщали, кто наши настоящие клиенты.

— Звучит очень интересно.

— Довольно грязная работенка. Я рад, что унес свою задницу.

— Ты когда-нибудь убивал человека?

На секунду он замолкает. И когда наконец отвечает, я улавливаю в его голосе плохо сдерживаемый гнев:

— Больше не спрашивай меня об этом, хорошо?

— П-п-п... прости, Питер. Не хотел тебя обидеть. Есть вещи, о которых я тоже не люблю говорить. Никогда больше не стану задавать подобные вопросы.

— Проехали. У меня только что закончился рабочий день. Что ты думаешь, может, мы пойдем пропустим бокальчик-другой пива?

— Звучит великолепно!

И вот мы сидим в баре в Санкт-Паули. В такие заведения не пускают мальчиков моего возраста. Через микрофон в очках Питера до меня доносится громкая музыка.

— Тебе здесь нравится? — спрашивает он.

Сказать по правде, я не знаю. На мой вкус, шумновато.

— Ты когда-нибудь пробовал пиво?

— Я... не помню.

— Ну, тогда за тебя!

Он поднимает пивной бокал, как будто хочет чокнуться со мной, одним махом осушает его и заказывает следующий.

Камера поворачивается то влево, то вправо. Это Питер оглядывается по сторонам. Наконец камера фокусируется на женщине в весьма откровенном платье. Она сидит не-подалеку, в паре метров от нас. Ее длинные светлые волосы выглядят неестественными, как парик, а лицо так сильно накрашено, что напоминает маску. Но Питеру, судя по всему, она нравится. Изображение с камеры дрожит, когда он кивает ей.

Женщина улыбается и поднимает стакан. Он встает и идет к ней.

— Привет!

— Привет, мачо, — отзыается блондинка. — Если ты снимаешь на камеру, придется доплатить.

— Это мой приятель. Он просто смотрит на нас, — объясняет Питер. Его акцент от пива, кажется, стал еще сильней.

Я чувствую себя не в своей тарелке.

— Питер, не стоит, в самом деле, — подключаюсь я.

— Почему нет? Ты заслуживаешь немногого веселья, малыш!

Сквозь музыку прорывается мужской голос, грубый и резкий от алкоголя:

— Эй ты, выключи эту чертову камеру!

Бывший наемник оборачивается. Перед ним стоит широкоплечий мужчина, его руки покрыты татуировками.

— Что ты сказал? — голос Питера спокоен, но в нем явственно слышится угроза.

— Уходи из бара! — приказывает я. — Сейчас же, немедленно!

— Выключи камеру, я сказал! — повторяет татуированный мужчина. — Мы не хотим, чтобы кто-то подсматривал за нами!

— Тогда тебе стоит вести себятише, приятель, — отвечает Питер.

— Ты должен выполнять мои распоряжения! Поэтому ты сейчас же выключаешь камеру, платишь за пиво и уходишь из бара!

Я хотел бы наорать на него, но моему компьютерному голосу нельзя прибавить громкости.

— Ладно, ладно.

Изображение пропадает. Появляется сообщение: «Камера отключена». Вскоре оно исчезает, и я вижу улицу перед баром.

— Спасибо! — выдыхаю я.

— С тобой не повеселишься! — жалуется Питер. — Я собирался показать этому парню, что со мной не стоит заходить так далеко. Я хочу сказать, он переступил черту. Ну да плевать, я не на работе. Можешь связаться со мной завтра начиная с восьми утра, если

тебе что-нибудь будет нужно. Спокойной ночи, Мануэль.

— Спокойной ночи. Алиса, закрой камеру Питера.

Еще не очень поздно, и я не устал. Так как делать мне нечего, я нажимаю на активные трансляции *Eyestream* в Гамбурге. Я нахожу стрим под ником Чертовка, где идет трансляция из городского парка. Молодой человек с пышной бородой и волосами, собранными в хвост, играет на гитаре и поет. Остальные внимательно его слушают. Хотя играет он так себе, его музыка меня трогает. Я что, сам когда-то играл на гитаре? Я бы отдал все на свете, чтобы знать про себя хоть что-то наверняка. Может, стоит спросить завтра у Питера, играет ли он на гитаре? Но это не то же самое.

Одна из девушек встает и идет к ящику с пивом рядом с грилем. Она берет бутылку, открывает и спрашивает Чертовку: «Будешь?» Я наблюдаю за ними сквозь очки в камере.

И вдруг меня как током ударило. Я знаю эту девушку! Черные волосы, непропорционально большие глаза, узкий подбородок... Не помню, как ее зовут, но я почти уверен, что видел ее раньше. Впервые с тех пор, как проснулся в белой комнате, я чувствую связь с кем-то, кто находится снаружи. Девушка что-то значит для меня, даже если я не знаю, что именно.

Я обещал отцу, что не стану никому писать в Интернете. Но это слишком важно. Мне ведь не нужно признаваться, что я мальчик в коме и что я сижу в сети, используя электроды в мозгу. Я диктую Алисе в чат сообщение для Чертовки: «Как зовут ту черноволосую девушку, которая только что предложила тебе пиво?»

— Привет. Юлия, здесь кто-то хочет познакомиться! — говорит стримерша.

— У тебя камера? — спрашивает Юлия. Остальные оборачиваются и смотрят на девушку в очках.

Гитарист перестает играть.

— Выключи эту гадость немедленно! Я не даю концертов для АНБ¹¹!

— Извини, я... — начинает оправдываться чертовка, а затем картинка темнеет. Появляется уведомление, что стримерша не в сети. Проклятье!

«Гугл» выдает мне множество фотографий разнообразных Юлий в Гамбурге, но ни одна из них не похожа на девушку в городском парке. Если бы я догадался сделать скрин экрана! Но эта мысль пришла слишком поздно.

Я приказываю Алисе связаться с отцом. На этот раз я слышу только его голос, а его фото

¹¹ АНБ (Агентство национальной безопасности) — подразделение министерства обороны США, которое занимается радиоэлектронной разведкой. Фигурант двойного шпионского скандала, который разгорелся в Германии в 2014 году

транслируется на одну из стен. Вероятно, его сделали на какой-то пресс-конференции *Dark Star Game Studios*.

— Привет, Мануэль, — говорит он. — Я собирался лечь спать.

— Извини, что не вовремя...

— Нет, я не это имел в виду, сынок. Ты всегда вовремя. Как там Питер?

— Хорошо. Спасибо за него. С ним довольно интересно.

— Рад, что вы поладили.

— Произошло еще кое-что важное. Я заходил на *Eyestream* и увидел там девушку. Кажется, я ее откуда-то знаю.

— Девушку? Как ее зовут?

— Юлия. Но это всё, что удалось выяснить.

— Хм... А ты не помнишь, откуда можешь ее знать?

— Нет.

— Может, она из твоей школы?

— Может быть. А в какую школу я ходил?

— В Вальфдорфскую гимназию.

— Спасибо, папа. Спокойной ночи!

— Не за что. Это хороший знак. Ты начинаешь вспоминать детали. Наверняка скоро к тебе вернется память. Спокойной ночи, сынок!

Но я слишком взбудоражен, чтобы спать сейчас. Поэтому я захожу на сайт гимназии, а потом ищу всех Юлий, которые ходят в эту школу, в различных социальных сетях. Не-

скольких мне удается найти, но они не похожи на девушку в городском парке. Уже далеко за полночь я сдаюсь.

— Спокойной ночи, Алиса.

Свет гаснет, и меня обступает темнота. Но в этот раз мне не страшно. Возможно, я больше никогда не смогу использовать свое настоящее тело, но если я хотя бы вспомню, каково гулять по парку или играть в футбол, у меня получится привыкнуть к новой жизни в виртуальном мире.

ГЛАВА 7

Около восьми утра стены комнаты снова начинают светиться, и Алиса будит меня своим механическим «Доброе утро, Мануэль». В моей голове крутятся обрывочные воспоминания из сумбурного сна. В нем была Юлия. Ее схватили орки и заточили в башню. Мне пришлось ее освобождать. Но почему-то я не смог найти вход в башню. А потом оказался в плену у орков — они смеются и издеваются надо мной. А Юлия сидит у моей клетки и плачет. Все это, конечно, ерунда, которую стоит выкинуть из головы, кроме того факта, что эта девушка, должно быть, что-то значила для меня. Мы встречались? Но почему в таком случае отец о ней ничего не знает?

Я решаю отправить сообщение Чертовке и расспросить ее о Юлии. Хотя я обещал папе ни с кем не контактировать. Но большой плюс Интернета в том, что ты можешь оставаться анонимным.

— Привет, Чертовка, — диктую я в окно чата *Eyestream*. — Вчера я видел девушку в твоем стриме, Юлию. Я знал ее раньше.

К сожалению, у меня нет ее контактов. Не могла бы ты подсказать мне, как с ней связаться?

В профиле Чертовки стоит статус «оффлайн», но уже через минуту после отправки сообщения я получаю ответ: «Как тебя зовут? Откуда ты ее знаешь?»

Я колеблюсь. С одной стороны, я же хотел сохранить анонимность! Но если я ничего о себе не расскажу, то и стримерша ничего не расскажет обо мне Юлии.

— Меня зовут Мануэль. Я не помню, откуда ее знаю.

Ответ не заставил себя долго ждать: «Что значит «Не помню, откуда я ее знаю»? Либо ты уже знаком с ней, либо пытаешься познакомиться, Мануэль?»

Я решаю рискнуть:

— Я попал в аварию и не могу вспомнить подробностей моей прошлой жизни. Я знаю, что встречал Юлию раньше. И я надеюсь, с ее помощью мне удастся восстановить память. Пожалуйста, мне очень нужно связаться с ней.

«Это самая глупая история, которую я когда-либо слышала, — отвечает Чертовка. — Проваливай, придурок!»

— Эй, не торопись! — отвечаю я. — Пожалуйста, спроси Юлию, не помнит ли она Мануэля — парня с темно-каштановыми волосами, которому пятнадцать лет. Пусть она сама решает, хочет ли связаться со мной.

Но сообщение до Чертовки не доходит. *Eyestream* показывает, что она меня забанила.

Я удаляю свою учетную запись и создаю новую с другим ником. Затем подписываюсь на стрим от Чертовки и настраиваю *Eyestream* так, чтобы он уведомил меня, когда она снова будет онлайн. И поскольку свободного времени у меня полно, мне не приходит в голову ничего лучше, чем просматривать другие трансляции из Гамбурга. Вряд ли мне удастся найти на них Юлию или кого-то еще из моей прошлой жизни. Но, может, я увижу что-то еще, что заставит меня вспоминать. В любом случае это лучше, чем плятиться на белые стены.

Спустя два часа меня начинает мутить от шатающихся изображений с камер. Я слежу за китайским туристом, который непрерывно разговаривает с невидимым собеседником, прогуливаясь по Ратхаусмаркт. Нужно остановиться. С меня хватит.

В этот момент я вижу ее, женщину в бело-снежном костюме.

Она поворачивает голову и — я почти уверен! — улыбается мне, проходя мимо. И исчезает с экрана. Китаец топает дальше, бормоча себе под нос что-то невнятное. Это действительно была она, женщина с кладбища? Даже если это так, хотя и маловероятно, то что с того? Я увидел ее в этом стриме... Но это еще ничего не значит. Не может значить. Женщина улыбнулась не мне, а китайцу или кому-то рядом с ним. Она, конечно, не знала, что он снимает все это на камеру. А как иначе?

Однако...

Мне подумалось: а что, если на самом деле я ее не видел? Что, если я подсознательно спроектировал ее лицо на случайную прохожую, на которой тоже был белый костюм? Ведь узнают же иногда фигуру в поставленном случайно чернильном пятне или в облаке?

Но чье это лицо?

— Алиса, покажи мне Марию Ясперс!

Снова появляются фотографии и статьи о моей матери, которые я уже видел и читал много раз. Она немного похожа на женщину в белом — темные длинные волосы, стройная фигура, — но лицо у нее другое, нос более узкий, губы чуть полнее. Нет, даже если я на самом деле узнал лицо незнакомки, то оно было не маминым.

«Чертовка онлайн», — сообщает *Eyesstream*. Я активирую ее стрим и наблюдаю, как она прогуливается по торговому центру с рыжеволосой веснушчатой девушкой.

Они глазеют на витрины магазинов и высмеивают прохожих, которые, по их мнению, одеты особенно безвкусно. Я пытаюсь придумать, как связаться с ней, чтобы она меня тут же не забанила.

И когда обе, хихикая, останавливаются у магазина мод, меня осеняет. Я активирую *Google Maps* и ввожу название магазина. Он расположен в торговом центре «Астерталь».

— Алиса, свяжись с Питером!

— Привет, босс! — приветствует меня южноафриканец. — Что я могу для тебя сделать?

Я сомневаюсь. Действительно ли это хорошая идея? В конце концов, Питер работает на отца, а тот запретил мне связываться с посторонними. С другой стороны, папиного сотрудника, кажется, это не слишком-то заботит. Ему плевать на правила, а другого шанса у меня нет. Так что стоит попробовать.

— Пожалуйста, поезжай в торговый центр «Астерталь»!

— И что мы там забыли? Хочешь проплынуться по магазинам?

— Нет. Нужно кое-кого найти.

— Звучит заманчиво. Хорошо, уже еду.

На одну стену проецируется изображение с камеры Питера, на другую — стрим Чертовки. Я молюсь, чтобы она продолжала трансляцию. К счастью, обе девушки продолжают дурачиться. Когда Питер добирается до парковки «Астерталя», они еще стоят перед витриной с вешалкой с летними платьями.

— Милая вещица, — говорит Чертовка, указывая на салатово-зеленый халатик.

— Ну не знаю, — сомневается подруга. — Оно чересчур простецкое, тебе не кажется?

— Ты так думаешь?

— Что теперь, босс? — интересуется Питер.

— Найди магазин, который называется *Youngstyle*.

Пока он ищет, подружки входят в магазин. Чертовка подбирает такое же платье, но своего размера и отправляется в примерочную. Некоторое время я вижу ее в зеркале. Она высокая, стройная и с короткими светлыми волосами. Ее рука касается очков, и изображение исчезает. Чертовка снова онлайн. Черт бы ее побрал!

Питер оказывается в магазине несколькими минутами позже. Через его камеру я вижу, что девушки уже уходят.

— А теперь, босс? — спрашивает он.

Чертовка бросает на него быстрый взгляд, но, к счастью, ее отвлекает подруга. До меня доносятся обрывки фраз: «Никогда в жизни... за такую-то цену...»

— Питер, ты запомнил тех двух девушек, которые только что вышли из магазина? — спрашиваю я с надеждой. — Мне нужно поговорить с одной из них. С блондинкой, у нее еще сумка в руках.

Он направляет камеру им вслед.

— А что ты хочешь ей сказать?

Я объясняю. Он проходит два квартала и оказывается в кафе, в котором подруги заняли столик.

Питер берет быка за рога:

— Прошу прощения, леди...

Обе девушки оборачиваются к нему.

Чертовка хмурится и смотрит подозрительно, но ее спутница улыбается. Кажется, Питер ей понравился.

— Что вам нужно? — спрашивает Чертовка.

— Могу я угостить вас кофе?

Рыжей, вероятно, нравится это предложение, но Чертовка остается непреклонной:

— Нет, спасибо, мы бы предпочли оставаться наедине. Если ты в следующий раз решишь с кем-то пофлиртовать, оставь очки с камерой дома.

— Извините, но в том-то все и дело. Я тут не один, со мной один мой хороший друг. Он хотел бы поговорить с тобой.

— Почему же он сам не пришел?

— Потому что он не может этого сделать.

— Что это значит? Он инвалид, что ли?

Изображение с камеры поднимается и опускается, это Питер кивает. Видно, что его ответ смущил стримершу, и она продолжает уже чуть дружелюбнее:

— Ну а от меня он чего хочет?

— Он хочет связаться с девушкой по имени Юлия.

— А, тот извращенец из Интернета, — раздражается Чертовка. — Поверить не могу, что он снова меня преследует! Зря я полезла на *Eyestream*.

— Он кто угодно, но не извращенец, — объясняет Питер. — Он попал в аварию и частично утратил память. Он думает, что знал Юлию раньше. Если он с ней свяжется, возможно, это поможет ему все вспомнить.

— Снова эта история! Откуда мне знать, что он не врет? Вы могли сами все это запросто выдумать. Не исключено, что вы и есть тот самый пакостник.

— Я что, похож на развратника?

— Что, если он говорит правду? — вмешивается в разговор подруга.

— А что, если нет? — парирует Чертовка. — Вот еще, стану я давать адрес Юлии всяким незнакомцам.

— Хорошо, понимаю. Сколько ты хочешь? — спрашивает бывший наемник.

— Что? — испуганно восклицает рыжая.

Брови Чертовки удивленно взлетают вверх.

— Для меня очень важно помочь Мануэлю, — чеканя каждое слово, произносит Питер. — Итак, сколько ты хочешь?

Я не верю своим глазам: он бросает на стол две банкноты по пятьдесят евро. Он пытается подкупить Чертовку. Мне стоит вмешаться?

Я чувствую себя не в своей тарелке, но момент упущен.

Стримерша задумчиво смотрит на деньги, на лице ее подруги застыла гримаса отвращения.

— Двести, — наконец выдыхает Чертовка.

Питер выкладывает на стол еще две банкноты по 50 евро.

— Ок, — говорит она и прячет деньги. — Ее ник в *Nymochat* — *July2001*. Больше я ничего не скажу.

— Этого достаточно, босс? — спрашивает Питер.

В глубине души я понимаю, что было бы неправильно воспользоваться этой информацией. Но если я хочу вернуть память, излишняя щепетильность мне только помешает. Слово *Nymochat* мне ни о чем не говорит. Но *Google* перебрасывает меня на сайт, на котором говорится, что «*Nymochat* — это стопроцентно анонимный чат». Тем не менее здесь есть профили пользователей. В профиле *July2001* — аватарка, синий единорог, и больше ничего. Трудно сказать, действительно ли это профиль Юлии. Но продолжать расспросы мне уже не хочется.

— Хорошо, этого достаточно.

Питер быстро прощается с Чертовкой и ее спутницей.

— Я тебе еще нужен? Я бы прикупил коечего, раз уж оказался здесь.

— Нет, все в порядке. Я вызову тебя, если что. Спасибо, Питер. Ты мне очень помог.

— Без проблем, до скорого, босс.

— Пока! Алиса, отключи камеру Питера.

Я регистрирую аккаунт в *Nymochat* под ником *Boy in a White Room*. Я немного нервничаю, пока набираю первое сообщение нику *July2001*.

«Привет, Юлия!

Меня зовут Мануэль. Я увидел тебя на *Eyestream* в городском парке. Там был тип, который играл на гитаре. Я думаю, что знаю тебя, но хоть убей не помню отку-

да. Со мной произошел несчастный случай, и я потерял память. Мне пятнадцать лет, и у меня темно-рыжие вьющиеся волосы. К сожалению, у меня нет моей фотографии под рукой. Если мы знакомы, пожалуйста, скажи мне, где мы могли раньше встречаться, — я надеюсь, что с твоей помощью вспомню свою жизнь.

Мануэль».

Я не ожидаю быстрого ответа, но сообщение прилетает мне в *Nytochat* через несколько секунд. В нем говорится: «*Если это шутка, то очень плохая*».

«*Это не шутка*, — пишу я в ответ. — *К несчастью, я не могу рассказать тебе больше. Пока не могу. Только то, что я Мануэль и у меня нет никаких воспоминаний, кроме тех, которые появились с тех пор, когда я очнулся*».

«*Мануэль? Но это невозможно! Где ты?*»

«*Прежде чем я отвечу, где я, мне надо узнать, откуда мы знаем друг друга*».

«*Откуда?! Как ты мог забыть это, если действительно тот, за кого себя выдаешь?! Я твоя сестра!*»

ГЛАВА 8

Совершенно сбитый с толку, я смотрю на экран. Там, где только что отображалась моя учетная запись *Nymochat*, появилось сообщение об ошибке: «Соединение прервано».

- Алиса, что случилось?
 - Вопрос не понят.
 - Почему связь с *Nymochat* разорвана?
 - Вопрос не понят.
 - Алиса, открой *Nymochat*.
 - Возникла техническая ошибка. Пожалуйста, подождите немного.
 - Техническая ошибка? Прямо сейчас?
- Алиса, свяжись с отцом.

Появляется его лицо на всю стену. На заднем плане можно увидеть книжные полки. Должно быть, он сидит перед веб-камерой в кабинете.

- Привет, сынок. Ты хотел поговорить со мной?
- У меня есть сестра? — без предупреждения атакую я.

Он морщит лоб:

- С чего ты взял?

— Пожалуйста, ответь сначала на мой вопрос. У меня есть сестра по имени Юлия?

— Нет, конечно нет. Я же говорил тебе, что твоя мать не могла иметь детей после твоего рождения. Что заставило тебя думать иначе?

Я признаюсь ему, что как только впервые увидел эту девушку, то в тот же момент почувствовал, будто кто-то дернул мою память за ниточку. Рассказываю, как я связался с ней и что успел узнать, пока не разорвалась связь.

— Мануэль, мы же договорились, что ты ни с кем не будешь разговаривать! — говорит он, и по голосу слышно, что он скорее жалеет меня, чем сердится.

— Я знаю. Но я думал, что быстрее вспомню всё, если найду человека, с которым был знаком в прошлой жизни.

— Ну, кем бы она ни была, могу тебя заверить: она точно не твоя сестра.

— Но почему она утверждает обратное?

— Что именно она тебе сказала? Вспомни хорошенъко, прежде чем ответить.

— Юлия сказала, что если я тот человек, за кого себя выдаю, то она моя сестра.

— Тогда, возможно, ты не тот, кого она имела в виду. Может быть, у нее действительно есть брат по имени Мануэль. Может, он примерно твоего возраста и у него каштановые выющиеся волосы. Мальчиков с такими приметами пруд пруди. Ты показал ей свою фотографию?

— Нет.

— Ну хотя бы здесь ты проявил благородумие. Я говорил тебе, что раскрываться сейчас опасно. Мануэль, то, что произошло сегодня, не должно повторяться! Я поговорю с Питером.

— Но это не может быть совпадением! Я узнал ее, и она знает Мануэля, которому столько же лет, сколько и мне!

— Это она так говорит. Но откуда ты знаешь, что девушка из *Nymochat* — это та самая Юлия из *Eyestream*?

— Ну а кто же еще? — спрашиваю я без особой уверенности.

— Не исключено, что те две девушки из торгового центра хотели облапошить тебя, а если быть точным, меня. Вероятно, они решили, что из того, кто платит 200 евро за ник в *Nymochat*, можно вытянуть еще больше. Скорее всего, они догадываются, кто я такой. Видишь, чем это чревато?

— Но я помню ее! Я совершенно уверен, что видел Юлию прежде!

— Мануэль, наш мозг иногда играет с нами в странные игры. Наверное, ты слышал об эффекте дежавю? Это такое чувство, будто ты когда-то уже видел или слышал что-либо, даже если видишь и слышишь это впервые. Некоторые люди думают, что это что-то сверхъестественное, своего рода знамение или типа того. Воспоминание из прошлой жизни. Но это можно объяснить с точ-

ки зрения нейробиологии. На самом деле ты не помнишь, ты только веришь, что помнишь. Твой мозг серьезно пострадал, и это плохо сказалось на памяти. В подобных обстоятельствах неудивительно, что твой разум пытается тебя обмануть. Возможно, ты чувствовал нечто подобное и в других ситуациях?

Мне вспомнилась женщина в белом. Сказать или нет? А если он подумает, что я спятил?

— Нет.

— Очень хорошо. Я знаю, тебе непросто, сынок. С учетом всех обстоятельств, думаю, тебе пока не стоит заходить на *Eyestream*. Разве ты не хочешь еще раз оказаться в Средиземье?

— Нет, спасибо, — говорю я, радуясь, что компьютерный голос скрывает то глубокое разочарование, которое я испытываю сейчас.

— Как хочешь. Но, пожалуйста, будь осторожен. Я настаиваю, чтобы ты никому не писал, даже анонимно. Обещаешь?

— Ладно, не буду.

— То же самое я скажу и Питеру. Вы по-прежнему можете бродить, где захотите. Но ему запрещено разговаривать с кем-либо от твоего имени. Это понятно?

— Пожалуйста, не злись на него. Он сделал то, о чем я его попросил.

— Я знаю. Но он не должен был так поступать. Ты не задумался о том, как это

выглядело со стороны, когда он подкупал девушку от твоего имени. Причем сделал это у всех на глазах.

— Но она сама хотела... — пытаюсь возразить я, но понимаю, что отец прав. Это выглядело не слишком красиво. Чертовка продала анонимность подруги незнакомцу, а Питер ее приобрел от моего имени. И хоть я его об этом не просил, из-за этого на душе у меня скребут кошки.

— А теперь извини, меня ждет работа. Мы сможем поговорить позже. И не принимай все так близко к сердцу. Если с тобой творится что-то странное, не стоит придавать этому слишком большое значение. Твой мозг был сильно поврежден, и он способен обманывать тебя. Если это случится снова, дай знать, я сообщу врачам.

— Хорошо. Увидимся позже, папа.

— До встречи, сынок.

Его изображение исчезает, и стены комнаты снова становятся белыми. В этой белизне есть нечто обнадеживающее. По крайней мере, она не заставляет тебя краснеть.

Что же здесь происходит? Выходит, либо со мной что-то не так, либо тот, кто называет себя моим отцом, лжет. Но зачем ему это делать? Какой в этом смысл?

Нет, при всем желании я не могу понять, почему меня обманывают. Эта мысль вызывает у меня легкую паранойю. Ясно лишь то, что она возникла у меня потому, что я ниче-

го не помню из своего прошлого. Я даже не могу с уверенностью утверждать, что человек, с которым я только что говорил, действительно мой отец. Ах, если бы я только мог хоть что-то вспомнить! Тогда исчез бы и хаос в голове, и смутное чувство страха. Конечно, это не поможет мне вернуть тело, но по крайней мере я бы знал, кем был раньше. Нет ничего ужаснее неопределенности.

Но что мне сделать, чтобы память вернулась ко мне? Я приказал Алисе еще раз показать фотографии матери, а затем и те, что хранились в папке, подписанной моим именем.

Я вижу мальчика, который вроде бы должен быть мной, но при этом кажется совершенно чужим. Он играет в парке, пинает мяч на футбольном поле, держит в руках диплом победителя в соревнованиях по математике. Вот он на свадьбе женщины, которую я не знаю, вот на конфирмации в церкви. У мальчика на фотографиях явно есть прошлое, но оно не похоже на мое.

Так я ничего не добьюсь. Нужно найти другой способ. Если я смогу доказать, что воспоминания о Юлии вызваны эффектом дежавю, то по меньшей мере пойму, что пapa был прав и перестану сомневаться в его словах.

Я командую Алисе открыть *Nymoschat* и ввожу в поиск *July2001*. Безрезультатно. Она что, сменила ник? Или заблокировала меня? Для верности я создаю новый аккаунт

в *Nymochat* и пробую снова, и снова терплю неудачу. *July2001* бесследно исчезла.

Тогда я захожу в *Eyestream* и ищу Чертовку, но и здесь поиск ничего не дает. Они что, обе удалили аккаунты? Но почему?

Меня охватывает страх, но я пока не понимаю, чего именно испугался.

— Алиса, открой камеру Питера!

Появляется сообщение, что Питер онлайн. Что-то тут не так. Совсем-совсем не так. Такое чувство, что земля уходит из-под ног и я лечу в пропасть. И это при том, что никакой земли под ногами на самом деле нет, есть лишь белая подсвеченная плоскость в виртуальной комнате.

ГЛАВА 9

Что я знаю? Что вообще могу знать? Как мне отделить иллюзию от реальности, собственную память от ложных воспоминаний?

Будем мыслить логически. У меня не так много фактов: я нахожусь в виртуальном пространстве без реального тела, без прошлого, с мозгом, который очевидно поврежден и выдает мне недостоверную информацию. Есть человек, который выдает себя за моего отца. Есть девушка, которую, как мне кажется, я помню, и которая говорит, что она моя сестра. Или по крайней мере она сестра мальчика, которого тоже зовут Мануэль и который похож на меня. Аккаунты в *Nymchat* и *Eyestream* были единственными ниточками, связывавшими меня с ней. И обе оборвались.

Но эти версии реальности несовместимы. Это неоспоримо. Либо Юлия моя сестра, и тогда отец, то есть Хеннинг Ясперс, если его так зовут, лжет мне по непонятным причинам, либо у меня нет сестры, и тогда мне врет мой мозг. Но как узнать, что из этого правда, если собственная память

обманывает меня? Я даже не уверен, общался я в *Nymochat* с Юлией или мне только так показалось.

Может, все это просто сон?

Милый Боженька, насколько я знаю, я никогда в Тебя не верил, но если Ты все же есть, пожалуйста, сделай так, чтобы я проснулся и все это оказалось ночным кошмаром.

Пожалуйста!

Но Бог не слышит меня. Я Его не виню. Наконец на одной из стен внезапно появляется изображение.

Это Питер. Он стоит в очках перед зеркалом.

— Хотел поговорить со мной, босс?

— Да. Знаю, это прозвучит немного странно, но скажи, ты сегодня ходил со мной в торговый центр и дал девушке двести евро, чтобы она сообщила тебе ник некой Юлии?

Мгновение он колеблется:

— А ты к чему это спрашиваешь?

— Ты делал это или нет?

— Ну да, было дело. И хочу тебе сказать, что твой отец был не в восторге от нашего небольшого приключения. Знаешь, зря ты ему рассказал. Хорошо, что он не уволил меня.

— Мне очень жаль, — компьютерный голос, конечно, не передал, какая гора у меня только что свалилась с плеч. По крайней мере, эти мои воспоминания реальны.

— Помнишь, какой ник она нам дала?

— А ты что, не записал?

— Записал, но не исключено, что с ошибками.

— Подожди-ка, это была *Julia2001*, нет, не *Julia*, *July*.

Я снова ввожу ник в поиск *Nymochat*, и снова не нахожу аккаунта. И *Julia2001* также ничего не дает.

— Я уже чатился с Юлией через этот профиль в *Nymochat*, а затем внезапно соединение разорвалось. И теперь выясняется, что такого профиля больше нет.

— Хм. Чатился? И о чем говорили?

— Я спросил, откуда она меня знает. Она ответила, что если я говорю правду, то она моя сестра.

— Я думал, у тебя нет сестры.

— В том и проблема.

— Может, у нее есть брат, которого зовут Мануэль? У тебя не самое редкое имя.

— Да, но это было бы очень странное совпадение, тебе не кажется?

— Понятия не имею. Может, она хотела обмануть тебя. Вероятно, за этим стоит маленькая вертихвостка, которой я отвалил две сотни. Как по мне, я сглупил. Вероятно, она испугалась. Поняла, что завралась, и удалила аккаунт.

По правде говоря, объяснение Питера звучит не слишком убедительно. С другой стороны, ничего лучше у меня нет.

— Питер, я хочу, чтобы ты вернулся в торговый центр.

— Зачем?

— Не знаю. Просто интуиция.

— Это похоже на соломинку, за которую ты цепляешься.

— Пожалуйста, сходи.

— Но ты понимаешь, что я ничего не смогу предпринять, если эти девушки вернутся?

— Я хочу освежить... воспоминания, так сказать.

— О'кей, начальник. В конце концов, ты здесь босс.

И вот Питер идет по галерее торгового центра, заскочив по дороге в кафе, в котором состоялась беседа с двумя девицами. За столиком, где он отсчитал утром 200 евро, щебечут две пожилые дамы. Питер методично обходит магазин за магазином, как я его и просил, но не обнаруживает никаких следов Чертовки, не говоря уже о Юлии. Интуиция меня подвела. А чего еще я ожидал? Найти конкретную девушку в таком городе, как Гамбург, трудней, чем пресловутую иголку в стоге сена.

— Ничего, совсем ничего. Но все равно спасибо, Питер.

— Не принимай близко к сердцу, парень. Память вернется к тебе. Нужно только подождать.

Ему легко говорить!

— Да, я постараюсь. Спасибо за все.

— Мне за это платят. Может, что-то еще?

— Нет, спасибо. Я вызову тебя снова, когда понадобишься.

— Как скажешь, босс.

Я отключаю Питера и открываю *Eyestream*. Если я не могу найти Чертовку и Юлию, возможно, у меня получится снова вызвать эффект дежавю. Если я увижу другое лицо, которое покажется мне знакомым, и я смогу каким-то образом доказать, что никогда не встречал этого человека раньше, я по крайней мере буду знать, что отец прав.

И вот я снова кликаю на стримы, в которых люди, в основном молодежь, неосмотрительно делятся с остальным человечеством всем, что попадается им на глаза. То ли по широте душевной, то ли из безграничной наивности эти стримеры приоткрыли мне окна в настоящую жизнь. Спасибо им за это. Конечно, это слабое утешение для того, у кого нет собственной жизни, но все же лучше, чем ничего. Когда я гляжу на мир через их камеры, на мгновение я забываю об удушающей тесноте четырех стен, в которые я заключен.

Перед моими глазами проносятся лица, памятники, здания. Чтобы не терять времени даром, я запускаю сразу шесть стримов и приказываю Алисе распределить их по всем стенам белого куба.

— Так-так, похоже, у нас проблема, — раздается над ухом женский голос.

Вздрогнув, я оборачиваюсь. Рядом со мной аватар женщины. У нее каштановые волосы

до плеч и очки с черной оправой на носу. Она одета в джинсы, кроссовки, футболку с черно-белой фотографией пожилого господина и надписью: «Легче попасть на Марс, чем внутрь самого себя. К. Г. Юнг».

— Кто вы?

— Я — доктор Ева Хаусманн. Можешь называть меня просто Евой. Я психолог. Твой отец ничего обо мне не рассказывал?

— Нет, не рассказывал.

— Тогда извини, что вторглась вот так, без предупреждения. Но я полагаю, ты привык к неожиданностям.

— Даже не знаю, смогу ли я к ним привыкнуть.

— Нет, конечно нет, это я так, к слову. Объясни мне, что ты делаешь прямо сейчас?

— Ищу мое прошлое.

— Выглядывая из-за плеча у посторонних людей?

— К несчастью, я не могу присоединиться к этим людям там, снаружи.

Компьютерный голос маскирует горечь, которую я вложил в эти слова, но Еве удается ее услышать.

— Прости, я здесь не для того, чтобы критиковать. Я хочу понять тебя.

— Я надеюсь еще раз увидеть снаружи знакомое лицо.

— Чтобы вспомнить больше?

— Да, либо вспомнить больше, либо убедиться, что память меня обманывает.

— Твой отец говорил, у тебя был эффект дежавю. В данной ситуации это совершенно нормально. Твой мозг испытывает сильный стресс, не только из-за того, что его задело пулей, но и из-за имплантов, которые в него вживили.

— Имплантов?

— Ну да, разве папа не сказал тебе, что его команда вживила в твой мозг электроды? Как бы иначе ты смог жить в виртуальном мире и разговаривать со мной?

— Ну да, он упоминал что-то такое, но без подробностей.

По словам Евы, я перенес в общей сложности двадцать три операции на мозге, и это еще не конец. Меня будут оперировать и дальше, чтобы улучшить интерфейс, который обеспечивает связь мозга с компьютером. Ведь пока далеко не все работает так, как надо: у меня нет ни обоняния, ни осязания, ни вкуса. Да и мой голос явно нуждается в доработке. Наверное, Ева считает, что я должен радоваться этим операциям, которые предстоят мне в будущем. Но я настроен скептически.

— Вот уж не знаю, хочу ли я стать лучше.

Виртуальное лицо Евы озаряется искусственной улыбкой.

— Мы хотим улучшить не тебя, а твою способность взаимодействовать с миром.

— И как это мне поможет? Я уже сейчас могу управлять автомобилем, дроном, даже

человеком. Но здесь, в белой комнате, мне нечего нюхать, трогать или пробовать на вкус.

— Здесь наверняка нет, но в том мире, который создал для тебя отец, — да.

— Вы говорите о Средиземье?

— Точно. Только представь: ты сможешь бегать по дворцу Элронда, нюхать цветы, чувствовать ветер в волосах, когда летишь на орле...

— Это он вас послал, чтобы убедить меня снова туда отправиться?

— Почему ты так думаешь?

— Мне кажется, что он был очень разочарован, когда я не захотел остаться там. Но отец также не хочет меня заставлять. В противном случае он бы просто отключил белую комнату и без лишних вопросов заточил меня в Средиземье.

— Да, это в его силах. Но как ты сам правильно сказал, в этом случае ты был бы его пленником. А это твоего отца совсем не радует. Он любит тебя, Мануэль. Он израсходовал значительную часть своего состояния, чтобы обеспечить тебе вполне сносную жизнь. Не думаю, что кто-нибудь когда-либо потратил столько денег на спасение одного человека.

— Может, ему следовало разбудить меня в Средиземье. Тогда, возможно, я бы и не знал, что не всегда был хоббитом, эльфом или гномом.

— Мы обсуждали это. Но это было бы неправильно. Ты бы всегда чувствовал, что с тобой что-то не так. Мы хотели дать тебе возможность самому докопаться до истины и только затем, если сам захочешь, переселиться в фантастический мир. Только так ты сможешь быть счастлив.

— Мы? То есть это ты все придумала? И белую комнату, и то, что я сам должен выяснить, кто я?

— Мы обсуждали это с твоим отцом и несколькими инженерами и вместе нашли компромиссный вариант. Конечно, я внесла свою лепту, но в основном это были его идеи.

— Так зачем он отправил тебя сюда?

— Он не отправлял, а лишь позволил побеседовать с тобой.

— А что ты хотела мне сказать?

— Чтобы ты мужественно посмотрел правде в глаза.

Я пытаюсь рассмеяться, но смех выходит совсем невеселым. Можно сказать, что впервые за все время компьютерный голос сумел передать нужную эмоцию.

— Правде? Какой такой правде? Что все это нереально? Что мое тело — всего лишь бесполезный кусок мяса, который нужен лишь для того, чтобы обеспечивать мозг пищей и кислородом? Что я больше никогда не буду бегать, играть в футбол или грызть яблоко?

— Правда заключается в том, что твои воспоминания никогда не вернутся, Мануэль. Они безвозвратно уничтожены.

После длительной паузы я нахожу нужные слова:

— Тогда... выходит, папа соврал мне, когда сказал, что скоро я все вспомню? Все это время он знал, что это невозможно?

— Да, он знал, Мануэль. И он солгал из сострадания, из любви, если тебе так угодно. Он не смог пересилить себя, чтобы рассказать тебе эту страшную истину. Я говорила, что он должен, но он не соглашался. Он боялся, что правда убьет в тебе волю к жизни. Но теперь, когда он видит, как отчаянно ты пытаешься вернуть утраченную память, он понимает, что ошибся. Именно поэтому я здесь.

Я хочу закрыть глаза, чтобы не видеть изображения с камер, которые смотрят на меня со всех сторон. Но даже этого я не могу сделать. Все бессмысленно. Хочется завыть, но компьютерный голос не способен передать даже элементарного плача.

Все, на что меня хватает, это спросить безразличным тоном:

— А что... что мне теперь делать?

— Пойдем со мной в Средиземье. Вот увидишь, тебе там понравится. У тебя не может быть воспоминаний о прошлой жизни, но ты достаточно молод, чтобы завести новые. Это будет жизнь в фантастическом мире. Ты

можешь быть героем, волшебником, правителем. Ты сразишься со злом и победишь его. Никому еще не выпадала такая возможность. Миллионы подростков по всему миру завидовали бы тебе.

А я бы с радостью поменялся местами с любым из них. Но не могу.

— Я подумаю об этом.

— Хорошо, — кивает Ева. — Дай знать мне или отцу, когда решишь.

Ее аватар исчезает. Некоторое время я смотрю на изображения вокруг себя, напрасно пытаясь привыкнуть к мысли, что я никогда не узнаю, кем я был до той катастрофы, которая выбросила меня из реальности в иллюзорный мир.

Наконец я приказываю Алисе закрыть картинки и затемнить стены виртуальной тюрьмы. Вскоре становится совсем темно. У меня нет тела. У меня нет воспоминаний. Даже рецепторы, и те отключены. Я всего лишь мысль в пустоте.

И я хотел бы, чтобы эта мысль тоже исчезла. Чтобы я просто перестал существовать.

ГЛАВА 10

Стены вновь светлеют, хотя я об этом Алису не просил.

- Доброе утро, Мануэль.
- Я что, спал?
- Вопрос не понят.
- Который час?
- Сейчас восемь часов утра.

Я ощущаю странную тяжесть. Как будто в моем условном теле прибавилось материи. И когда моя правая рука прикасается к левой, меня точно током прошибает. Я что-то чувствую! Кажется, будто на руки надели толстые перчатки, но когда мои пальцы скользят по виртуальному комбинезону, они встречают ощутимое сопротивление.

— Что случилось? — восклицаю я, ошеломленный произошедшей во мне переменой. Алиса, как всегда, не понимает вопроса.

- Алиса, свяжись с отцом.

Спустя какое-то время его аватар возникает в белой комнате.

— Привет, сынок. Я вижу, ты пришел в сознание.

- В сознание? Что ты имеешь в виду?
- Мы прооперировали тебя. Мы говорили об этом вчера.

Моему изумлению нет предела.

- Говорили об этом?!
- А ты не помнишь?

На виртуальном лице папы ничего не меняется, но голос выдает озабоченность.

— Последнее, что я помню, — разговор с Евой, психологом. После него я попросил Алису выключить свет. Мне хотелось немногого подумать в тишине и спокойствии. И по моим ощущениям, это длилось несколько секунд, не больше.

— Со времени разговора с доктором Хусманн прошло больше двух дней. Она сообщила мне о вашем разговоре. Потом я пришел к тебе, и ты сказал, что готов еще раз попытать счастья в Средиземье. Конечно, я очень обрадовался. И попросил тебя повременить, чтобы мы могли тебя прооперировать и улучшить интерфейс, который обеспечивает связь твоего мозга с компьютером. Ты согласился. Операция продлилась дольше, чем ожидалось, но, судя по всему, все прошло хорошо. Хотя похоже на то, что в результате какая-то часть твоих воспоминаний снова оказалась стерта.

Я продолжаю сверлить взглядом его аватар. Я не могу поверить в то, что он только что сказал. Целых два дня просто так растворились в пустоте?

— Алиса, открай *Eyestream*!

На одной из стен открывается портал. Рядом с каждым стримом на стартовой странице указаны локация, дата и местное время. Все правильно, в последний раз я заходил сюда два дня назад.

— Прости, если для тебя это стало неожиданностью. Но мне кажется, воспоминания последних двух дней — небольшая плата за то, что ты получил взамен. Тем более что большую часть времени ты провел под наркозом. Ну, иди сюда.

Он разводит руки.

Я делаю нерешительный шаг по направлению к нему, потом еще один. Отец заключает меня в объятия, и я это чувствую! Чертовски приятное ощущение. Он тихо рыдает. Я должен принять великий дар, который он преподнес мне, даже если это не то, чего я бы хотел.

Наконец отец выпускает меня из объятий:

— Ты не хотел бы прогуляться в Ривендделл?

— Пока нет, сначала я бы хотел поговорить с Питером.

— С Питером? — разочарованно переспрашивает отец. — Хорошо, я передам, чтобы он зашел к тебе.

Аватар отца исчезает, и через несколько секунд передо мной уже стоит Питер.

- Привет, босс, как сам?
- Вроде неплохо. Сделай мне одолжение, ударь по руке.
- Чего-чего?
- Просто сделай, что я прошу.
- Ну ладно, — он подходит ко мне и легонько ударяет по левой руке.
- Сильнее!

Он повторяет, но на этот раз вкладывает в удар больше силы. И я это чувствую! Наверное, я никогда так не радовался боли.

- Ай!
- Тебе больно?
- Да, именно, — я пытаюсь улыбнуться.
- Извини, но ты сам попросил.
- Не нужно извиняться. Я рад, что снова могу хоть что-то чувствовать. Очень-очень рад!
- Ну да, это хорошо. Я слышал, тебя прооперировали. Кажется, опять что-то вживили в мозг.
- Скорей всего. Но я позвал тебя не только поэтому. Я хотел кое-что у тебя спросить. Я разговаривал с женщиной-психологом и с отцом. Они предложили мне переселиться в Средиземье.
- Ты имеешь в виду то самое Средиземье с гномами, драконами и волшебницами?
- В точку. Отец создал его для меня. Сначала я не хотел туда, но теперь...

я думаю, что теперь я готов, если, конечно, ты согласишься пойти со мной.

— Пойти с тобой? Что ты имеешь в виду?

— Я хотел бы, чтобы ты проводил со мной в виртуальном мире столько времени, сколько возможно. Ну это как если бы ты весь день играл в компьютерную игру.

— Гм, не сказать чтобы меня интересовали компьютерные игры. Но, с другой стороны, если ты хочешь, почему нет?

— Спасибо, Питер.

Язываю отца и сообщаю ему, что готов снова отправиться в Средиземье. Он не скрывает радости. Вскоре стены белой комнаты растворяются, и я снова оказываюсь во дворце Элронда в Ривенделле. Рядом стоят отец в своем эльфийском костюме, юная эльфийка с луком в руках и гном с огромной секирой.

— Почему вы все такие большие? — спрашивает гном голосом Питера.

Я смеюсь.

— Замечательно, что ты решил вернуться сюда, — говорит отец. — Всё это, — он обводит рукой долину, — принадлежит тебе. Тебе нужно лишь выбрать, какую роль ты хотел бы сыграть. Ты можешь стать повелителем королевства эльфов или могущественным волшебником.

— Нет, я хотел бы быть простым эльфом, как Леголас. Думаю, это был мой любимый персонаж в книге.

— Лего... кто? — удивляется южноафриканец.

— Ты что, никогда не смотрел «Властелина колец»?

— Нет, когда воюешь в Конго против повстанцев, на такие вещи совсем нет времени.

— В таком случае, Питер, образ сварливого гнома в этом мире как раз по тебе, — подкалывает наемника эльфийка голосом Евы.

— Так, давайте не будем выходить из роли, — призывает отец. — Забудем о Конго и о всём прочем, что осталось в реальном мире. Мы в Средиземье, сейчас 2793 год третьей эпохи. Бильбо Бэггинс, который однажды найдет кольцо, еще не родился. Злой Саурон накапливает силу в Мордоре, но все же он недостаточно силен, чтобы вести открытую войну с другими народами. Бесчисленными интригами, взятками, похищениями, убийствами и другими темными делами он пытается приумножить свое влияние. Люди почти забыли об угрозе на Востоке и воюют друг с другом. Эльфы пытаются сохранять нейтралитет, но у них это плохо получается. В последние дни орки все чаще стали нападать на деревни людей. Всадников Рохана слишком мало, чтобы защитить обширное королевство. Вот они и попросили эльфов и гномов о помощи. Ты, Питер, приехал в Ривенделл

убедить нас откликнуться на зов рохиримов.

— Я? Вот уж счастье привалило! —
огрызается гном.

— Чуть повежливее, господин гном,
если и правда желаете получить нашу по-
мощь, — грозит ему пальчиком Ева.

— Гномы никогда не нуждались ни
в чьей помощи, — париует Питер. — Мы
всего-навсего хотим дать вам возможность
сискать немного воинской славы, которую
мы, гномы, и так пожинаем сполна.

— Вижу, вы уже вошли в роль! — удов-
летворенно восклицает отец. — Ну, сын
мой, ты готов отправиться на битву со злом
вместе с напарницей Евой и гномом Пите-
ром?

— Разве нельзя придумать себе другие
имена? — возражают я. — Ева звучит не
слишком по-эльфийски.

— А что насчет Еванидель? — интересу-
ется эльфийка.

— Ну а я останусь при своем, если ты не
против, — говорит гном. — Я и так себя
чувствую не в своей тарелке в этом стран-
ном мире, так еще и к новому имени привы-
кать. Ну а самое ужасное, — он поворачи-
вается к Еве, — что мне еще долго придется
терпеть твое общество.

Эльфийка заливается смехом:

— Ну хорошо, давайте тогда оставим
старые имена. Согласен, Мануэль?

— Ладно.

— Ну так что, ты с нами? — интересуется гном.

Я чувствую, как ветер развеивает длинные эльфийские волосы.

— Само собой, я с вами.

— Очень хорошо, — говорит отец. — Если ты согласен, тогда я на первое время побуду правителем эльфов. У меня для вас есть поручение...

ГЛАВА 11

На берегу широкой реки раскинулась живописная деревушка. В свете вечернего солнца она выглядит вполне мирной. Но, как сообщил нам повелитель эльфов, она уже давно захвачена орками и служит им отправной точкой для набегов. Именно отсюда они наводят страх на людей, живущих в этой части Рохана.

Я поднимаю руку, и дюжина управляемых компьютером эльфийских воинов выстраивается прямо позади меня, точно это не эльфы, а роботы.

— Ждите здесь! — командую я.

— Да, господин! — откликается командир отряда.

Вместе с Евой и Питером я подбираюсь ближе.

Издалека видны фигуры, однако они не похожи на привычных орков. Все они чем-то заняты, но вовсе не заметно, чтобы они готовились к войне. Вместо этого один корчит свиней, запертых в загоне, а двое других большими вилами укладывают сено в стог. Еще один орк (мужчина или женщина)

снимает белье, которое сушится на веревке, и складывает в корзину.

— И что, это военная база? — угадывает мои сомнения Питер.

— Первое впечатление может быть обманчивым, — полушепотом отзыается Ева. — Нам нужно напасть, пока эффект неожиданности на нашей стороне.

— Как по мне, так все это выглядит так, будто орки превратились в мирных крестьян, — говорю я. — Видишь того слева, который кормит свиней?

— Орки занялись сельским хозяйством. Ты вообще читал Толкина?

— Тебе видней, — отвечаю я с явным сарказмом в голосе.

— Извини. Но я считаю, что, конечно же, оркам нужно что-то есть, и поэтому нет ничего удивительного в том, что они держат свиней. Но от этого они не становятся менее опасными.

В это время на крыльце одной из изб выходит толстый орк — нет, это явно женщина. За ней бегут двое малышей.

— С каких это пор у орков есть дети? — удивляюсь я. — Мне казалось, что их делают на своего рода фабрике, как роботов.

— Действительно, странно, — соглашается Ева. — Я никогда не слышала об орчих детях. Но, может быть, в этом мире все немного по-другому, не так, как у Толкина. Или эти маленькие орки совсем не орки.

— Так что будем делать? — это уже Питер. — Атакуем или подождем, пока стемнеет?

— Подберусь поближе, — решают я.

— Я с тобой, — вызывается психолог.

— Нет, — твердо говорю я. — Я пойду один!

Питер мне бы только помешал, он топает, как слон. А в компании с Евой я чувствую себя под надзором.

— Он — босс, — резюмирует Питер, и Ева не находит что сказать.

— Хорошо. Но будь осторожен. Что-то не доверяю я этой сельскохозяйственной идиллии.

— Не бойся, ничего со мной не случится.

Чем ближе я подбираюсь, тем сильнее мне кажется, что орки здесь отнюдь не воинственны. Судя по всему, те двое — стражи, но их оружие стоит прислоненным к стене старого сарая, в то время как оба вояки сидят на траве и громко ссорятся, играя в кости. Прекрасная возможность для внезапной атаки. Или же — и эту мысль я не могу выбросить из головы — идеальный момент для убийства беззащитных существ. Понимаю, что это абсурд, что передо мной всего лишь компьютерная симуляция, а орки — это только программный код и набор пикселей. Они не способны чувствовать. У них нет собственной воли. Но тем не менее...

Некоторое время я прячусь за пригорком и наблюдаю за деревней. Похоже, здесь

живет дюжина орков, большинство из которых безоружны. При необходимости мы могли бы расправиться с ними в считанные секунды. Против закаленных в боях эльфийских воинов у них не было ни единого шанса, даже если бы все они были вооружены и настороже. Эта мысль решает все. Скорей всего, мы утратим эффект неожиданности, но я хочу убедиться, что бой действительно необходим. Я выхожу из укрытия и, не таясь, шагаю по направлению к деревне.

Оба часовых замечают меня только тогда, когда я подхожу к ним на расстояние в двадцать шагов. Они прекращают ссориться и растерянно пляются на меня. Затем один из них начинает в ужасе вопить. Орки вскакивают на ноги и бегут в деревню, так и оставив свое оружие прислоненным к стене сарая.

Их крики привлекают внимание сородичей. Завидев меня, они в панике прячутся по домам, так что вскоре на улице не остается ни одного орка. Я останавливаюсь в центре деревни, перед большим домом, который, возможно, когда-то был таверной.

— Эй, орки! — кричу я. — Я хочу поговорить с вами! Здесь есть кто-нибудь, кто понимает мой язык?

— Чего тебе надо? — отзыается один из них через закрытую дверь.

— Хочу, чтобы вы ушли из деревни. Мы вас не тронем. Но если вы окажете сопротивление, мы будем вынуждены перебить вас.

— Ты пришел один? — спрашивает орк. — Где твоя армия?

— Она ждет моего приказа к атаке!

— Ты командуешь эльфами?

— Да, я.

— Хорошо! Эльфы никогда не позволяют нам убивать своих командиров. Из тебя получится отличный заложник!

С этими словами дверь распахивается, и из таверны выскакивают трое вооруженных до зубов орков. В это же время из других изб высыпает множество орочных воинов. Должно быть, они сидели там в засаде. Я угодил в ловушку, как идиот!

Я достаю меч. Вероятно, я смогу какое-то время не подпускать к себе неприятелей, пока не подоспеет подмога. Если повезет, Питер и Ева высмотрят меня и поймут, что у меня проблемы. Орки берут меня в кольцо, они вооружены мечами и копьями и вот-вот должны атаковать. Но они, кажется, боятся меня и не решаются первыми вступить в схватку. Видимо, сказывается неудачный опыт сражений с эльфами. Впрочем, при таком численном перевесе мои шансы равны нулю.

Из моей груди вырывается яростный вопль. Я бросаюсь на предводителя орков и, что есть сил отталкиваясь ногами от земли, взмываю вверх и запрыгиваю ему на плечо, а уже оттуда сигаю на стену дома. Стремительно хватаюсь за край крыши, делаю элегантное сальто и оказываюсь на самом

верху. Весь трюк занял считанные доли секунды. В мире, где действуют законы Ньютона, он был бы невозможен. Но мы в Средиземье, я — эльф, и папа, судя по всему, обеспечил мое виртуальное тело парочкой несправедливых конкурентных преимуществ.

Орки, кажется, сбиты с толку моим фокусом, впрочем, как и я сам. Они смотрят на меня и дико кричат. Не обращая внимания на их вопли, я натягиваю тетиву лука. Это заставляет их действовать. Штурм начинается сразу со всех сторон. Двое орков бегут к большому сараю и снимают тяжелый засов с дверей. Сначала мне кажется, что они хотят спрятаться от моих стрел, но в следующий момент вся деревня оглашается диким ревом и из сарая вырывается гигант с бугристыми мускулами и непропорционально маленькой головой. Это же тролль! Ой, мама! Вид монстра заставляет меня на мгновение забыть, что все это ненастоящее, и внутри меня просыпается животный страх.

Тролль оглядывается, видит меня и устремляется в атаку. Он пытается запрыгнуть на стену, как и я, но тяжелое тело тянет его вниз. Понимая, что ему меня не достать, тролль начинает бить в стену огромными кулаками, выбивая из нее щепки. Вся постройка трястется, а я едва держусь на ногах.

Я пытаюсь выстрелить монстру в глаз, но он так яростно колотит в стену, что я не успеваю как следует прицелиться.

— Держись, парень! — слышу я голос Питера. Подняв топор, он бросается на тролля, и в этот момент над его головой, прокричав, проносится стрела, выпущенная из лука Евы. Пронзив троллю мочку уха, она застревает в его незащищенной шее. Но для тролля стрела не опаснее комариного укуса. Он рвет стену на части, словно она сделана из картона. Строение мотает из стороны в сторону, как при землетрясении.

Раздается ужасный треск, крыша уходит у меня из-под ног. Я приземляюсь на пол, стараясь удержать равновесие, и отовсюду на меня валятся кирпичи и деревянные балки. Но это еще цветочки. Отбросив в сторону кусок стены, тролль подбегает ко мне, хватает меня огромными ручищами и поднимает вверх — я и меч не успеваю поднять. Он вертит мной, как булавой, бьет головой о развалины, и свет меркнет в моих глазах.

ГЛАВА 12

— Чертовски глупо с твоей стороны было повестись на такую простую уловку, — выговаривает мне Питер.

Он стоит возле моей кровати в украшенных великолепными фресками покоях во дворце Элронда. Тут же находятся отец, Ева и Аландиль. Кажется, тролль поймал меня всего секунду назад. Возможно, так оно и есть.

Все тело ноет так, будто с ног до головы покрыто синяками. Какое счастье, я чувствую боль! Этот мир становится для меня все более реальным. А раз так, может, стоит еще пожить?

— Разве я не должен был умереть? — спрашиваю я.

— Эльфа не так просто убить, — говорит отец.

— Мы прикончили тролля до того, как он успел разорвать тебя на куски, — объясняет Ева. — Но ты был на волосок от смерти.

— Аландиль позаботится о тебе, пока ты снова не встанешь на ноги, — сообщает папа.

Эльфийка слегка склоняет голову:

— Надеюсь, жемчужный мох облегчил боль, господин.

— Думаю, да, — откликаюсь я, хотя по правде не знаю, помогло ли ее лекарство.

— Пожалуйста, в следующий раз будь чуть осторожней, — напоминает мне отец. — Эльфы живут вечно, но и они уязвимы.

— А что случится, если я действительно умру? Здесь, в этой симуляции, я имею в виду? Меня просто отспаунит сюда во дворец?

— Что значит «отспаунит»? — удивляется Питер.

— Если ты умираешь в компьютерной игре, твой персонаж появляется в определенном месте, и тебе приходится продолжать играть оттуда.

— Типа перерождение? Вот здорово, если бы и в обычной жизни все было так же просто — умер и возродился.

— Не позволяй этому случиться, — говорит отец. — А сейчас мы дадим тебе немного отдохнуть. Выздоравливай поскорее.

— Спасибо.

Все, кроме Аландиль, выходят из покоев. Она остается стоять у изголовья постели:

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас, господин?

— Давай обойдемся без «господ». Ты Аландиль? А я просто Мануэль.

— Как пожелаете, Мануэль.

Чтобы убить время, я болтаю с эльфийкой. Порой она молчит, когда чего-то не понимает, но большинство ее ответов на удивление уместные. Спустя несколько часов я совершенно забываю, что это просто компьютерная программа. Отец и его команда, наверное, горы свернули, чтобы наделить ее таким интеллектом. Сколько жертв, и все ради того, чтобы я мог жить и радоваться жизни!

Спустя какое-то время Аландиль прощается. Говорит, ей нужно заботиться о других больных. Оставшись один, я вдруг понимаю, что мне приятна ее компания.

А можно ли подружиться с компьютерной программой?

Я встаю с постели и бесцельно брожу по комнате из угла в угол. Каждое движение отдается болью в теле, но мне эта боль — в радость. Потом я распахиваю стеклянные двери и выхожу на небольшой балкон. Холодный ветер дует с гор, заставляя меня дрожать как осиновый лист. Но этот холод дороже самых жарких объятий. Разве мне было так хорошо, когда я в прошлый раз оказался здесь? Или, пока я валялся в забытьи, врачи что-то усовершенствовали в моем мозге?

Мой взгляд падает на вереницу балконов слева. На одном из них — втором по счету от меня — стоит женщина с длинными волосами в простом белом платье. Поймав мой

взгляд, женщина медленно оборачивается и улыбается мне.

Я выбегаю из комнаты и, чуть не сбив с ног Питера, Еву и отца, проношусь по коридору к двери, за которой, как мне кажется, должна оказаться та загадочная женщина.

— Что случилось? — вслед мне кричит гном, а я рывком открываю дверь.

Но в комнате пусто, как и на балконе.

Неужели я ошибся покоями? Я выхожу в коридор, кручу головой, но женщины в белом и след простыл. В расстроенных чувствах я возвращаюсь к себе.

— Что случилось? — спрашивает Ева.

— Женщина в белом. Она была здесь, снаружи, на балконе.

— Что еще за женщина в белом?

— Я видел ее на кладбище, когда мы с отцом ездили на мамину могилу. А потом еще раз на видео на *Eyestream*. А теперь и здесь.

— Думаешь, это одна и та же женщина? Разве так бывает? — удивляется Питер.

— Понятия не имею, — признаюсь я. — Но она выглядела точно так же, как первые два раза, когда я ее видел. Мне кажется, я знал ее раньше.

— Мануэль, ведь мы с тобой уже говорили об эффекте дежавю, — с мягким укором произносит Ева.

— При чем здесь эффект дежавю, если я встречаю одного и того же человека в разных местах?

— Ну, может, я не совсем точно выразилась. Это своего рода галлюцинация. Ты видишь кого-то, кто вызывает у тебя боль или сильные эмоции. Твой мозг изменяет лицо этого человека так, чтобы он напоминал тебе кого-то, чей образ хранится в твоем подсознании. И тебе кажется, что ты видишь одного и того же человека. Вероятно, на балконе была какая-нибудь эльфийка, которой управляет компьютер.

— Как она выглядела, эта женщина в белом? — спрашивает отец.

Я описываю ее настолько хорошо, насколько могу.

— Бедный мой сынок, наверняка тебе кажется, что ты видишь мать!

— Нет. Я просмотрел достаточно ее фотографий и, хотя сам не помню, какой была мама, абсолютно уверен — эта женщина совсем на нее не похожа.

— А может, эта галлюцинация вызвана травматическим опытом? — выдвигает предположение Питер.

Лицо Евы остается бесстрастным, но в голосе звучит неприкрытая издевка:

— Ты что это, милый гном, психологом заделался?

— Да я так, к слову пришлось... — Питер вскидывает руки, точно защищаясь.

— Мне эта идея не кажется нелепой, — вступается за него отец. — Женщина в белом — это, возможно, врач или

медсестра. Не исключено, что Мануэль видел кого-то, похожего на нее, когда боролся за жизнь, и этот образ каким-то чудом запечатлелся в его памяти, когда все остальное стерлось.

— Признаю, этого нельзя исключить, — соглашается Ева. — И то, что эта женщина хоть немного напоминает тебе мать, только усугубило болезненную одержимость этим образом. Как бы там ни было, это галлюцинация. У тебя их будет еще много, но, надеюсь, со временем они поутихнут.

Это объяснение меня не убеждает. Галлюцинация? Хорошо, но почему только эта? Или мерещатся и другие вещи, которых на самом деле нет?

Я внезапно осознаю, насколько абсурден этот вопрос, и горький смех срывается с моих губ. Пропущенный через компьютерные фильтры, он звучит как собачий лай.

Ничего из того, что я вижу в этом мире, на самом деле не существует. Так какая разница — стояла на балконе женщина в белом или нет? В комнату входит Аландиль. В руках у нее искусно вырезанная доска, на которой стоят фигуры из серебра и слоновой кости.

— Я вижу, вам лучше, господин, то есть Мануэль.

В том, как она поправляет себя по ходу беседы, есть что-то очень человеческое, хоть она и не человек.

— Я подумала, может, вам скучно и вы хотите поиграть. Но вижу, что с вами друзья, — ее голос звенит, как колокольчик.

— Мы уже уходим, — говорит отец, кивая Питеру и Еве. И те, не сказав ни слова, выходят вслед за ним.

— Мне незнакома эта игра, — предупреждаю я, когда она кладет доску на стол.

— Это неважно, Мануэль. Я почту за честь разъяснить вам правила.

Мы садимся. Игра напоминает шахматы, но игровое поле шестиугольное, фигур меньше, и игровые функции у них другие. Кроме того, в отличие от шахмат, где все спокойно едят друг друга, здесь некоторые фигуры могут атаковать только конкретных противников: например, Гном бьет Олифанта, Олифант — Великана, Великан — Гнома. Оттого игра получается довольно мудреной.

Но Аландиль — хорошая и терпеливая наставница, и вскоре я разобрался, что к чему. Это было совсем непросто, несмотря на то что правил в этих эльфийских шахматах меньше, чем в обычных. Я, конечно, понимал, что шансы выиграть у компьютерной программы у меня призрачные. Однако уже в третьей партии мне удается решить дело в свою пользу.

— Вы победили, — говорит эльфийка. — Вы действительно хороший ученик, Мануэль.

— Ты поддалась, — парирую я.

Она улыбается:

— Вы меня раскусили! Еще партию?

— Конечно.

На этот раз она показывает все, на что способна, и расправляется с моей армией за десять ходов.

— Bay, впечатляет! — восхищаюсь я.

— Ой, простите, я так увлеклась, что совершенно забылась. Это было нечестно. Я-то играю в эту игру более двух тысячелетий, а вы — всего два часа.

— Ты же машина. Неудивительно, что ты так хорошо справляешься, — ляпнул я и тут же пожалел. Черт! Во мне говорит уязвленное самолюбие, и это ужасно. Она поднимает глаза и долго смотрит на меня, ничего не говоря.

— Я — машина? Что вы хотите этим сказать? — наконец медленно произносит эльфийка.

От удивления я чуть не теряю дар речи. Она действительно поняла? Неужели ее интеллект настолько развит и она наделена способностью к саморефлексии?

Нет, ну конечно нет. Просто какой-то программист оказался достаточно смышленным, чтобы предугадать, что я скажу нечто подобное, и вложил в нее подходящий ответ. Прежде, чем я успеваю проверить эту гипотезу, в покой входит Питер. Аландиль встает.

— Мне пора идти.

Я провожаю ее взглядом. Мне жаль расставаться с ней.

— Она красивая! — подмигивает мне гном.

Хорошо, что мой аватар не способен краснеть, а искусственный голос надежно маскирует охватившее меня смущение.

— Хм... может, ты хочешь сыграть партию в «Великанов и гномов»?

— Ты издеваешься?

— Нет, это просто игра. Аландиль только что научила меня. Конечно, она очень хорошо играет, что неудивительно. Люди не могут тягаться с компьютерами в том, что касается игр.

— Тебе не кажется, что пора перестать думать об этом мире как о симуляции? Возможно, тебе будет проще здесь обустроиться, если ты выкинешь из головы, что все это ненастоящее.

Его слова обжигают меня.

— Тебе не кажется, что я достаточно много всего забыл?

— Извини, Мануэль. Я не это хотел сказать. Ты прав, не нужно ничего забывать. Но ты можешь сблизиться с этой иллюзией чуть больше. Например, тебе же нравится эта маленькая эльфийка.

— О чём ты?!

— Да ни о чём. На самом деле я здесь, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь и когда снова будешь в форме.

— Понятия не имею. Но если учесть, что этот тролль, скорей всего, раздробил мне

все кости, нужно отдать должное мастерству Аландиль.

— Это замечательно. Потому что нам нужна твоя помощь. Хотя мы и изгнали орков из той деревни, они объединили силы с другими отрядами, болтавшимися в окрестностях, и планируют напасть на Эдорас, столицу Рохана. Мы должны предупредить рохиримов и прийти им на помощь.

— Уверен, что я тот, кто тебе нужен?

— Ну, пока ты не решишь раскурить с орками трубку мира и убедить их вступить в ООН, я невижу проблемы. Тебе не обязательно сражаться с нами на передовой, но нам пригодился бы твой ум, чтобы выработать хорошую стратегию.

— Не беспокойся, я усвоил урок. До завтра это подождет?

— Думаю, да. Отдыхай, и пусть Аландиль лечит тебя хорошенко.

Питер не вышел через дверь, а просто исчез, вероятно, отключился от симуляции и отправился в какой-то паб. Счастливчик!

Заходящее солнце заливает горизонт светло-розовым светом. Я выхожу на балкон, чтобы полюбоваться пейзажем, который кажется естественным, но при этом таким не реально красивым, будто его нарисовал Каспар Давид Фридрих. Откуда, черт возьми, я знаю, кто такой Каспар Давид Фридрих?

— Время перевязки, Мануэль! — раздается голос Аландиль. Я не слышал, как она

вошла. Возможно, просто телепортировалась сюда. Кто знает, что еще в этой симуляции может произойти, если отвернуться.

— Что еще за перевязка?

— Вам нужно сменить бинты. Пожалуйста, снимите одежду.

Секундная заминка потребовалась мне для того, чтобы вспомнить, что все это компьютерная игра и мне незачем стесняться наготы. Я сбрасываю на пол халат из тонкой ткани, напоминающий ночную рубашку, и с удивлением обнаруживаю, что почти до самой шеи обмотан бинтами, как египетская мумия.

— Вот, выпейте это, — Аландиль протягивает мне чашку, в которую налито что-то маслянистое. — На вкус не очень, зато помогает снять боль.

Вообще-то я не различаю вкус еды или питья, а боль мне очень даже нравится, потому что через нее я чувствую свое тело. Но об этом я решаю умолчать. Не говоря ни слова, я опрокидываю жидкость в рот и ощущаю, как по жилам разливается тепло, а голова начинает слегка кружиться.

— Пожалуйста, прилягте.

Я делаю то, что она говорит, и потом, не отрываясь, смотрю, как она умелыми движениями меняет мне бинты. Все выглядит очень реалистично. Несколько раз я даже ощущаю боль, когда она снимает повязку с чувствительных мест. В такие моменты она встревоженно вскидывает глаза на меня и извиня-

ется за неловкость. И как бы я ни старался, я начинаю забывать, что передо мной созданная компьютером виртуальная сущность без разума, чувств и эмоций. Я все больше вижу в ней человека, причем очень дружелюбного.

— Спасибо, — говорю я, когда она мажет раны зеленоватой травяной пастой, которая холодит тело. — Я больше не чувствую себя так, будто меня расплющили под заводским прессом.

— Рада это слышать, Мануэль.

Она коротко улыбается, но не поднимает глаз. Выглядит она обеспокоенной.

— Вы скоро снова отправитесь на битву?

Что-то в ее словах меня раздражает, но я пока не понимаю, что именно.

— Разве это не мой долг здесь? — спрашиваю я.

— Не мне судить. Но я бы не хотела, чтобы с вами что-нибудь случилось.

В голову закрадывается очень нехорошая мысль.

— Не волнуйся, в «Мире Варкрафта» мне не было равных, — небрежно кидаю я в ответ.

— Это не игра, Мануэль! Если вас снова поколотят тролль, не уверена, что я смогу справиться с последствиями.

— Да, знаю я... Стоп! Откуда ты знаешь о *World of Warcraft*? И как ты вообще поняла, что значит чувствовать себя расплющенным под заводским прессом?

— Что? Нет, вы меня неправильно поняли, я простая служанка и мало что смыслю в таких вещах.

— Поцелуй меня, Аландиль!

Она широко раскрывает глаза, будто моя просьба привела ее в ужас. Но затем подается вперед, обвивает руками мою шею, закрывает глаза и прижимает свои губы к моим. Я чувствую ее теплое дыхание и нежность упругой кожи.

— Я люблю вас, Мануэль, — шепчет она, когда наши губы наконец разъединились. И тут меня словно согрели молотом по голове. Она мне врет! А я наивный дурачок! Я изо всех сил толкаю ее в грудь, она спотыкается, падает на пол и смотрит на меня, ничего не понимая.

— Но, Мануэль, что это значит? Разве вы не хотите этого?

— Не хочу чего? — уточняю я, едва сдерживая гнев.

— Чтобы мы... мы были счастливы!

— А мы можем быть счастливы? Ты серьезно? Что-то я в этом сомневаюсь. Кто ты на самом деле?

— Не понимаю, о чём вы... говорите, господин.

— Правда? А я думаю, хорошо понимаешь. Даже слишком хорошо. На какое-то время я и правда поверил, что ты просто сложный программный код. Но теперь я вижу, что здесь происходит. Ева, это ты?

Это была твоя идея, чтобы я полюбил эту пустышку?

В этот момент в покой входит Ева.

— Мануэль, Аландиль, что происходит?

Я проходила мимо и услышала шум...

— Надо же, какое совпадение! — говорю я со всем презрением, на которое только способен.

— Мануэль, это не то, что ты думаешь, — пытается объяснить Аландиль, но ее голос теперь звучит иначе. Это не искусственный голос эльфийки, но и не голос Евы. Он принадлежит женщине, но другой.

— А что тогда? Кто ты такая?

— Меня зовут Катрин, — послушно отвечает она. — Я работаю в команде дизайнеров, которые создали Средиземье. Твой отец попросил меня сыграть роль Аландиль. Он мечтал, чтобы у тебя была девушка в этом мире — настоящая подруга, которая действительно тебя понимает. Он не хотел, чтобы ты влюбился в меня. Но когда ты попросил поцеловать тебя, мне показалось... Мне жаль, если я тебя обидела.

— Скажи об этом Санте или кто там вместо него у Толкина! Ева, я хочу вернуться в белую комнату! Сейчас же!

ГЛАВА 13

И вот я снова в виртуальной тюрьме с белыми стенами. Я ничего не слышу. Стены экрана пусты. Ни звуков, ни сквозняков. Я получил, чего хотел, но какой ценой?! Полчаса они говорили со мной — Ева, папа, Питер и эта Катрин. Упрашивали, обещали, извинялись. Чуть ли не на коленях умоляли остаться в Средиземье. Но я только укрепился в своем решении. И вот теперь, когда я здесь, стены давят на меня — кажется, они медленно приближаются ко мне, чтобы раздавить. Мне хочется заполнить их фотографиями, избавиться от отвратительного ощущения сжимающейся пустоты. Но я подавляю это желание. Мне нужна ясная голова.

Cogito, ergo sum — мыслю, следовательно, существую. Это сказал французский философ Рене Декарт. По какой-то причине — возможно, мне пришлось выступить с презентацией в школе — я знаю, что это латинское изречение взято из его «Размышлений о первой философии». Я даже могу вспомнить фрагмент, в котором он

обосновывает свой знаменитый тезис: «*Но существует также некий неведомый мне обманщик, чрезвычайно могущественный и хитрый, который всегда намеренно вводит меня в заблуждение. А раз он меня обманывает, значит, я существую; ну и пусть обманывает меня, сколько сумеет, он все равно никогда не отнимет у меня бытие, пока я буду считать, что я — нечто*».

Декарту наверняка понравилась бы белая комната. Здесь обман чувств очевиден: всё, что я вижу, слышу и осозижаю, не является реальным. Я не могу доверять ни одному из чувств. Я пытался забыть об этом, но ложь Аландиль открыла мне глаза. Я был таким идиотом! Попасть в западню к оркам ничуть не глупее, чем верить в существование искусственного сверхразума. Какой смысл жить в мире, где все врут мне во благо? В мире, где нет уверенности в том, что компьютерная программа — это компьютерная программа. Какое место мне предназначено в этом мире? Беспомощного младенца, которому никогда не светит стать взрослым? Зачем ради этого жить? Мной овладевает отчаяние. Я хочу положить конец своему жалкому существованию, причем немедленно. Но я даже этого не могу сделать. Рядом со мной материализуется аватар Питера.

- Привет, Мануэль.
- Оставь меня в покое!

— Может, хочешь, чтобы я надел очки?
Мы бы могли немного погулять. Погода се-
годня просто супер!

— Нет, спасибо. Я хочу побывать один.

— Как знаешь, — сдается Питер и исче-
зает. Я больше не верю ему. Наверное, это
несправедливо. В конце концов, он-то тут
при чем? Аландиль — это сто процентов
идея Евы или отца, но точно не его. Но я уве-
рен, что он знал и ничего мне не сказал. Он
не был мошенником, но покрывал мошен-
ников. Я думаю, он это прекрасно понимает.
Как бы там ни было, я не могу его простить.
Но его предложение наводит меня на мысль.

— Алиса, который час?

— Сейчас двадцать часов сорок минут.

Вот интересно, а есть ли кто-то, кто гово-
рит за Алису? Если да, то у него блестяще
выходит имитировать тупость.

— Открой *Eyestream*.

Чертовки как не было, так и нет. Зато
есть много стримеров из Гамбурга. Хотя бы
в чем-то Питер мне не врет. Погода дей-
ствительно хорошая. Термометр, если ве-
риТЬ сайту метеоцентра, показывает 20 °С.
Вечерок как раз для барбекю. Правда, ни-
кто из стримеров до этого пока не додумал-
ся, но, к счастью, я не завишу от того, хочет
ли кто-то прогуляться по парку. Я могу от-
правиться туда сам.

— Алиса, начинай управлять «эм-о-
один».

На одной из стен появляется пункт управления автомобилем. Тот стоит в гараже. Я завожу мотор. Ворота гаража открываются автоматически. Через 20 минут я ставлю машину у городского парка и запускаю дрон. Подняв его в воздух на 30 метров, перелетаю через широкую улицу и начинаю кружить над парком. Заходящее солнце золотит листву. Странное это чувство — плыть над верхушками деревьев, точно птица, нет, скорей как призрак. На большой поляне тут и там видны небольшие группки людей, которые суетятся вокруг одноразовых грилей. Я спускаюсь чуть ниже, чтобы рассмотреть их. Некоторые заметили меня и, задрав головы, наблюдают за моим полетом: одни — с любопытством, другие — с возмущением. Парень с бородой протягивает правую руку в мою сторону и показывает жест, понятный без всяких слов.

И вдруг я вижу Юлию. В этот момент меня точно бьет током. Она сидит на пледе рядом с мужчиной в кепке и с любопытством смотрит на меня, а потом начинает мне махать! Неужели она знает, кто я? Нет, этого не может быть. Просто она чуть любезнее, чем тот остолоп, который показал мне средний палец. Итак, я нашел ее! И что теперь делать? Я не могу поговорить с ней напрямую. Тем не менее я снижаюсь и подлетаю поближе.

— Мануэль, это ты? — спрашивает она.

Я несколько раз поднимаю и опускаю дрон, чтобы это было похоже на кивок.

— О боже, Мануэль!

Юлия начинает рыдать. Мужчина рядом с ней вдруг протягивает руку к дрону. Прежде чем я успеваю что-либо предпринять, он хватает его и поворачивает камерой к себе. У мужчины темная с сединой борода и очки в толстой оправе. Кажется, я уже видел это лицо раньше. На черной футболке — белый кролик с карманными часами и надпись *Follow me into the rabbit hole*.

«Алиса в Стране чудес». Стоп, откуда я знаю эту книгу? Мне ее читала мама, когда я был маленький? Или я сам ее читал?

— У нас мало времени, Мануэль, — говорит мужчина. — Меня зовут Мартин Раффи. Я был партнером человека, который тебя поработил — Хеннинга Ясперса. Что бы он тебе ни говорил, не верь ему! Он просто использует тебя. Слушай внимательно! Чтобы мы могли спокойно поговорить, тебе нужно сказать кодовую фразу. Эта фраза...

Изображение вдруг исчезает, и стена снова становится белой. Выскакивает уведомление: «Соединение прервано».

— Алиса, активируй «эм-о-четыре».

— Не могу установить соединение с «эм-о-четыре».

— Начинай управлять «эм-о-один».

— Не могу установить соединение с «эм-о-один».

На одной из стен внезапно появляется изображение отца. И выражение его лица не сулит мне ничего хорошего.

— Мануэль, разве мы не договаривались, что ты не будешь пытаться связаться с кем-либо?

— Кто такой Мартин Раффи?

Он тяжело вздыхает.

— Мой бывший партнер. Мы вместе основали *Dark Star*. Он был главным разработчиком. Блестящий ум. Но в какой-то момент он стал употреблять наркотики, чтобы снимать напряжение после работы. На этой почве у него развилась паранойя. Он вбил себе в голову, что я обманываю его и настраиваю против него сотрудников. Я поддерживал его, как мог, но, когда он стал настоящей обузой для команды, нам пришлось расстаться, чтобы не поставить под удар всю компанию. Как ты понимаешь, его это не обрадовало. Я часто задавался вопросом, а что если... Но нет, ничто на это не указывает.

— Не указывает на что?

— Что он стоит за нападением на твою мать и тебя. Хотя ему ничего не стоит перехитрить нашу систему безопасности и нанять пару-тройку отморозков. По крайней мере, тому Мартину, которым он теперь

стал. Раньше мы были лучшими друзьями, но он изменился.

— Разве полиция не проверяла его?

— Конечно, проверяла, но, как я уже сказал, не нашла никаких улик. Он все еще блестящий ум, хоть и безумец.

— Какое отношение он имеет к Юлии?

— Не знаю. Может, специально познакомился с ней, чтобы подобраться к тебе. Понятия не имею, как он узнал, что ты ее ищешь. Но это совершенно неважно. Он хочет использовать тебя, чтобы взломать нашу систему. Если бы ты произнес кодовую фразу...

— Так ты все это время следил за мной?

— Не я, Ева. Ее задача — помочь тебе восстановиться и, насколько это возможно, вернуться к нормальной жизни. Ей нужно знать, что ты делаешь и что чувствуешь. К сожалению, она не сразу узнала Мартина.

— Значит, ты позволяешь ей круглосуточно шпионить за мной.

— А как ты думал, сынок? Ты находишься в охраняемой комнате, напичканной самыми сложными технологиями, которые когда-либо использовались для поддержания человеческой жизни. Команда врачей днем и ночью трудится над тем, чтобы интерфейс, который обеспечивает связь мозга с симуляцией, работал как надо, чтобы ничего не воспалилось и не отказалось. Конечно,

за тобой постоянно наблюдают. Только так мы можем сохранить тебе жизнь.

— Я имел в виду здесь, в виртуальном мире.

— Я и о нем говорю. По тому, чем ты тут занимаешься, как себя ведешь, мы судим о том, все ли с тобой в порядке. Думал, что ты сам об этом догадаешься.

Ну конечно, это довольно очевидно. Несколько я верил, что меня оставят одного? Да я просто не думал об этом. Но теперь чувствую себя обманутым, хотя это чистейшей воды самообман.

— Он сказал про какую-то кодовую фразу. Что это значит?

— Именно Мартин написал основной код для этой симуляции. Но когда его паранойя усилилась, он включил в код своего рода бэкдор¹², который позволил бы ему отключить систему безопасности. Эта система полностью контролирует весь внешний доступ и, если произойдет что-то странное, включит тревожное оповещение. Но если произнести в виртуальном мире определенную фразу, будет активирован код отключения системы. Так задумал Мартин. В общем, если ему удалось бы переманить кого-то на свою сторону, он получил бы

¹² Бэкдор (от англ. *back door* — «черный ход», буквально «задняя дверь») — дефект алгоритма, который намеренно встраивается в него разработчиком и позволяет получить несанкционированный доступ к данным или удаленному управлению операционной системой и компьютером в целом

доступ к нашим серверам и доставил бы нам массу неприятностей.

— И откуда же возьмутся помощники?

— Вероятно, сначала он рассчитывал на кого-то из бывших подчиненных. Он вроде несколько раз собирался взломать нас, но всем известно, что у него проблемы с головой. Его никто не поддержал. И теперь он решил провернуть это с тобой. Ты не помнишь его и ничего не знаешь о его болезни. Поэтому ему просто нужно убедить тебя, что я твой враг, а он — твой единственный друг.

— Откуда ты знаешь, что ему нужно?

— Мартин был лучшим из лучших, но в *Dark Star* есть и другие блестящие умы. Начальник нашей службы безопасности давным-давно обнаружил вредоносную программу и удалил ее. Поэтому даже если бы Мартин попросил тебя повторить кодовую фразу, ничего бы не случилось. Кстати, эта фраза *Follow me into the rabbit hole*.

— О, я видел ее на его футболке.

— Хитрый ход! Он надеялся, что ты произнесешь эти слова — например, прочитаешь вслух, — даже если он не успеет тебя попросить об этом.

— Тогда почему ты разорвал соединение с камерой?

— Да, он сильно ошибся... Я не смог бы объяснить тебе его действия, если бы знал, что это небезопасно. Как я уже говорил, мы нашли вредоносный код и удалили его.

— Тогда зачем?

— А что ты прикажешь мне делать? Сидеть и смотреть, как он отправляет твой разум параноидальными подозрениями? Бог знает, что тебе пришлось пережить, сынок. Позвоню-ка я в полицию, пусть проверят Мартина еще раз. Может, они сосредоточатся и отыщут доказательства того, что именно он стоит за подлым убийством твоей матери! Но, пожалуйста, пообещай мне, что ты не попытаешься связаться с ним.

— А каким образом я могу это сделать? — надеюсь, отец рассыпал горечь, которую я вложил в этот вопрос. — Меня круглосуточно охраняют, и как только он появится в эфире, вы снова разорвете связь.

— Похоже, Мартину уже удалось это? — спрашивает отец. В его голосе звучат усталость и боль. — Он заразил тебя своей паранойей и заставил сомневаться в моей искренности? Ты больше мне не доверяешь, сынок?

— Как мне теперь узнать, где правда, а где ложь? — мне хочется разрыдаться, но слезы — роскошь, которой я лишен. — Как мне отличить истину от вымысла, разум от безумия, если у меня нет ни памяти, ни реальных переживаний?

Мгновение Хеннинг Ясперс молча смотрит на меня. Его лицо выражает глубокое разочарование. Затем он кивает:

— Думаю, я понимаю, о чем ты. Просто доверься здравому смыслу, логике. Можешь сомневаться во мне, если тебе не остается ничего другого. Но, пожалуйста, не совершай опрометчивых поступков. Не позволяй тому, кто, быть может, убил твою мать, оскорблять человека, который изо всех сил пытается сохранить тебе жизнь.

Он разрывает соединение. Я остаюсь один в белой комнате, печальный и растерянный.

ГЛАВА 14

Папа попросил меня не совершать опрометчивых поступков. По мне, так звучит цинично. Что я могу совершить такого опрометчивого? Да практически ничего. Проходит несколько дней. Я копаюсь в Интернете, без разбора слежу за любыми стримами, читаю электронные книги и статьи о людях в бодрствующей коме¹³. Но не нахожу ничего, что помогло бы мне развязать узел противоречивых мыслей и принести мир в мой измученный разум. У меня больше нет доступа к машине и дрону. Мой отец утверждает, что Мартин Раффи повредил дрон, а машина недостаточно защищена от хакерской атаки. На самом деле он просто хочет помешать мне связаться с Юлией и Раффи. Во всяком случае, я думаю именно так.

Или это просто паранойя, та, что свела с ума бывшего партнера отца? Но любой на моем месте стал бы параноиком. Ева, отец,

¹³ Или апалический синдром — патологическое состояние, характеризующееся безучастностью и полной утратой познавательной деятельности, является следствием глубокого нарушения функций коры большого мозга

Питер, даже Катрин прилагают все усилия, чтобы приободрить меня. Стремятся составить мне компанию. Они поставили крест на попытках убедить меня вернуться в Средиземье и теперь стараются сделать мое существование чуть более сносным здесь. Но выходит с точностью до наоборот.

Их сострадание для меня невыносимо. Поэтому я отказываюсь говорить и даже делаю вид, что не замечаю их. Какая разница, появляются их аватары в моей подсвеченной тюремной камере или они следят за мной незаметно?

Я пытаюсь забыться в развлечениях: фильмы, документальные и художественные, сериалы, книги, музыка, даже компьютерные игры — в моем распоряжении все, что когда-либо создавалось человеческим гением. Правда, ничто не способно увлечь меня больше, чем на пару минут. И чем дольше длится эта невыносимая пытка, тем чаще я задумываюсь о том, чтобы смириться с судьбой и вернуться в Средиземье. На этот раз — навсегда. Но это означало бы, что я окончательно признаю свое поражение. И хотя я надеюсь, что все они желают мне только добра, я пока не готов отдать им победу. Только не сейчас.

Проходит два или три дня. Я запускаю шесть стримов одновременно, бездумно слежу за мельтешением чужих жизней

и постепенно погружаюсь в своего рода транс. Так я пытаюсь слиться сознанием с теми, кто носит очки с вмонтированными в них камерами. Это мой способ не оставаться наедине с печальной реальностью. И этот способ работает, по крайней мере отчасти.

Не знаю, сколько времени я провел в этом полузабытьи, но что-то заставляет меня вздрогнуть. Словно я спал, а порыв холодного ветра разбудил меня. Какая-то деталь в одном из стримов привлекла мое внимание. Но какая?

И я начинаю внимательно просматривать стримы, надеясь отыскать ту важную мелочь. Все шесть трансляций из Гамбурга. Интересно, это я сам так выбрал или *Eyestream* автоматически подсунул мне то, что могло бы меня заинтересовать? Не знаю. Одна из камер показывает перспективу Большого Альстера с борта гребной лодки. Погода стоит хорошая, и река пестрит парусниками, сквозь стройные ряды которых пробирается небольшой теплоход. Здесь я не нахожу ничего необычного. Второй стрим ведется с Ратхаусмаркт и сопровождается комментариями на китайском. Говорит молодая женщина. Может, я увидел кого-то в толпе позади нее? Я начинаю искать знакомые лица или женщину в белом, но никого не нахожу. Стream с экскурсией по акватории порта. Камера покачивается вверх-вниз, когда забитая туристами лодка проплывает перед но-

сом большого корабля. Что говорит рулевой, разобрать не удается. Здесь я также не вижу ничего, за что зацепиться глазу.

Несколько мальчиков играют в футбол на поле. Они примерно моего возраста. Высокий парень с кудрявыми светлыми волосами прорывается к воротам соперников, обводит защитника и бьет в верхний угол. Но мяч пролетает над воротами и отскакивает от стены с граффити. На картинке нарисован кролик с карманными часами, точно такой же, как на футболке у Раффи. У зверюшки на носу очки, а с шеи свисает золотая цепочка с буквой *C*.

В этот момент я начинаю лихорадочно соображать, просматривая без особого интереса остальные стримы. А что, если это послание для меня? Если рассуждать логически, это маловероятно. Но подобные совпадения вряд ли случайны — отрицать это просто глупо. Меня охватывает радостное волнение. Даже если Мартин Раффи пытается использовать меня в своих целях, как полагает мой отец, мне интересно.

Допустим, что кролик на стене — это послание, которое оставили для меня Раффи или сама Юлия. Они пытаются связаться со мной. Значит, должны быть другие подсказки. Только нельзя показывать отцу и прочим озабоченным моей безопасностью персонам, что я чем-то озадачен, что-то ищу, ведь тогда они запретят мне заходить на *Eyestream*. Пусть они видят то, что вижу я, но знать,

какие выводы я делаю, им совершенно не обязательно. Нужно вести себя осторожно.

Я загружаю еще шесть стримов из Гамбурга и просматриваю их в быстром темпе. Внешне я ничем не выдаю своей заинтересованности. Но в голове кипит напряженная работа. Всякий раз, когда я вижу стену или забор с граффити, внутри меня все вздрагивает. В какой-то момент я понимаю, что мои тюремщики наверняка замеряют реакцию на различные стимулы, и стараюсь унять внутреннюю дрожь. Проходит несколько часов, а я так и не нахожу другого кролика с часами. Вера в то, что картинка действительно предназначалось для меня, начинает слабеть, но тут я вижу то, что действует на меня как разряд электрического тока: на ржавых воротах старого склада красуется улыбающийся кот.

Мало того, темные полоски на пурпурной кошачьей шерсти образуют букву *O*! Эта картинка наводит меня на мысль, что я искал совсем не то. Было бы слишком очевидно, если бы повсюду в городе появлялись граффити с белыми кроликами. Если Раффи хочет связаться со мной, он станет действовать тоньше. Кролик — один из элементов использованного им шифра, который основан на «Алисе в Стране чудес». Чеширский Кот — еще один персонаж этой книги. Не знаю, как Раффи понял, что я ее читал. Может, я ему рассказывал о ней или он сам мне ее дал. Теперь, когда я знаю, что искать,

мне легче находить скрытые символы в изображениях. Вот игральная карта, дама червей, но вместо букв *D* или *Q* в углах стоит *G*. А черный цилиндр на шумоизолирующей стенке у железной дороги — явный намек на Безумного Шляпника. На цилиндре белым нарисована буква *R*. Итак, *COGR*.

Бог весть, что это означает. Но никак не связано с фразой на футболке: *Follow me into the rabbit hole*. В ней нет ни *G*, ни *C*.

Я ищу персонажей из «Алисы в Стране чудес», не переставая удивляться, как Мартину Раффи все это удалось организовать. Интересно, зачем он откровенно подставился, написав кодовую фразу на футболке, если действительно так умен, как говорит отец? Но если предположить, что это не оплошность, значит, вирус, обнаруженный службой безопасности, создан для отвлечения внимания от другого кода, который спрятан лучше первого! Возможно, надев эту майку, Раффи хотел дать мне подсказку, на что стоит обратить внимание. *Follow me into the rabbit hole*. Звучит как призыв. Конечно, пока я не обладаю всей информацией, чтобы решить эту головоломку. Но теперь мне совершенно ясно, что кто-то на самом деле спрятал послание в разбросанных по всему городу граффити. Наконец-то у меня появилось дело, задача, цель.

Нужно только запастить терпением. Еще несколько часов я провожу за просмотром стримов, и вот наконец мое упорство

вознаграждено. Я нахожу еще один знак из сказки Льюиса Кэрролла. Это синяя гусеница, которая курит кальян и выпускает клубы дыма. Одно из этих облачков имеет форму буквы *T*.

— Как дела, Мануэль?

Вздрогнув, я оборачиваюсь и вижу появившийся из пустоты аватар Евы.

— Обязательно подкрадываться ко мне вот так?

— Нам интересно, чем ты занимаешься.

— Чем я занимаюсь? Вы шутите?

— Нет, совсем нет.

— Я сижу здесь, в белой комнате, и смотрю видеостримы. Конечно, я бы мог пойти погулять, но сегодня мне что-то не хочется.

— Прибереги свой сарказм, Мануэль. У тебя есть все возможности мира. Многие люди всю жизнь прикованы к постели. Все они хотели бы поменяться с тобой местами.

— А я — с ними, если это позволит мне видеть, слышать, ощущать и вдыхать то, что действительно существует.

— Ты бы мог вернуться в Средиземье.

— Только не начинай снова!

— Ладно, но мы беспокоимся, Мануэль.

— Не волнуйтесь, со мной ничего не случится.

— Энцефалограмма твоего головного мозга зафиксировала кое-какие странности.

У меня по спине пробежал холодок. По крайней мере, мне так показалось. А не научились ли они читать мои мысли?

— Какие странности?

— За последние несколько дней, пока ты смотрел видеостримы, твой мозг не проявлял активности и находился в трансе, если можно так сказать. Это было видно по тета-волнам, которые характерны для гипноза и фазы быстрого сна. Но сегодня все выглядит так, будто ты проснулся и чем-то сильно увлечен.

— Мне было ужасно скучно, и я придумал игру. Я запускаю стрим, запоминаю первый увиденный мной объект, например пожарную машину, которая проезжает перекресток, а потом пытаюсь найти его в других стримах. Это что-то вроде «Я вижу то, чего ты не видишь» для одного игрока, — на ходу импровизирую я.

— Если хочешь поиграть в компьютерные игры, у нас огромный выбор.

— Я знаю. Но здесь я играю в реальности, мне так веселее.

— Мануэль, не хочу на тебя давить. Но если бы ты дал нам еще один шанс в мире, который создал для тебя твой отец, тогда...

— Спасибо, что не давишь на меня, Ева. Может, в другой раз. Я пока не готов. А теперь было бы неплохо, если бы ты оставила меня в покое.

— Как пожелаешь, — голос Евы звучит слегка обиженно, но исчезает она так же быстро и бесшумно, как появилась. Черт! Нужно быть осторожным.

Наверняка они ждут от меня каких-то действий. Если я найду еще один знак, мое волнение отразится на энцефалограмме. В конце концов они поймут, что к чему, и тогда все будет кончено. Я боюсь собственных мыслей. Неужели единственные люди, с которыми я могу общаться, на самом деле мои враги? Я недолюблю Еву, но судя по всему, она желает мне добра. Во всяком случае, пока она не давала мне повода убедиться в обратном. Я уже не говорю об отце или Питере, которые всегда были внимательны ко мне. С другой стороны, они контролируют каждый мой шаг. Существует ли вероятность, что Мартин Раффи говорит правду, а они лгут? Единственный способ проверить это — взломать код. А что, если этим я нанесу огромный урон? Если человек, выдающий себя за моего отца, прав, то безумный хакер добьется того, чего хотел: использует меня как оружие против бывшего партнера. А если это он организовал убийство мамы... Нет, все эти мысли — переливание из пустого в порожнее. Пока я не знаю кодовой фразы, мне не нужно выбирать, на чьей я стороне.

Так что поиски продолжаются. Не проходит и часа, как я нахожу очередной знак: черепаху с головой теленка. В книге ее зовут черепаха Квази. На ее панцире старательно выведена большая *U*. Стараясь сохранять спокойствие, я вглядываюсь в стрим с Репербана, параллельно собирая в голове най-

денные мной буквы: *COGRTU*. Не похоже ни на одно из известных мне слов. А если переставить буквы местами? Ведь Раффи не мог знать, в каком порядке они будут появляться. Я пробую другие комбинации: *GORTUC*, *TROCGU*, *URGOCT*. Нет, не то.

Стримы сменяют друг друга на стенах комнаты, ставшей для меня целой Вселенной. Спустя какое-то время я действительно начинаю играть в игру, которую придумал для Евы. Это даже забавно. И пока я пытаюсь отыскать женщину в красных туфлях, перед моими глазами проносится электричка. На ней нарисовано граффити странной птицы, похожей на нелепую помесь орла и утки. Это, должно быть, Додо, еще один персонаж из сказки Льюиса Кэрролла. Я вижу картинку считанные доли секунды, но их мне хватает, чтобы разобрать букву *G*. *CRGOTUG*. Час от часу не легче. Но мне приходит в голову одна идея. Додо появляется в книге раньше других мелькнувших передо мной персонажей, когда Алиса падает в озеро из собственных слез. А что, если по задумке Раффи буквы должны идти в том порядке, в каком появляются в книге соответствующие им персонажи?

Сказано — сделано. Раньше всех мы знакомимся с кроликом, значит первая буква — *C*. Вторым идет Додо, за ним — Гусеница, Чеширский Кот, Безумный Шляпник, потом Червонная Королева, и в самом конце — черепаха Квази. Получается *CGTORGU*. Звучит

не слишком обнадеживающе. Но с другой стороны, я пока нашел не всех персонажей. Например, нет Ящерки Билля, Мартовского Зайца и Мыши. А ведь ее первой встречает Алиса в Стране чудес! Следовательно, между буквами... *G... T... O... R... G... U...* есть что-то еще. Я начинаю подставлять наобум все гласные и согласные, которые приходят в голову. И вдруг — эврика! Фраза, которая идеально подходит как к найденному мной набору букв, так и к моей ситуации, загорается в мозгу. Решение найдено.

ГЛАВА 15

COGITO ERGO SUM. Мыслю, следовательно, существую. Вот какое послание отправил мне Мартин Раффи. Надо признать, он уловил самую суть моей проблемы: я не могу достоверно знать что-либо, кроме того, что я есть. Чувства могут меня обманывать. Лишь само существование — непреложный факт. Но неужели меня действительно обманывают? То, что это возможно, не значит, что так оно и есть. Рене Декарт решил подвергнуть сомнению всё и выдумал себе могущественного демона, который вводит его в заблуждение. Но сам Декарт, конечно, не верил, что мира не существует, для него это была игра ума. Для меня же — суровая правда жизни. Я вижу только проекции на стены белой комнаты. Я не могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что стримы, которые я смотрю здесь днями напролет, показывают мне реально существующий мир. Реален только мой разум. Но как он подскажет мне, что делать? Если я все же решусь и произнесу кодовую фразу, запустится программа, спрятанная Мартином Раффи. Если она вообще существует. Как бы

там ни было, в любом случае мой якобы отец поймет, что я его предал. Я не могу предугадать последствий этого поступка и, если что-то пойдет не так, все исправить. Как мне решить уравнение, в котором одни неизвестные величины? Но сидеть сложа руки тоже нельзя. Если бы со мной связался только Раффи, я бы не стал рисковать. Но с ним была Юлия, а ей я могу доверять. Во всяком случае, чувствуя, что могу. С другой стороны, и это чувство может оказаться обманчивым. И даже если сама по себе Юлия — хороший человек, как мне убедиться, что Мартин Раффи ею не манипулирует? Возможно, он наплел ей небылиц про меня и теперь использует ее как отмычку, чтобы подобраться поближе.

Никто не примет это решение за меня. И обсудить я его тоже ни с кем не могу. Но по крайней мере я могу попытаться выведать чуть больше, прежде чем сжечь за собой все мосты.

— Алиса, закрой *Eyestream*. Свяжись с отцом.

Минуту спустя его аватар появляется в белой комнате. Еву, Питера и Катрин я не вижу, но уверен, что они в этот момент пристально следят за мной. Они подозревают какой-то подвох, но пока не знают, какой именно. По крайней мере, я на это рассчитываю.

— Привет, сынок. Чем могу тебе помочь?

— Я хотел бы, чтобы ты рассказал, кто такая Юлия.

— Ты же знаешь, что я не могу, Мануэль.

— Зачем кому-то выдавать себя за мою сестру?

— Понятия не имею, но поверь мне, Юлия кто угодно, но не твоя сестра.

— Почему же я тогда уверен, что знаю ее и могу ей доверять? И почему ты стремишься держать меня от нее подальше?

— Нет, это не так.

— Правда? Вскоре после того, как я попытался поговорить с ней в *Nymochat*, вдруг исчезла связь, а ее аккаунт загадочным образом самоудалился. И вот теперь, когда я встретил ее в парке вместе с твоим бывшим партнером Мартином Раффи, связь снова прервалась. Но тебе и этого показалось мало. Ты отобрал у меня машину и дрон, чтобы я ни в коем случае не попытался ее отыскать. А теперь скажи еще раз, что ты не стремишься держать ее от меня подальше.

— Если смотреть на ситуацию твоими глазами, это действительно выглядит странно. Но ты не знаешь Мартина. Он ни перед чем не остановится. Он запросто может использовать эту девочку, чтобы одолеть вселенское зло в моем лице. Тем более он знает, что ты в нее влюблен.

— Я... в нее... влюблен? С чего ты решил?

— Ну, это единственное разумное объяснение, почему ты так хочешь ее найти.

— Чушь! Ни в кого я не влюблен. Я просто хочу понять, откуда я ее знаю.

— Но ты не можешь, Мануэль. Твоя память была полностью стерта. Ты не помнишь никого и ничего из прежней жизни. Это печально, но это факт.

Несколько секунд я молчу, обдумывая сказанное. А затем киваю виртуальной головой.

— Ты прав. Я не помню ничего и никого. Но я знаю, что ты не мой отец.

Из пустоты материализуется аватар Евы.

— Мануэль! Что ты такое говоришь?!

— Не вмешивайся, Ева! Будь он моим отцом, он бы не пытался изолировать меня от единственного человека, который может помочь мне вспомнить прежнюю жизнь. Он не блокировал бы связь, а наоборот, всеми силами стремился бы ее наладить.

— Ты и сам знаешь, что неправ, — возражает психолог. — Ты не можешь вспомнить прежнюю жизнь. Твоя память была безвозвратно стерта. Юлия — это случайный человек, вызывающий у тебя эффект дежавю.

— Раз так, то тем более нет никакого резона не давать мне с ней поговорить.

— Но ведь Мартин Раффи... Он же использует тебя! Неужели ты этого не видишь?!

— Хорошо. Дайте мне тогда поговорить с Мартином Раффи.

— Только через мой труп! — вскрикивает мой якобы отец. — Он отправит тебя своей паранойей. Он уже это сделал!

— Возможно, стоит ему дать поговорить с Мартином, — неожиданно встает на мою

сторону Ева. — Учитывая то, что Мануэль уже настроен против нас, вряд ли этот человек добавит что-то еще.

— Я не позволю, — не сдается Хеннинг Ясперс.

— Думаю, не в твоих силах этому помешать, — отвечаю я своим безэмоциональным компьютерным голосом, — *Cogito ergo sum!*

— Что-что? — переспрашивает человек, выдающий себя за моего отца. Но я не успеваю ему ответить. Под ногами на светящемся полу появляется черное пятно и начинает стремительно расти. И это не просто черный кружок, а самая настоящая дыра. Меня засасывает в нее, как в воронку, и я погружаюсь в полную темноту. Потом тьма рассеивается, и я оказываюсь в незнакомой комнате. Прямо передо мной стоит письменный стол, а за ним сидит коренастый мужчина с бородой. Это Мартин Раффи.

Руки его лежат на клавиатуре, а сам он смотрит на меня. Я понимаю, что 3D-камера, позволяющая мне его видеть, установлена на мониторе его компьютера. За его спиной кирпичная стена с толстыми деревянными балками. В окне я вижу луг, на котором пасутся коровы. Я пытаюсь повернуть голову, но камера не двигается. И вдруг появляется Юлия. Она наклоняется через плечо Мартина и смотрит в мою сторону.

— Он нас видит? — спрашивает она.

— Да, — кивает Мартин.

— Привет, Мануэль, — машет рукой Юлия. — Ты нас слышишь?

— Слышу, — откликаюсь я.

Не знаю, как тут обстоит дело с передачей голоса, но думаю, что она поняла, потому что в этот момент ее губы растягиваются в улыбке, а в глазах — удивительное дело — блестят слезы.

— А это точно ты?

— Я не уверен, что знаю, кто я.

— Должен сказать, я впечатлен, — говорит мужчина. — Не думал я, что ты так быстро разгадаешь мою головоломку.

— Признаться честно, не уверен, что эта встреча такая уж удачная идея, — отвечаю я. — Отец говорит, что вы просто хотите использовать меня, чтобы навредить ему.

— Он тебе не отец, Мануэль, — вскидывается Юлия. — Наши родители давным-давно умерли.

— Я этого не помню. Откуда мне знать, что ты говоришь правду? И как могу удостовериться, что ты действительно моя сестра?

— Не знаю. Но больше ничего о себе я сообщить не могу. Я твоя сестра! И ты это чувствуешь, иначе не активировал бы программу Мартина. Просто доверься своим чувствам, Мануэль!

— Что Хеннинг тебе обо мне рассказал? — спрашивает Мартин.

— Что вы были его партнером, великолепным разработчиком. Что вы начали при-

нимать наркотики и стали параноиком и он был вынужден с вами рас прощаться. Что вы пытаетесь отомстить ему и используете для этого меня. Что вы создали ту симуляцию и внедрили бэкдор, который обнаружила система безопасности. Что вы можете быть причастны к убийству моей матери.

— Вот оно как? Ловко, ничего не скажешь. А что он говорил насчет Юлии?

— Он сказал, что чувство, будто бы я знаком с ней, это какой-то сбой в мозге, своего рода эффект дежавю.

— Грязная свинья! — кричит девушка.

— Спокойно. То, что он сказал, как и любая хорошо продуманная ложь, довольно близко к правде. Да, мы были партнерами и вместе основали *Dark Star*. Что касается бэкдора, это тоже правда, правда, его люди нашли лишь часть кода — ту, которую и должны были найти, — иначе бы мы с тобой не разговаривали. Правда и то, что я принимал наркотики. А вот убийство твоей матери — это полная чушь. Хенниг Ясперс никогда не был женат, и у него нет детей. Он выдумал эту историю от начала до конца, чтобы как-то объяснить тебе, что ты делаешь в виртуальном мире с начисто стертой памятью.

— Что ж, посмотрим, какую историю расскажете мне вы.

— Как я уже сказал, Хенниг и я создали *Dark Star* и разбогатели. Но одними

компьютерными играми наши амбиции не ограничивались. Мы вместе трудились над усовершенствованием интерфейсов, связывающих человека с компьютером, чтобы сделать виртуальные миры как можно более реалистичными. И пришли к идее, что нужно создать прямой интерфейс между мозгом и компьютером. Мысль сама по себе не новая. Прямые интерфейсы успешно применялись в медицинских экспериментах. Мы слышали удивительные истории, как слепые начинали видеть, а парализованные — одной только силой мысли управляли компьютером. Мы создали научно-исследовательский институт, который занимался нейроинтерфейсами, так мы их называли.

— И я был одним из ваших пациентов?

— Сейчас мы дойдем и до тебя. Тогда-то наше партнерство и дало трещину, которая вскоре превратилась в пропасть. Я разрабатывал эту технологию с тем прицелом, чтобы помогать тяжелобольным людям. Но Хеннинга это не интересовало. Он стремился создать совершенный виртуальный мир, который нельзя было бы отличить от настоящего. Что-то вроде матрицы.

— Как в фильме?

— Точно. Ты его смотрел?

— Не уверен. Но знаю, о чем он. У меня такое чувство, что я о нем где-то что-то читал.

— Это понятно. Хеннинг вынашивал амбициозный план. Он хотел однажды обосо-

биться от реального мира, отключить мозг от тела и зажить новой жизнью в более совершенной реальности. Так он пытался разрешить величайшую проблему в истории человечества и обрести бессмертие. Даже если обладать самыми совершенными медицинскими технологиями, нельзя продлевать жизнь вечно. Вполне возможно дожить лет до ста, а если медицина будет развиваться такими же темпами, то и до ста двадцати. Но Хеннинг хотел бы прожить тысячу лет. Сначала я думал, что он шутит, но он говорил это на полном серьезе.

— И все же мне непонятно, при чем здесь я.

— Потерпи минутку. Сначала ты должен понять его мотивы. На самом деле кое-кто из ученых утверждает, что можно жить вечно, если загрузить идеальную копию своего сознания в мощный компьютер. Но это полная чепуха. Копия есть копия. Она никогда не станет тем же человеком, что и оригинал, если ее вообще можно назвать человеком. «Как копия может быть мной, если я могу стоять здесь и разговаривать с ней?» — спросил как-то раз Хеннинг, и я был вынужден признать, что он прав. Он также был убежден, что никогда не удастся создать идеальную копию мозга, в точности воспроизводящую все внутренние процессы и состояния, по крайней мере, пока его обладатель жив. И с этим я тоже был согласен. Учитывая все это, есть

лишь один способ воплотить его безумную фантазию о тысячелетней жизни в реальность — сделать так, чтобы его мозг все это время оставался живым.

— Но как такое возможно?

— Мозг, как и другие органы, с возрастом приходит в негодность. Например, его может поразить деменция. Но некоторые врачи уверены, что мозг способен жить дольше, чем, скажем, сердце. Хенning считает, что если ему удастся полностью отделить мозг от тела, заменить живую плоть долговечными и легко заменяемыми органами, это будет означать, что теоретически его план работает. И он полон решимости совершить задуманное. Он одержим идеей бессмертия.

— Бессмертия? Но вы же сказали, что он хочет прожить всего тысячу лет?

— Он надеется, что за это время технологии шагнут так далеко, что он сможет урвать себе еще одно тысячелетие, а потом еще и еще. Его воображение не знает границ. И если посмотреть, чего добилась медицина за последние пятьдесят лет, это не кажется настолько уж неправдоподобным.

— По-моему, натуральная утопия.

— Конечно, предстояла колоссальная работа. С этого-то и началась нашассора. Мне всегда казалось, что всё, что мы делаем, должно соответствовать нашим взаимным интересам, закону и этическим принципам. Но Хенning говорил, что если мы будем че-

речур щепетильными, то не скоро добьемся результата. Вероятно, в этом он был прав. Поэтому он решился на преступление и начал вживлять пациентам нейроинтерфейсы без их ведома и согласия. Тут же начались проблемы — у некоторых людей нейроинтерфейсы вызывали побочные реакции, у других мозг просто отторгал инородное тело. Мы оказались в одном шаге от грандиозного скандала. Один из пациентов пытался подать на нас в суд, но мы заткнули ему рот щедрой компенсацией. Именно тогда, думаю, Хеннигу и пришла в голову идея, что нужно покупать согласие до операции.

— Да кто бы пошел на такое? Кому охота стать подопытной свинкой, пусть и за деньги? — спрашиваю я, но понимаю, что знаю ответ, и от него мне становится не по себе. Тот, кто давал согласие, не ложился сам под нож, а отправлял на операционный стол кого-то другого. — Юлия, ты сказала, что наши родители давно умерли? Значит, нас воспитывали приемные родители?

Ее лицо темнеет.

— Да. Это бездетная пара из Нордерштадта. Его зовут Ральф, он юрист, у его жены Бирте парикмахерская для собак. На самом деле они были не такими уж плохими родителями, просто потратили больше денег, чем могли себе позволить, и у них начались проблемы. А потом у тебя обнаружили эпилепсию. Когда Хеннинг Ясперс сказал, что

может вылечить тебя и еще доплатит им за это, они особо не раздумывали. Я ничего не знала. Думала, какой-то добрый миллионер захотел тебе помочь. А когда поняла, что происходит какая-то фигня, мне запретили навещать тебя в клинике. Но что я могла поделать? Ничего. А потом прибегает Ирис и говорит, что с ней разговаривал какой-то тип и что со мной хочет связаться Мануэль. Потом я получаю от тебя сообщение в *Nymochat*. Я тогда, конечно, не поверила, что это ты.

— Ирис — так зовут Чертовку?

— Да, Чертовка — ее ник на *Eyestream*.

— А она не сказала тебе, что Питер заплатил ей двести евро за твой ник в *Nymochat*?

— Что? Нет! Но на самом деле это неважно. Я рада, что она сделала это. Потом соединение прервалось, и ты больше не выходил на связь.

— Я попытался, но кто-то удалил твой аккаунт в *Nymochat*.

— Как так? Он как работал, так и работает.

— Они фильтруют информацию, которую ты ищешь в Интернете, — объясняет Мартин. — Им ничего не стоит сделать так, чтобы ты не нашел то, что ищешь, либо выдать ложь за правду.

Как же я сразу не догадался? Теперь понятно, почему я вдруг потерял Чертовку

и *July 2001*. И это объясняет материалы о нападении на меня и мою якобы мать, которые я находил в сети. Мне скормили фальшивку, если, конечно, эти двое не врут.

— Как бы там ни было, я заподозрила неладное, — продолжает Юлия. — Сначала я попыталась узнать хоть что-то у приемных родителей, но они неожиданно отстранились от меня и перестали со мной разговаривать. Тогда я начала следить за Хеннигом Ясперсом. Потом я услышала, что Мартина со скандалом уволили из фирмы, и решила с ним связаться. Когда я рассказала ему, что случилось, он сразу понял, что ты действительно мой брат. Брат, которого этот ублюдок держит в плену, чтобы ставить свои эксперименты! Мы подумали, что, возможно, ты попытаешься связаться со мной еще раз, и каждый день ходили в городской парк, где ты впервые меня увидел. Надежда была слабая, но это единственное, что нам оставалось. Ты оказался достаточно умен, и план сработал. Когда я увидела дрон, то сразу поняла, что это ты. Не знаю, что заставило меня так думать, но это оказалось правдой.

— Почему вы не пошли в полицию?

— Это не так просто, — объясняет Мартин. — Люди видят в Хенниге Ясперсе благодетеля человечества. К тому же у него есть письменное разрешение на операции от твоих опекунов. В суде будет сложно доказать, что он проводит неэтичные эксперименты,

а с его адвокатами процесс может затянуться до бесконечности. Пройдут годы, прежде чем хоть одного специалиста подпустят к тебе без разрешения ближайших родственников. Никого ближе приемных родителей у тебя нет, а их он купил. Что касается меня, то я заявивший наркоман с судимостью за хранение. Вряд ли мне поверят в суде.

— А что насчет другой родни? Должны же быть бабушки, дедушки, дяди, тети...

— Папа из Пуэрто-Рико, — отвечает Юлия. — Возможно, у него и была семья, но я о ней ничего не знаю, и даже если бы знала, то вряд ли они смогли бы нам помочь. Мама была единственным ребенком. Ее родители тоже мертвые, иначе, думаю, они забрали бы нас к себе.

— Как умерли родители?

— Автомобильная авария. Оба были пьяны. Она сидела за рулем.

— Значит, нет никого, кто бы нам помог. Мы ничего не можем сделать.

— Не говори так! Мы можем и сделаем!

ГЛАВА 16

— Что случилось? Ты неожиданно исчез!

Ясперс стоит рядом со мной в белой комнате. Стены голые, как и прежде, но в одной из них теперь есть дверь. Он ее не видит, а я вижу. И лишь я могу пройти через нее.

— Я-то откуда знаю? — отвечаю я. — Все вдруг потемнело. Можешь себе представить, как я испугался. Чувствовал себя так, будто меня похоронили заживо.

Ложь, которую мы придумали вместе с Мартином, дается мне легко, компьютерный голос не выдает эмоций.

Мой псевдоотец смотрит на меня долгим, недоверчивым взглядом:

— Не знаю, что ты сделал, сынок, но боюсь, что ты в большой опасности.

— Я вообще ничего не делал.

— Не ври мне! Ты забыл, что мы постоянно сканируем твои мозговые волны. Мы подключили тебя к самому совершененному в мире детектору. Так что лучше скажи мне правду.

— Иначе что?

Он вздыхает:

— Мануэль, это не игра. Все очень серьезно. Мой бывший партнер хочет отомстить мне. Я не знаю, какую историю он сочинил для тебя, но она, видимо, была очень убедительной, если ты веришь ей больше, чем собственному отцу.

— Ты мне не отец!

— Как ты смеешь так говорить? — восклицает Хеннинг Ясперс. — Как ты можешь так говорить, Мануэль! После всего, что я для тебя сделал! После всего, через что я ради тебя прошел! Мы стояли вместе на могиле твоей матери, помнишь?

— Я помню, как стоял на могиле. Но я не верю, что это была моя мама.

— Даже слышать не хочу! Не знаю, как Мартину удалось перетянуть тебя на свою сторону. Мне очень больно, что ты доверяешь ему больше, чем мне. Мне не нравится то, что я собираюсь сделать, но мне придется заставить его отвязаться от тебя. А до тех пор я позабочусь о твоей безопасности. Извини, Мануэль, но твои привилегии временно отменены. К сожалению, я не могу тебе позволить заходить в Интернет. Ты можешь играть в компьютерные игры, смотреть фильмы, читать электронные книги, но никаких контактов с внешним миром. И Средиземье для тебя тоже закрыто, пока я не удостоверюсь, что там безопасно. Нужно еще раз проверить все системы. Это займет несколько недель, может, месяц. Ты очень бы нам помог,

если бы рассказал, как он выходит с тобой на связь. Чем раньше ты сделаешь это, тем быстрее я открою тебе доступ в Интернет. Может быть, я даже разрешу тебе чатиться с Юлией. Но она не твоя сестра, я объясню ей, что не стоит больше тебя обманывать. Мне кажется, Раффи цинично использовал ее. Кто знает, может, вы в конце концов подружитесь.

Я молчу. То, что этот человек пытается переманить меня на свою сторону, настраивая против Юлии, окончательно доказывает, что я поступил правильно.

— Ну как хочешь, — наконец сдается он. — Это твое решение. Я просто надеюсь, что ты скоро поймешь, что был не прав. До свидания, сынок.

— До свидания.

Его аватар исчезает, но вскоре появляется Питер.

— Эй, Мануэль! Что здесь происходит? Никогда не видел твоего отца таким злым.

— Он не мой отец.
— Что? Почему ты так думаешь?
— Не важно. Оставь меня в покое!
— Слушай, я не знаю, что здесь творится, мальчик. Но я на твоей стороне.

— Ты работаешь на человека, который выдает себя за моего отца. Есть такая пословица: собака не будет кусать руку, которая ее кормит.

— Это не так. Я фрилансер, вольный наемник. Да, я не могу позволить себе разбрасываться клиентами. Но у нас есть профессиональная этика. Мы воюем за того, кто платит нам, это так, но мы не убиваем невинных, если этого можно избежать.

— Если этого можно избежать... Какая удобная оговорка!

— Возможно. Но ты мне нравишься. Тебе сейчас нелегко. Если мне станет известно, что кто-то просто использует тебя, неважно кто, я тебя поддержу. Просто знай это.

— И ты так говоришь, зная, что он все слышит.

— Твой отец сейчас разговаривает с адвокатом.

— Брось, Питер. Ты был добр ко мне, спасибо. Но теперь я сам по себе. Пожалуйста, уходи.

— Как скажешь, удачи тебе, Мануэль.

Он исчезает, и в белой комнате появляется аватар Евы. Они что, никогда не сдаются?

— Проваливай!

— Мануэль, я просто хотела сказать, что ты совершаешь большую ошибку. Ты ведь знаешь, как сложно построить доверительные отношения, но зато их можно уничтожить за считанные секунды. Может быть, еще не поздно помириться с отцом. Извинись перед ним и расскажи ему правду. Иначе я не знаю, чем это все обернется. В конце концов, чтобы поддерживать жизнь твоего

мозга и оплачивать роскошь твоего виртуального существования, ежедневно тратится колossalная сумма денег.

Роскошь? Это уже ни в какие ворота!

— Спасибо за совет, дорогая Ева. Я обязательно его обдумаю. Впрочем, я уже все решил, и вот мой ответ: проваливай!

Она исчезает, ничего не сказав.

Прозрачное предупреждение Евы оставляет неприятный осадок. Конечно, она права: Хеннинг Ясперс может отключить меня от систем жизнеобеспечения. А потом расскажет моим приемным родителям историю, как он боролся за меня, и они поверят ему, а точнее, его деньгам. И на этом моя песенка будет спета. Так что, сдаться? Никогда! Разве это жизнь, если я так и останусь куском мяса для экспериментов? В любом случае он избавится от меня, как только я перестану быть нужным. Я лучше умру прямо сейчас.

Несколько минут я жду, вдруг они отправят кого-нибудь еще, чтобы убедить меня, что мой так называемый отец — хороший человек, а Мартин Раффи — злодей. Но, видимо, им сейчас не до меня. Я открываю дверь в белой стене слева от меня и выхожу в нее. Смежная комната еще меньше моей тюремной камеры и похожа на центральный командный пункт. Только вместо огромных экранов на одной из стен расположены несколько прямоугольных мониторов, причем тот, что по центру, в четыре раза больше

остальных. Перед ним стол с кнопками, клавиатурой, старомодным телефоном и офисным стулом. Пол в комнате покрыт серым пластиком, на стенах, также выкрашенных в серый цвет, висят фотографии в рамках. На них я, еще ребенок, рядом с девочкой постарше. Очевидно, это Юлия. При взгляде на них я испытываю огромное облегчение. Конечно, теоретически эти снимки тоже могут быть подделкой, но я чувствую глубокую связь с Юлией, и ее подделать невозможно. Я просто знаю, что могу ей доверять. На одном из фото можно увидеть приемных родителей. Люди, продавшие меня Хеннингу Ясперсу, счастливо улыбаются в камеру и держат за руки приемных детей: мальчика лет шести и девочку лет восьми.

Вероятно, мне стоит сейчас на них разозлиться, но мне совершенно все равно. И еще какая-то женщина в белом на другом фотоснимке. И я сразу узнаю ее. Это моя настоящая мать? Но если это так, то она давно мертва. Вероятно, хоть в чем-то Ева была права: мое подсознание спроектировало ее образ на незнакомцев, возможно, чтобы сохранить память о ней. Я перевожу взгляд на мониторы. Они передают изображения с камер, установленных внутри и снаружи роскошной виллы Хеннинга Ясперса. В первом же прямоугольнике я вижу каминный зал, превращенный в комнату для совещаний. Здесь собрались Ясперс, Питер, Ева, тол-

стяк в плохо сидящем костюме и мужчина в белом врачебном халате. На моем столе есть кнопки, которые позволяют перевести изображение с одного из маленьких мониторов на большой в центре. Я выбираю картинку из каминного зала и теперь могу слышать их голоса.

— ...говорил, что это была ошибка, — мужчина в костюме только что закончил предложение. Его голос звучит неестественно высоко, почти как у женщины. — Кто знает, что еще натворил этот хакер.

— Разве не вы уверяли меня, что система полностью безопасна? — спрашивает Хенниг Ясперс.

— Против внешних атак. Но не против проникновений изнутри. От этого не защищена ни одна система в мире.

— Но у Мануэля нет доступа к системе, — возражает Ева. — Как он мог в нее проникнуть?

— Я не знаю. В любом случае это была «Атака нулевого дня»¹⁴.

— Что-что?

— Программная ошибка, о существовании которой до сих пор не знали. Вероятно, Раффи ее нашел и каким-то образом заставил Мануэля ее использовать.

¹⁴ Атака нулевого дня — уязвимость, о которой еще не знает разработчик, производители антивирусов или пользователи. Используя ее, хакер может совершить идеальную атаку, ведь против его действий еще нет защиты

— Так что же случилось?

— Ваш бывший специалист ненадолго завладел управлением. За это время ему удалось поговорить с мальчишкой, а мы не смогли его отследить. Я заметил неполадки, отключил программное обеспечение симуляции и перезагрузил систему. Связь была разорвана, и система снова работает как надо.

Толстяк нервно чешет подбородок.

— А вы уверены, что Раффи теперь не сможет связаться с мальчиком? — продолжает допрос Ясперс.

— Да, как я уже сказал, мне удалось обнаружить незащищенное соединение с внешним миром. Оно ликвидировано. Если кто-то снова попытается выйти на связь, я сразу об этом узнаю.

Он показывает небольшой планшет, с помощью которого, видимо, может контролировать систему безопасности дома.

— Но разве Раффи не мог активировать какой-нибудь вирус, который даст ему доступ к системе? — не успокаивается Ясперс. — В конце концов, ему однажды удалось оставить бэкдор.

— Но мы нашли его и устранили.

— А если есть еще один?

— Это невозможно. Мы проверили всю систему от и до.

— Существует ли вероятность, что мальчик сам установит связь с кем-то из внешнего мира?

— Исключено, — трясет головой толстяк. — Мы имеем дело с самообучающейся системой. Она не повторит дважды одну и ту же ошибку. Даже когда Раффи вывел систему из строя, ему это по сути ничего не дало. Лишь пару минут разговора с мальчиком.

— Ничего не дало?! — возмущается Ева. — Кто знает, что он наплел Мануэлю!

— Это так, — сухо констатирует Питер.

— В любом случае им сейчас намного сложнее управлять, — продолжает психолог. — А значит, результаты испытаний вряд ли будут удовлетворительными.

«Результаты испытаний» звучит так безобидно, но в то же время так хладнокровно и цинично.

— Что вы предлагаете? — спрашивает Ясперс.

— Я пока точно не знаю. Но у меня плохое предчувствие. Мы до сих пор не выяснили, как Раффи взломал нашу систему. И наша первоочередная задача — отыскать эту брешь.

— Согласен, — кивает спец по безопасности.

— В этом нет смысла! — возражает Питер. — Зачем Раффи нужно было во чтобы то ни стало связаться с Мануэлем? Чтобы просто поговорить? Нет, наверняка для чего-то еще. Подозреваю, ему удалось внедрить какой-то вредоносный код. Мы должны отформатировать и полностью переустановить систему.

— Ты совсем рехнулся, Питер? — взрывается толстяк. — Если мы это сделаем, то оставим дом практически без защиты. Именно этого он и добивается. Возможно, именно поэтому он и разговаривал с Мануэлем. Хотел узнать побольше о наших мерах безопасности, чтобы проникнуть сюда.

— Это смешно! — восклицает Ева. — Зачем ему это?

— Разве это не очевидно? Он хочет похитить мальчика.

— Я думаю, господин Хеллмс прав, — вступается за толстяка Ясперс. — Ему нужен свидетель, чтобы доказать, что мы проводим здесь нелегальные медицинские эксперименты. Если ему это удастся, у нас возникнут проблемы.

— Так пусть приходит, — вскидывается Питер. — Я уделаю его в два счета!

— Возможно, он явится не один, — задумчиво протягивает Ева.

— Да хоть и так! Дом защищен, как крепость. Мимо меня мышь не прошмыгнет.

— Короче, — обрывает его толстяк, — мы не настолько глупы, чтобы полностью отключить систему безопасности.

— Ну а если, — замечает Ева, — ему все же удастся каким-то образом похитить мальчика? Что он сделает? Кто ему поверит?

— Никто не поверит Раффи, — бросает Ясперс. — Разве что сестра Мануэля. И он сам.

Ева поворачивается к доктору, который с обеспокоенным выражением лица следит за разговором.

— Фризе, не могли бы вы сделать еще одну операцию, чтобы стереть из его памяти события последних дней?

— Это сложно, — отвечает доктор. — Кроме того, это мало что даст. Блокировка памяти исчезнет, как только отключатся ингибиторы биоэлектрических импульсов. Мануэль постепенно вспомнит всё, если мы перестанем на него воздействовать.

— Поэтому вы проследите, чтобы воспоминания были стерты раз и навсегда, — говорит Ясперс.

— Как вы себе это представляете? — вскидывается доктор. — Хотите, чтобы я сделал ему лоботомию?

— Если потребуется. Мне все равно, как вы это сделаете, но он не должен дать показания против нас.

— Такое вмешательство приведет к необратимым последствиям! Я на такое не подписывался!

Некоторое время Ясперс гипнотизирует доктора злобным взглядом, а потом его рот растягивается в фальшивой улыбке:

— Дорогой доктор Фризе, мне же не нужно напоминать вам, что вы, как и я, увязли в этом деле по уши? Если мы проиграем, вашей карьере конец, вы потеряете лицензию врача и, по всей видимости, отправитесь

в тюрьму. Мы все в одной лодке, нравится вам это или нет. Поэтому, пожалуйста, не стройте из себя святошу! Мальчику сделают операцию как можно скорее, и если после нее он превратится в пускающего слюни идиота, значит, нам не повезло и нужно начинать все сначала. А до этого он не должен общаться с Раффи. На этом разговор окончен. Фризе, вы готовите операцию. Хеллмс, вы отвечаете за безопасность дома. Питер, будь готов на случай, если кто-то попытается сюда проникнуть. Если Мартин действительно появится здесь, устрой так, чтобы он никогда не покинул этот дом, и пусть это выглядит как самооборона. Сделаешь?

Питер кивает, и в этот момент я — странное дело — чувствую укол в сердце. Я что, действительно поверил, что мы с ним друзья?

— Ева, ты вместе с доктором Фризе наблюдаешь, что делает мальчик, — продолжает Ясперс. — Вдруг у него припрятан еще один козырь в рукаве. Я хочу об этом знать. Итак, за работу!

ГЛАВА 17

Я не очень-то верю, что Юлия и Мартин Раффи действительно могли бы освободить меня из тщательно охраняемой тюрьмы. Но доктор Фризе сказал, что «блокировка памяти исчезнет, как только деактивируются ингибиторы биоэлектрических импульсов. Мануэль постепенно вспомнит все, если мы перестанем на него воздействовать» Это заставило мои надежды взмыть до невиданных прежде высот — я смогу вернуть себе прошлое! Я мог бы снова быть собой, возможно, вести нормальную жизнь. Тогда и белая комната, и все, что я в ней пережил, однажды превратятся в смутные воспоминания, которые потом и вовсе рассеются, как ночной кошмар. Каковы бы ни были шансы, за это стоит бороться. В этот момент доктор Фризе, наверное, уже готовит операцию, чтобы навсегда стереть мне память. Я поднимаю трубку виртуального телефона, сначала раздается пара гудков, а потом я слышу голос Раффи.

— Нам нужно торопиться! — я быстро пересказываю ему все, что удалось подслушать.

— Какой подонок! — вырывается у Мартина. — Хорошо, давайте ускоримся. Сейчас полшестого. Мы сможем быть там самое раннее в одиннадцать вечера. Будем надеяться, что приготовления Фризе затянутся надолго.

После того как мы все решили и обсудили план, у меня еще остается время, чтобы ознакомиться с системой безопасности. Передо мной симуляция пульта, точная копия того, за которым сейчас сидит Хеллмс. Я вижу все, что он видит, а кроме того могу менять изображения на мониторах. Но мне следует быть осторожным: он ни в коем случае не должен заподозрить, что его система взломана, иначе меня раскроют. Всего к системе безопасности подключено двадцать две камеры — девять в доме и тринадцать снаружи, на воротах и на стене, огораживающей поместье. Все они связаны с программой, которая автоматически обнаруживает и сообщает о несанкционированном проникновении. Плюс в том, что я могу заблокировать эти сигналы. К сожалению, в системе много слепых зон. На втором этаже нет камер. На первом этаже их четыре: одна в холле, по камере — в расходящихся от него влево и вправо коридорах, и еще одна в каминном зале, где происходила встреча. В подвале камеры установлены в гараже, бассейне, спортзале и коридорах.

Медицинская палата, в которой лежит мое тело, не просматривается, что я нахожу до-

вольно странным. Питер не показывал мне это место, когда водил по дому. Хотя я не могу полностью контролировать все помещения внутри дома, я прекрасно вижу, что происходит во дворе поместья и на прилегающих улицах. Вилла стоит на невысоком холме. В глубине сада рельеф плавно уходит вниз. В тени старых буков и дубов укрыты небольшой пруд с водяными лилиями и площадка для барбекю. Прямо перед домом — открытый бассейн и лужайка с лежаками, окруженная рододендронами. По периметру идет добротная кирпичная стена высотой два с половиной метра. Гребень стены утыкан металлическими шипами, так что через нее без проблем не перелезешь. Попасть в поместье можно только по широкой подъездной дороге, которую преграждают автоматические ворота. Рядом с ней есть небольшая калитка для пешеходов. Виллы по соседству тоже хорошо защищены, хоть они не такие большие и роскошные. Чтобы обмануть моих тюремщиков, я оставляю проигрываться на одной из стен целый сезон сериала «Доктор Кто». Мой аватар неподвижно замер перед экраном. Пусть Ева и Фризе думают, что я пытаюсь расслабиться. В районе одиннадцати, когда на улице уже стемнело, наконец звонит телефон.

— Мы готовы начать сейчас. Где остальные обитатели дома?

— Хеллмс сидит за пультом. Питер в гостиной смотрит футбол. Ева наблюдает за

моей комнатой... Я имею в виду, что она в кабинете Ясперса.

— Ты слышишь, о чем они говорят?

— В его кабинете нет камеры видеонаблюдения, а до камеры, которая установлена в коридоре, звук не доходит.

— Где доктор?

— Подозреваю, что он в операционной.

— Думаешь?

— Я не видел его после разговора. Он спустился в подвал и исчез из поля зрения.

— А ты уверен, что он все еще в доме?

— Нет, но я не видел, чтобы кто-то выходил.

— О'кей, сейчас я включу камеру.

Одна из серых стен вдруг становится прозрачной. Теперь я смотрю на мир глазами Мартина. Он садится за руль автомобиля и проезжает по ночным освещенным улицам жилого района.

— С изображением все нормально? — спрашивает он.

— Да. Где Юлия?

— Я здесь.

Она сидит рядом с водителем. На ней черный комбинезон, на лицо натянута горнолыжная маска. Все это выглядит как антураж из дешевого боевика.

— Не слишком ли приметно? — осторожно интересуюсь я.

— Подожди, я сейчас включу свою камеру.

На другой стене раскрывается картинка с камеры Юлии. Теперь я тоже вижу Мартина. На нем джинсы, толстовка и бейсболка.

— Мы уже на месте, — говорит он.

Из темноты выныривает стена, окружающая дом Ясперса. В это же время на одном из мониторов, показывающих юго-восточный угол имения, появляется черный фургон. Я могу разглядеть толстовку и кепку Мартина. — Вижу вас на камере семнадцать.

— Хорошо.

Мартин проезжает мимо, сворачивает в переулок и паркует машину.

Затем он выходит и возвращается к имению Ясперса, а Юлия забирается в кузов фургона. Интересно, что бы это могло означать. Но мы договорились, что после начала миссии будем говорить как можно меньше. Поэтому я молча наблюдаю, как Мартин садится в «мерседес», который он, должно быть, заранее припарковал у стены в поле зрения камеры 17, и сворачивает на нем в переулок. Затем он отгоняет фургон туда, где только что стоял «мерседес». На изображении с камеры все выглядит так, будто одна машина уехала, а другая встала на ее место. Словом, как будто ничего необычного не происходит.

— Твоя очередь, Мануэль!

Мартин выходит из машины, пересекает улицу и исчезает из поля зрения камеры. Я жду, пока улица опустеет, фотографирую

ее и подставляю картинку на камеру в системе безопасности. Как это сделать, я знаю из руководства, которое установил Мартин на моем виртуальном столе.

Если Хеллмс приглядится, он сможет заметить, что в изображении, которое я ему подсунул, не колышется даже листва на деревьях. А если он достаточно внимателен, то увидит еще кое-что странное. На картинке с камеры видно шестнадцать машин, но камера почему-то не зафиксировала, как они заезжают.

Но так как мониторов меньше, чем камер, изображения с наружных объектов регулярно сменяют друг друга. Поэтому такие несоответствия нелегко распознать. Это одна из дыр в системе безопасности, которую мы обнаружили.

— Сам догадался? — интересуется Мартин.

— Да. Поторопись. Я уверен, что Хеллмс заметит кое-что странное.

Я вижу, как Мартин идет назад к фургону и залезает в кузов, где его ожидает Юлия. Там он надевает темный комбинезон и лыжную маску и выходит, прихватив складную алюминиевую лестницу. Дождавшись, когда проезжающий автомобиль скроется из виду, он приставляет лестницу к стене и быстро лезет наверх. Поверх шипов он кладет штуку, похожую на седло, к которой с каждой стороны приделано по узкой доске, что-

бы конструкция не шаталась, когда на нее становишься ногами. Юлия следует за ним. В самый неудачный момент из переулка выныривает машина. Сестра замирает на лестнице, а меня охватывает ужас, но водитель, ничего не заметив, проезжает мимо.

Когда Юлия оказывается на гребне стены, Мартин быстро поднимает лестницу и перекидывает ее на другую сторону, чтобы спуститься. Не проходит и тридцати секунд, как оба скрываются в тени стены.

Я отключаю прожекторы в доме, которые включаются автоматически, когда камеры на объекте распознают движение. Когда они срабатывают, весь сад заливает свет, словно футбольный стадион. Затем я последовательно вставляю статичные картинки в камеры, под которыми пробираются Мартин и Юлия. Повинуясь внезапному импульсу, я набираю на виртуальной клавиатуре несколько команд, чтобы записать то, как мои друзья крадутся через сад.

— Где они сейчас? — спрашивает Мартин, приближаясь к юго-западному углу дома. Именно здесь находится комната с камином.

Отдельный выход ведет из нее в сад.

— Ева пошла к себе, в гостевую комнату. Она совсем рядом. Питер в гостиной, вы должны его сейчас увидеть.

— Да, вижу.

- Ясперс в бассейне, вероятно, собирается перед сном сходить в сауну.
- Нервничает! Что насчет Хеллмса?
- Кажется, все еще сидит в у пульта, пытается понять, можно ли проникнуть в его систему.
- Хеллмс — турица.
- Надеюсь на это.
- Хватит разговоров. Мы входим.

Через камеру в очках Мартина я вижу, как он идет к стеклянной двери, ведущей в комнату для совещаний. Окно гостевой комнаты по соседству, где живет Ева, ярко светится голубоватым светом. Это работает телевизор.

Мартин достает стеклорез. Так как дверь с двойным остеклением, нужно вырезать два отверстия. Звуки, которые транслирует его микрофон, кажутся мне очень громкими, но Ева и Питер вроде ничего не слышат.

Наконец Мартину удается справиться со стеклом, и он открывает дверь. Я блокирую сигнал, который сообщает системе безопасности, что дверь открыта, и ставлю статичное изображение на девятую камеру в каминном зале.

Теперь Юлия, которая наблюдала за происходящим из своего укрытия за кустом, выходит и бежит к Мартину. Они тихо входят в дом и, остановившись у двери, ведущей в коридор, прислушиваются.

— Пожалуйста, прикрой камеру в коридоре, — просит Мартин.

— Нет, у меня есть идея получше, — отвечаю я. — Стойте, где стоите.

— Что ты делаешь? — спрашивает сестра.

— Сейчас нет времени для объяснений. Просто доверься мне.

В следующий момент воздух разрывает пронзительный звук сирены.

ГЛАВА 18

— Что там у тебя? — спрашивает Питер. Я слышу его голос через микрофон камеры, установленной в коридоре, и в то же время отслеживаю, что происходит у пульта.

— Кто-то проник на территорию! — кричит Хеллмс срывающимся от волнения голосом. — В юго-западном секторе, за прудом!

Вскоре Питер появляется в поле зрения камеры 3, которая захватывает фасад дома и часть сада со стеной. Я вижу, как он стоит у полукруглого окна-фонаря гостиной — на голове гарнитура, в правой руке зажат пистолет — и вглядывается в темноту сада.

— Ты уверен? Я ничего не вижу.

— Конечно, уверен. Я ясно видел их в кустах! Иди и посмотри!

— Хорошо.

Питер выходит на крыльцо и медленно движется в сторону пруда.

— Где они сейчас?

— Не знаю. Я их больше не вижу.

— А ты уверен, что это был не кот?

— Ты когда-нибудь видел кота в черном комбинезоне и горнолыжной маске?

— Сколько их было?

— По меньшей мере двое.

Наёмник делает еще несколько шагов и останавливается посреди лужайки. Я активирую аварийный замок. Тут же на всех окнах опускаются тяжелые металлические жалюзи. Питер резко разворачивается.

— Хеллмс, идиот! — кричит он. — Что тытворишь?

— Это не я! — заикаясь, оправдывается шеф службы безопасности. — Система автоматически активировала аварийную блокировку.

Питер бежит обратно к дому, взлетает на крыльце и дергает за ручку двери, но она не поддается.

— Открывай!

— Я пытаюсь! — кричит Хеллмс. — Но система не реагирует на мои команды!

— Черт бы тебя побрал! — ругается Питер.

О чем они говорят дальше, я не слышу, потому что Хеллмс выходит из эфира.

— Что ты наделал? — возмущается Мартин. — Ты поставил на уши весь дом! Теперь все знают, что мы здесь!

— Я вынудил Питера покинуть дом. Он самый опасный из всех. А теперьтише!

Через камеру в коридоре я вижу, как Ева выходит из своей комнаты и появляется в гостиной.

— Питер? Какого черта здесь происходит? Питер?!

Она крутит головой, затем возвращается в коридор, видимо, намереваясь отправиться в свою комнату. Я надеюсь, что она поступит именно так. Но нет! Она открывает дверь в комнату для совещаний. Я успеваю только крикнуть: «Берегись!»

В следующий момент в каминном зале загорается свет. Через очки Мартина я вижу глаза Евы, в них разлит ужас.

— Что... кто...

Внезапно в руке у Мартина оказывается пистолет.

— Тихо! — говорит он. — Мы не собираемся никому причинить вред. Мы всего лишь хотим забрать отсюда Мануэля.

— Я не имею к этому отношения, — запинаясь, лепечет Ева. — Я с самого начала была против этих экспериментов! Честно!

— Заткнись! — рявкает Мартин.

— Я могу помочь тебе освободить мальчика! — говорит Ева. — Я знаю, где он. Давай я тебе покажу.

— Не верь ей! — предупреждаю я.

— Не волнуйся, — отвечает Мартин. Он указывает пистолетом на коридор и дверь в гостевую комнату.

— Туда!

Она нерешительно входит в гостиную. Мартин передает оружие Юлии.

— Держи. Если будет нужно, стреляй. Я снял его с предохранителя. Просто нажми на курок.

— Выстрелю, не сомневайся, — отвечает Юлия ледяным тоном.

— Ой, вы делаете мне больно!

— Молись, чтобы мы не сделали с тобой того, что вы сотворили с моим братом, лживая гадина!

— А ну, тихо! — предупреждает Мартин. В маленькой ванной, примыкающей к гостевой, он находит полотенца. С их помощью он надежно затыкает рот психологине и привязывает ее к кровати.

Пока компаньоны разбираются с Евой, я беру на себя Хеллмса. Я не вижу его, потому что возле самого пульта нет камеры, но мой виртуальный пульт подсказывает мне, что он отчаянно пытается изменить настройки системы.

Мартин, совершив хакерскую атаку, передал контроль над всеми автоматизированными системами, принадлежащими Ясперсу, мне. Так что я активирую самодвижущийся автомобиль, который стоит в гараже, и, дав двигателю немного поработать на холостом ходу, подвожу машину чуть ближе к двери гаража. Как я и надеялся, вскоре после этого Хеллмс появляется в поле зрения камеры 10, с которой просматривается небольшой коридор, который ведет в комнату охраны и в гараж. У него пистолет в руке, и он внимательно прислушивается к звукам за дверью.

С моей помощью двигатель издает еще несколько рычащих звуков. Хеллмс вводит

шестизначный код на клавиатуре, открывает дверь, хватает пистолет обеими руками и направляет его в темный гараж. Машина выкатывается из сумрака на свет.

— Стой! — кричит Хеллмс и подбегает к ней.

— За мной в погреб! — командую я Мартину. — Ты должен закрыть дверь! Поспеши!

Я веду их вниз по лестнице в подвал. Мартин добегает до стальной двери гаража одновременно с Хеллмсом, который догадался, что это ловушка и что лучше бы ему оставаться в доме.

Хеллмс поднимает пистолет:

— Эй, руки вверх, или...

Мартин с размаху захлопывает дверь.

Камера в гараже показывает, как начальник службы безопасности судорожно набирает шифр на клавиатуре. Но у него ничего не выходит, ведь я уже поменял код.

— Молодец, Мануэль! — говорит Мартин. — Осталось позаботиться о Хеннинге Ясперсе и докторе. Где они? И что еще важней, где ты?

— Понятия не имею, — отвечаю я. — В последний раз я видел, как Ясперс пошел в бассейн. Фризе еще не появлялся.

— Хорошо. Давайте изучим систему безопасности.

Мартин входит в комнату, где сидел Хеллмс. Пульт выглядит в точности так, как моя виртуальная версия, даже мониторы на

стене расположены в том же порядке. Повсюду бисквитные крошки и грязные пятна от кофейных кружек. В углу стоит раскладушка: видимо, Хеллмс время от времени здесь ночевал. Мартин включает разные камеры, но ни на одной из них нет ни Ясперса, ни Фризе. Снаружи о чем-то яростно спорят Питер и Хеллмс. Кажется, Питер вот-вот врежет Хеллмсу. Юлия роется в ящиках под пультом. Она достает папку-скоросшиватель и просматривает ее.

— Посмотри сюда! — говорит она и достает из файлика, вставленного в скоросшиватель, какие-то планы. Это архитектурные чертежи дома. Мартин и Юлия склоняются так, чтобы я тоже мог взглянуть. В подвале расположены бассейн с сауной, спортзал, котельная, винный погреб и пульт безопасности, который обозначен здесь как кладовая. Больше ничего.

— Где комната, в которой лежит Мануэль? — спрашивает Юлия.

Ничего не ответив, Мартин выходит в центральный подвальный коридор и распахивает дверь в котельную. Через его очки я вижу современную установку газового обогрева, стальную распределительную коробку, на которой висит кодовый замок, трубы и кабели по стенам, полки с моющими средствами и инструментами. В винном погребе, как и ожидалось, есть только полки с бутылками. Мартин быстро осматривает комнату,

которую Питер и лжеотец использовали для путешествий в виртуальный мир. Затем достает пистолет, прислушивается к двери в бассейн и рывком открывает ее. Помещение не освещено. Слева через застекленный фасад сюда проникает свет снаружи. В глубине рядом с входом в сауну можно разглядеть несколько стульев.

И никого. Водная гладь бассейна поблескивает в полутьме. Нигде не видно луж. Никто не плавал в нем за последние час-два. Мартин идет в сауну, открывает деревянную дверь и заглядывает внутрь. Она тоже пуста, как и маленькая душевая кабина рядом с ней.

— Ты уверен, что в последний раз видел Ясперса, когда он шел в бассейн? — спрашивает он.

— Да. Но возможно, что он вышел и я этого не заметил. Я не могу контролировать все камеры одновременно.

— Может быть, он... — начинает Мартин, но его прерывает отдаленный грохот.

— Что это было?

Я лихорадочно просматриваю изображения с камер. И снова грохот. На одной из камер, установленных снаружи, я нахожу, что стало его причиной.

— Это Питер. Он колотит топором по ставням гостиной. Поспеши!

— Ты можешь как-то его отвлечь? — спрашивает Мартин.

— Попытаюсь.

Я прокручиваю меню на панели управления, пока не нахожу то, что мне нужно. Тем временем Питер как полоумный колотит топором по окну, а Хеллмс стоит рядом и смотрит. Результаты не впечатляют — небольшая вмятина в металле, но рано или поздно Питер добьется своего. Времени у нас в обрез. Мартин обшаривает правую стену бассейна.

— Должно быть, здесь есть потайная дверь или что-то в этом роде.

— Может, спросить у психолога? — предлагает Юлия.

— И ты думаешь, она скажет нам, где находится Мануэль?

— Может, и скажет, если мы ее немного замотивируем.

Мне не нравится то, как Юлия это сказала. Похоже, она не остановится перед пытками, чтобы освободить меня. Меня это пугает.

— Наверняка она нам соврет, и мы просто потеряем время, — говорит Мартин.

Звук ударов топора гулким эхом разносится по всему дому.

— Слышишь, Мануэль, надо спешить! Помоги мне!

Тем временем мне удалось активировать самоходную газонокосилку, похожую на большого красного жука. Когда я подкатываю ее к веранде, Хеллмс вскрикивает и со всех ног бросается прочь. На Питера

газонокосилка, напротив, не производит никакого впечатления, он продолжает крушить топором металл. И лишь когда я направляю аппарат прямо на его, он делает шаг в сторону.

— Ты серьезно думаешь, что сможешь остановить меня с помощью этого драндулета, Раффи? — ревет этот тип и со всей силы бьет по газонокосилке топором. Я подаю назад и атакую снова, но Питер ловко отскакивает, хватает косилку сильными руками и рывком опрокидывает ее навзничь. Вращающиеся ножи и колеса беспомощно вертятся в воздухе. Питер возвращается к окну. Еще удар, и я вижу, как в ставнях образуется первый зазор. Очень скоро наша оборона падет.

ГЛАВА 19

Удары топора сотрясают дом. Однако ни я, ни Мартин, ни Юлия так и не можем найти мое тело. Подозрение, что оно может находиться в совершенно другом месте — в соседнем доме или вообще в другом городе, становится все более обоснованным. Наш отчаянный налет на дом Ясперса с самого начала был обречен.

— Уходите, — говорю я. — Питер почти разрубил ставню в гостиной. Если ему удастся войти, он вас убьет.

— Никогда! — отрезает Юлия. — Я не оставлю тебя здесь!

— Но мы даже не знаем, здесь ли я вообще.

— Ты здесь. Я это чувствую!

Перегнувшись через бортик бассейна, она пытается разглядеть под толщей воды секретный механизм. Тем временем Мартин еще раз обыскивает сауну. Ужасный хруст предупреждает нас, что Питеру наконец удалось расправиться с еще одной пластиной металлических рольставней. Через пару минут он объявится здесь. Вооруженный матерый

наемник против девушки и программиста
Хотя у Мартина есть пистолет, вряд ли он
сможет выстрелить Я должен что-то сде-
лать! Мой взгляд падает на газонокосилку,
которая беспомощно лежит на спине, словно
гигантская черепаха

Эта была неплохая идея, но исполнение
подкачало. Пока Питер, орудуя ручкой то-
пора, как ломом, пытается отодрать еще
одну пластину рольставней, я загоняю само-
ходный внедорожник через цветущие кусты
рододендронов в глубину сада. На лужайке
рядом с прудом я разворачиваюсь и даю пол-
ный газ. Колеса начинают бешено вращать-
ся, мгновение автомобиль пробуксовывает,
а затем он срывается с места и начинает раз-
гон. Расстояния до веранды хватает, чтобы
набрать скорость около двадцати киломе-
тров в час, но учитывая вес машины, этого
хватит, чтобы раздавить Питера, как муху.
Южноафриканец оборачивается Сжимая
в одной руке топор, он смотрит на машину,
как воитель перед битвой, и явно не собира-
ется уступать и двигаться с места.

— Питер, вали отсюда, черт бы тебя по-
брал! — кричу я, когда машине остаются
считанные метры до стены дома. Я знаю, что
он меня не слышит. И поскольку он не реа-
гирует, я изо всех сил жму на тормоз. Но по-
крытые травой и грязью шины скользят по
гладкому крыльцу, словно по льду. В послед-
ний момент Питер бросается вперед и при-

земляется на капот, а машина с силой врезается в стальную рольставню.

К счастью, удар оказался недостаточно сильным, чтобы сломать ее. Я подумал, что Питер спрыгнет с капота и снова начнет бить топором в пострадавшие рольставни, и решил отогнать машину назад. Но нет, я недооценил наемника.

Питер подпрыгивает, цепляется за перила балкона над крыльцом и подтягивается, за jaki топор между ног. Оказавшись на балконе, он начинает крашить балконную дверь. Я оставляю машину в нескольких ярдах от переднего крыльца и запускаю двигатель, чтобы дать понять Питеру, что я собираюсь снова напасть на него, если он осмелится слезть. Но он, увлеченный процессом, не обращает на меня внимания. Мы выиграли немного времени, но не более того.

— Что там, Мануэль? — спрашивает Мартин.

— Слегка повздорил с Питером.
— Ты? Как это?
— Натравил на него самодвижущуюся машину и, возможно, выиграл время. Пospешите

— Думаю, я что-то нашел.
Мартин указывает на электрическую печь в сауне. Она заполнена лавовыми камнями. Панель управления состоит из регулятора температуры и ряда кнопок с маркировкой от нуля до девяти.

— Она какая-то странная, — говорит моя сестра.

— Да, что-то здесь не так. Я не часто хожу в сауну, но впервые вижу печь с девятью режимами нагрева. Может быть, существует какой-то код и нам нужно просто нажать кнопки в правильной последовательности, чтобы сработал секретный механизм?

— Код? А какой? — интересуется Юлия.

— Мануэль, ты можешь чем-то помочь?

— Попробуй два-восемь-семь-шесть-шесть-девять, — эту последовательность цифр Хеллмс набирал у двери гаража, прежде чем я сменил код. Хотя теоретически у каждой двери могла быть своя комбинация, что-то мне подсказывает, что Ясперс не стал бы заучивать коды от всех дверей. Мартин жмет на кнопки. Раздается электрическое жужжание, и задняя стена сауны отъезжает в сторону. За ней открывается лестница, ведущая вниз.

— Бинго! — торжествует Юлия.

— Будь осторожен! Ясперс и доктор на-верняка где-то там, и они, возможно, уже поняли, что ты придешь.

— Не исключено, — кивает Мартин.

Держа перед собой пистолет, он спускается по лестнице и оказывается в узком коридоре.

В правой стене расположена железная дверь. Мартин прислушивается, а затем тихо

открывает ее. Яркий неоновый свет бьет ему в лицо. Комната набита техникой. На столе стоят четыре компьютерных монитора, на них можно разглядеть кривые, диаграммы и столбцы графиков. Полки справа и слева уставлены мигающими коробками. На дальней стене — большое стеклянное окно, за которым видна еще одна комната. Она также ярко освещена — по-видимому, это операционная.

За столом перед мониторами сидит доктор Фризе. Он поворачивается на звук открываемой двери и в изумлении вскакивает со стула.

— Что... кто вы? Что вам нужно?

Мартин входит в комнату и направляет пистолет на доктора.

— Тихо. Я не хочу причинять вам вред.

Фризе поднимает руки и делает шаг назад. Кивком он указывает на стеклянное окно.

— Он там!

Мартин смотрит в окно и показывает мне, что за ним. В центре комнаты стоит большой металлический стол. Вокруг него громоздятся неизвестные мне приборы. В балку на потолке вмонтировано несколько манипуляторов, которые заканчиваются дрелями, скальпелями и ножницами разных размеров. На столе лежит обнаженное тело мальчика. Его голова обрита наголо. Целые пучки кабелей тянутся от черепа к устройствам рядом со столом. Его лицо полностью покрыто

повязками, из-под них торчат шланги. Мне не верится, что это я.

Голый, беззащитный, униженный и оскорбленный самым дьявольским способом. Мне хочется выть от ярости и отчаяния, но мое тело определенно на это не способно. У стола стоит Ясперс. На нем белый халат. Он тянет руку к моей шее так, будто хочет нашупать пульс. Увидев меня, Юлия вскрикивает и открывает дверь операционной, но вдруг резко замирает на пороге. Теперь я вижу, что у Ясперса в руке что-то есть: шприц, наполненный зеленоватой жидкостью, игла уже касается моего горла. Знаю, что это невозможно, но я уже чувствую, как она касается его. Мартин поднимает пистолет и целится в голову Ясперса.

— Оставь мальчика в покое, Хеннинг!

— Привет, Мартин, — невозмутимо откликается он. — Просто убери эту глупую пукалку и давай поговорим, как взрослые люди!

— Сначала убери руки от мальчика!

— И сдать тебе мой единственный козырь? С какой стати? Это же вы грабители, а не я!

— Оставь его в покое! — кричит Юлия. — Отойди от Мануэля, или я!..

— Стой, где стоишь, или твой брат умрет! Это нервнопаралитический яд, и достаточно одной капли, чтобы он заснул навечно!

Сверху по-прежнему доносятся ритмичные удары топора. Питер. Я догадываюсь, что Ясперс тянет время. Он хочет задержать моих друзей, пока наемник не окажется здесь. Может быть, он просто блефует, а в шприце безвредное успокоительное. А может, и нет.

— Мы возьмем мальчика с собой и оставим тебя в покое, — говорит Мартин. — Мы даже не пойдем в полицию. У нас есть дела поважнее, чем тягаться с твоими гиенами адвокатами.

— Да-да, так я тебе и поверил! Однажды ты уже предал меня!

— Ничего подобного. Это ты начал проводить нелегальные эксперименты.

— Тебя никто не заставлял этим заниматься.

— Нет, но ты знал, что я не мог допустить, чтобы мое изобретение использовалось во вред другим.

— Научные революции всегда встречали неприятие и непонимание. То, что я хочу здесь создать, подарит человечеству вечную жизнь, ни больше ни меньше.

— Твоя затея не более чем безумная мечта, и ты идешь к ней, ступая в прямом смысле по трупам.

Что-то раскололось наверху. Я должен что-то предпринять!

— Я даже не должен оправдываться, — говорит Ясперс. — Родители Мануэля

согласились опробовать на нем новые технологии. То, что я делаю здесь, совершенно законно. А вот ты незаконно вторгся в мой дом. Ты забил голову сестре мальчика своими параноидальными идеями, поэтому она пришла сюда с тобой. У тебя есть...

Ясперс не успевает закончить фразу, потому что в этот момент один из манипуляторов с небольшой циркулярной пилой для распиливания костей, свистнув в воздухе, с хирургической точностью отрезает ему большой палец. Брызжет кровь. Шприц падает на пол. Ясперс кричит и прижимает изуродованную руку к груди.

— Как ты это сделал, Мануэль? — удивляется Мартин. — Я думал, что у тебя нет доступа к этой части системы.

— У меня не было, — отвечаю я. — Это сделал кто-то другой.

В комнату входит Фризе.

— Извините, что мне пришлось прибегнуть к столь радикальной мере, мистер Ясперс. Но у меня не было выбора. Не волнуйтесь, в больнице вам запросто пришлют палец. Останется всего-навсего небольшой шрам.

— Ты, паршивая крыса! — визжит Ясперс, его халат становится кроваво-красным. — Ты пожалеешь об этом! Я тебя прикончу, Фризе!

— Вы уже это сделали, — спокойно говорит доктор. — Вы развратили меня деньгами

и заставили предать все идеалы, в которые я когда-либо верил. Я проводил эксперименты с этим бедным мальчиком, копался в его мозге и, вероятно, нанес ему непоправимый урон. За это я проведу остаток своей жизни в тюрьме. Но я не опущусь еще ниже. Я не позволю его убить!

— Твоя жизнь будет короче, чем ты думаешь, когда Питер поймает тебя!

— Заткнись, Хенниг, или ты будешь первым, кто отправится в ад! — рявкает Мартин.

— Пристрели его! — кричит Юлия. — Этот ублюдок не заслуживает ничего другого.

— Нет, — прошу я. — Нельзя становиться такими, как он и его шайка!

Сестра поднимает с пола шприц.

— Если он издаст хоть звук, я вколю ему это!

Ясперс бледнеет и тяжело стонет.

— Лучше позаботьтесь о нем, — говорит Мартин доктору Фризе. — Он не должен умереть от нашей руки.

— Сначала пусть поможет Мануэлю! — требует Юлия. — Мы должны выбраться отсюда как можно скорее!

— Мальчика нельзя перевозить! — протестует доктор. — Он очень слаб. Если мы сейчас отключим его от систем жизнеобеспечения, это может его убить.

— Если он останется здесь, его убьют Ясперс и наемник, — настаивает девушка. — Нужно попытаться.

— Хорошо, как скажете!

Фризе начинает выключать приборы, которые стоят вокруг операционного стола. Внезапно мир вокруг чернеет. Виртуальная комната с пультом безопасности исчезает, изображения с камер Мартина и Юлии на стенах — тоже. Я больше ничего не вижу, не слышу, не чувствую. Я хочу закричать, но не могу.

ГЛАВА 20

Сначала приходит боль. Она накрывает меня, как одеяло, и поначалу становится даже приятно. Но одеяло становится все тяжелее, придавливает меня к земле, кусает, жжет огнем. Хочется закричать, но рот, горло, легкие будто набиты раскаленными углями. Я пытаюсь открыть глаза. Прожекторы светят прямо в зрачки, опаляя сетчатку. Я стискиваю веки и наконец чувствую то, чего мне давно так не хватало: слезы.

— Мануэль? Мануэль, ты меня слышишь?

Да, я слышу, но не знаю, как об этом сказать. Я открываю глаза и быстро их закрываю. Затем я пытаюсь поднять руку, но такое ощущение, что я привязан к кровати стальными канатами. И тысячи муравьев ползают по мне, заползая в поры кожи и впрыскивая в них свою кислоту. Я хочу сбежать! Хочу вернуться в белую комнату! Но не могу. Я изгнан из рая в жестокую, пылающую реальность.

— Мануэль! О, Мануэль! — сестра прикасается ко мне, но она не догадывается, что причиняет мне этим еще большую боль.

— Мы должны спешить, — слышу я голос Мартина. — Питер проникнет в дом в любой момент!

Глухой стук, который доносится издалека, служит подтверждением его слов. Одной рукой он подхватывает меня под плечи, а другую руку засовывает под колени и поднимает меня. Больно, как в аду. Мне дурно, но в желудке нет ничего, чем меня могло бы вырвать. Меня несут по лестнице, через комнату, и я вдруг чувствую, что пахнет хлором. Запах! Ко мне вернулось обоняние. Это первая хорошая новость с тех пор, как я проснулся в этой камере пыток, которую называют телом. Я пытаюсь снова открыть глаза. Свет уже не такой яркий и колючий, но я вижу только размытые тени. Мартин выносит меня из бассейна в подвал, и становится заметно прохладнее. Впервые я могу отдохнуться, и меня не скручивает от боли. Сверху я слышу шаги, которые грохочут по лестнице. Дверь взломана.

— Быстрей, сюда, — шепчет доктор Фризе.

Темно. Кажется, я видел, как блеснуло зеркало. Это комната, в которой хранятся очки виртуальной реальности. Дверь за нами бесшумно закрывается. Снаружи я слышу голос Питера. Он пугающе близок и зол, как сто чертей.

— Фризе? Что тут произошло? Где Хеннинг?

— Мальчик у них! — отвечает доктор. — Раффи и девушка забрали его. Они ушли через гараж!

- Не ври мне, Фризе!
- Это правда, они выбрались наружу.
- А Хеннинг?
- Он в операционной. В него стреляли.
- Тогда почему ты не с ним?
- Я хотел сначала предупредить тебя, а затем позвонить в полицию.
- Никаких копов! Вернись и позаботься о боссе. Я разберусь с этими ублюдками. Они не могли далеко уйти.
- Лязгнула металлическая дверь, и в тот же момент открылась наша.
- Быстрее. Он пошел в гараж. Можно сбежать через главный вход. Будьте осторожны, — говорит Фризе.
- А вы? — спрашивает Мартин.
- Я останусь здесь и попытаюсь его задержать.
- Пойдёмте с нами. Если он узнает, что вы солгали ему, он убьет вас!
- Он этого не сделает. Питер хоть и не обременен совестью, но не глуп. Он не станет брать на себя убийство, которое ему не выгодно. Уходите!
- Спасибо! — шепчет Юлия. — Я этого не забуду.
- Благодарю, выбирайтесь отсюда и отправьте Хеннинга Ясперса за решетку.

Мартин несет меня по лестнице на первый этаж. За это время я успеваю немного рассмотреть, что меня окружает. Все очень размыто, так будто мне нужны очки с большими диоптриями, но я вижу своими глазами! Боль тоже немного утихает.

Юлия приоткрывает дверь и выглядывает из-за нее. На мгновение оба замирают.

— Где он? — спрашивает Мартин.

— Не знаю, — отвечает она. — Я его не вижу.

— Пойдем, нужно рискнуть. Мы просто пройдем через ворота и...

— Черт! — кричит Юлия и захлопывает дверь. — Он нас заметил! О боже, он нас заметил!

В следующий момент раздается выстрел, и в дверь ударяет пуля. Сестра осторожно выглядывает в глазок.

— Он бежит к гаражу. Что нам теперь делать?

— Если нам повезет и Фризе окажется достаточно умен, он закроет дверь гаража.

Стук и ругань, которые доносятся из подвала секундой позже, подтверждают его догадку.

— А сейчас? — спрашивает Юлия.

— У него есть два варианта. Либо забираться обратно в дом через чердак, либо караулить снаружи, пока мы выйдем. Он знает, что Мануэль нуждается в срочной медицинской помощи. С другой стороны, он риску-

ет, потому что мы можем вызвать полицию, и когда она приедет, он ничего не сможет сделать. Так что он, вероятно, выберет первый вариант и будет пробираться в дом.

— Разве мы не можем просто его пристрелить, пока он будет карабкаться по лестнице?

— Не стоит недооценивать его. Он наемник. Нам лучше не вступать с ним в перестрелку.

Воцарилась тишина, и в этой тишине слышно, как наверху раздается сильный удар и звон разбитого стекла. Юлия и Мартин быстро выходят из дома. Раффи закрывает дверь, стараясь не шуметь.

Я силюсь что-то сказать.

— В са...

— Мануэль? Мануэль, что?..

— В... сад, — выговариваю я так, будто выплевываю раскаленный уголек.

— Что это значит? — не понимает Юлия.

— Тсс! — шикает на нас Мартин. Он поворачивает направо и, прижимаясь к стене дома, проносит меня мимо открытого бассейна и продирается сквозь густые кусты. Когда мы поворачиваем за угол, раздается выстрел.

— Беги!

Задыхаясь, выжимая из себя последние силы, Мартин бежит со мной на руках. Вот мы уже углубились в сад. От лестницы, по которой он перелез через стену, нас отделяет

метров пятьдесят, но между нами и стеной только подстриженный газон. Такой опытный стрелок, как Питер, без проблем поразит две движущиеся мишени, тем более что одна из них тащит тяжелобольного мальчика. Есть лишь один шанс.

— К машине! Быстро! — кричит Мартин.

Он добегает до черного внедорожника, рывком открывает заднюю дверь и запрыгивает внутрь. Даже после моего нападения на Питера двигатель в машине все еще работает. Мартин бросает меня на пассажирское сиденье, как мешок с картошкой. В этот момент раздается еще один выстрел. Мартин вскрикивает, обегает машину и прыгает за руль.

Левый рукав его черного комбинезона превратился в лохмотья, по нему стекает кровь.

— Ты ранен! — кричит Юлия.

— Просто царапина, — бросает Раффи в ответ. Затем переводит внедорожник на ручное управление и дает по газам. Еще один выстрел, и боковое стекло разлетается вдребезги, но, к счастью, никто не задет. Мартин направляет автомобиль через кусты во двор. Свободной рукой он жмет на кнопки на дистанционном пульте управления роллетными воротами, который он нашел между сиденьями. Ворота медленно скользят вбок.

— Дай мне пистолет! — требует Юлия.

— Нет, — мотает головой Мартин.

— Так надо, чтобы...

Еще одна пуля впивается в заднюю дверь.

— Давай уже!

Он протягивает ей пистолет.

Юлия, опираясь на меня, высовывает пистолет в разбитое окно. Громкий треск едва не разрывает мне барабанные перепонки.

Наконец между полотном ворот и стеной открывается достаточно большой зазор, чтобы могла проехать машина. Когда мы вырываемся на улицу, сестра начинает плакать. Это слезы облегчения. Мне бы тоже хотелось заплакать, но из горла вырываются только какие-то болезненные стоны.

— Как ты? — спрашивает Юлия, когда мы мчимся по спящему кварталу.

Все болит, будто по мне проехались катком, я чувствую слабость, мир крутится у меня перед глазами. «Да так себе», — хочу ответить я, но могу только застонать.

— Куда мы едем? — поворачивается Юлия к Мартину.

— Ко мне домой.

— Разве нам не нужно отвезти его в ближайшую больницу как можно скорее?

— Слишком опасно. Я сперс не остановится, он отправит Питера или еще кого-нибудь, чтобы убрать Мануэля как опасного свидетеля.

— Разве полиция не сможет защитить его?

— Я бы на это не рассчитывал. Поверь мне. Ему будет лучше со мной. Я принял

меры предосторожности на этот случай и... черт! Неужели мы никогда не избавимся от этого парня?

Мартин начинает вихлять вправо-влево, как будто двигаясь по серпантину.

— Что происходит? — спрашивает Юлия.

— Это Питер. Он гонится за нами на «феррари». Что за хренъ!

Раздается громкий гудок, это мы выскиваем на встречную полосу, чуть не сталкиваясь с проезжающей мимо машиной. В последний момент Мартин выруливает вправо. Светофор перед нами загорается красным. Мартин жмет на гудок и пролетает перекресток, чудом не задев машину слева. В разбитое окно я успеваю разглядеть водителя этой машины — женщину с черными волосами в простом белом платье.

Мы выезжаем за пределы города и несемся по сельской местности. Нас догоняет очередная пуля, и внедорожник, вильнув, начинает двигаться резкими толчками. Мартин с трудом удерживает его на дороге.

— Черт! — восклицает он. — Он стреляет по колесам. Если он попадет в бак...

Я чувствую себя так, будто меня поместили в тело робота, а затем отрубили ему электричество. Приходится собрать все силы, чтобы вытянуть руку.

— Мануэль! — кричит Юлия. — Что это? Что ты пытаешься сделать?

— Очкi!

Я указываю на пару очков виртуальной реальности, которые закреплены между передними сиденьями.

— Ты хочешь их надеть? Зачем?

— Очкi! — повторяю я. Сестра протягивает мне очки. Я надеваю их и нажимаю переключатель. Передо мной появляется панель управления. Я могу управлять жестами. К сожалению, ни один из программистов не задумался, как тяжело даются эти жесты, когда машину мотает по проселочной дороге, а каждая рука, кажется, весит килограммов по сто. Проходит целая вечность, прежде чем мне удается отдать пару простых команд.

— Что ты хочешь сделать? — повторяет Юлия.

Я игнорирую вопрос и всецело отдаюсь поставленной задаче.

В это время Мартин отчаянно пытается оторваться от Питера, который продолжает вести по нам огонь. Наконец мне удается активировать дрон в багажнике машины. Пора! Как только перед глазами возникает изображение с камеры дрона, я открываю люк в крыше и поднимаю беспилотник в воздух. Его сразу подхватывает ветер, но я не пытаюсь с ним бороться, а напротив, до отказа выкручиваю регулятор скорости. Долю секунды я вижу широко открытые глаза Питера, а затем беспилотник врезается

в лобовое стекло «феррари», и картинка становится черной.

Мартин радостно вскрикивает.

— Да! Он сошел с трассы! Мы оторвались! Ты молодец!

Юлия снимает с меня очки и целует в щеку.

— Мы почти на месте. Держись, брат!

Мне чудом удается не провалиться в беспамятство. Мы сворачиваем на подъездную тропинку и останавливаемся перед большим кирпичным домом, который раньше был частью крестьянской усадьбы. Мартин дважды жмет на гудок. Дверь открывается, и к нам бежит женщина. Мартин выходит и открывает заднюю дверь. Женщина побегает к ней и выносит меня из машины, как младенца. У нее светлые короткие волосы и добрые глаза.

Она похожа на Еву, но значительно старше.

— Привет, Мануэль, — говорит она. — Я так рада, что тебе удалось сбежать!

Она несет меня на последний этаж дома, в комнату, где на стенах висят постеры из мультфильмов Диснея и полки с игрушками. Там она кладет меня в чистую постель. Комната начинает вращаться у меня перед глазами. Я отчаянно цепляюсь за реальность, но темный вихрь утягивает меня в глубокое беспамятство.

ГЛАВА 21

Когда я просыпаюсь, боли уже нет. Но ворту пересохло, а голова будто набита ватой. Комната, в которой я лежу, мне незнакома. Где я? Что случилось? Постепенно возвращаются воспоминания: побег из дома Ясперса, погоня, дружелюбная женщина, которая принесла меня сюда, взяв на руки, как младенца. Облегчение — я в безопасности! — мгновенно сменяется сомнениями. Неужели Ясперс сдастся так просто? Пошлет ли он за мной наемного убийцу? Кто это будет, Питер? Странное дело, но меня беспокоит, не ранило ли южноафриканца в аварии, которую я устроил. Он вряд ли остановился бы перед тем, чтобы убить меня, если бы босс отдал ему такой приказ. Я медленно приподнимаюсь в постели, на мгновение закрываю глаза, чтобы уменьшить приступ головокружения, и осматриваюсь. Комната, как можно понять по игрушечным солдатикам, машинкам и книгам о *Minecraft*, принадлежит мальчику лет десяти. Не знал, что у Мартина Раффи есть сын. Но я вообще мало что о нем знаю.

Вспоминаются слова врача: блокировка памяти исчезнет, как только деактивируются ингибиторы биоэлектрических импульсов. Но в голове по-прежнему пусто. Я пытаюсь вспомнить, как выглядела моя собственная детская, но все, что приходит в голову, это комната, которую показывал мне Ясперс. Фейк. От разочарования на глаза наворачиваются слезы.

Я даже не знаю, была ли у меня своя комната в доме приемных родителей или я делил ее с Юлией. Сестра. Она — ключ к моему прошлому. Я должен поговорить с ней! Я осторожно подползаю к краю кровати и пытаюсь встать. Все вокруг плывет. Я жду, пока комната вернется на место, и, покачиваясь, делаю несколько шагов к двери. Рядом с ней прибит крючок, на котором висит махровый голубой халат. Так как на мне нет ничего, кроме пижамы, я натягиваю его. Он мне тесен, но кое-как налез.

Дверь ведет в коридор с деревянным полом и кирпичными стенами. Потолок поддерживается темными балками. Из полуоткрытой двери на первом этаже я слышу голоса. Мне удается спуститься по лестнице, цепляясь за перила и осторожно ступая. Мартин, его жена, Юлия и неизвестный мужчина с седыми волосами, в костюме и галстуке, сидят на уютной кухне за большим столом, на котором стоят остатки завтрака. Они смотрят на меня с удивлением.

— Мануэль!

Женщина вскакивает и хватает меня за руку, чтобы поддержать.

— Почему... тебе нельзя вставать! Ты еще слишком слаб.

Ее голос звучит скорее обеспокоенно, чем укоризненно.

Она ведет меня к стулу, на который мне, к счастью, удается сесть.

— Я Гиза, — представляется она. — А это доктор Кербер, наш адвокат.

Мужчина в костюме кивает.

— Как ты? — волнуется Юлия.

— Хорошо, — отвечаю я. Рот выстлан наjjачной бумагой, и каждое слово дается мне с трудом, поэтому я решаю не продолжать.

Гиза ставит передо мной на стол стакан теплой водопроводной воды.

— Вот, выпей.

Я благодарю ее и залпом опрокидываю стакан. Но вода вызывает тошноту и снова начинает кружиться голова.

— Тебе нужно вернуться в свою комнату! — говорит Мартин. — Тебе надо отлежаться, чтобы прийти в себя.

Я хочу покачать головой, но мир снова меркнет.

И вот я снова в постели. Предзакатный багрянец в окне говорит, что я проспал весь день. Такое чувство, что голова распухла и стала больше, чем была. Кажется, будто сотня злобных гномов стучит молотками по

черепу изнутри. Глаза слезятся. Во рту по-прежнему сухо, язык опух. Я собираюсь приподняться, но все напрасно.

В комнату входит Гиза со стаканом воды и горстью таблеток.

— Вот, проглоти это, тогда почувствуешь себя лучше!

Я говорю «Спасибо» и выпиваю таблетки. Вскоре после этого молотки гномов смолкают, и я погружаюсь в глубокий сон без сновидений.

Пробуждение, сверлящая боль во всем теле, особенно в голове, снова таблетки, стакан воды, сон. Не знаю, сколько раз это уже повторяется. В какой-то момент я просыпаюсь и обнаруживаю, что к левой руке подведена трубка от капельницы. Она тянется к пакету с прозрачной жидкостью, подвешенному к тонкой раме. Я осторожно касаюсь головы, которая в день нашего побега была выбрита наголо. За это время там, где нет повязки, пробились волосы. Новорожденный ежонок. Когда Гиза приносит очередную порцию таблеток, я отказываюсь. Голова раскалывается, но я не хочу снова впадать в полузабытье.

— Хорошо, — соглашается она, дает мне попить воды и уходит. Гномы, которые долбят череп изнутри, сменили свои устаревшие инструменты на отбойные молотки. И получили подкрепление — миллион муравьев, которые расползлись по всему телу и, кажется,

едят меня заживо. Я хватаюсь за голову обеими руками, чтобы она не разлетелась на части. Отказаться от таблеток было ошибкой. Если бы только Гиза вернулась! Я бы попросил ее дать мне лекарство, но у меня нет сил, чтобы позвать ее. Медленно, очень медленно боль немного ослабевает. Голова все еще болит, но уже терпимо.

— Как дела? — интересуется Гиза, неожиданно появляясь в комнате. В ответ я могу только простонать.

— Принести обезболивающее?

— Нет, нет, все нормально, — выстонаю я.

— Ты голоден?

Желудок отзывается урчанием, будто сам хочет ответить на вопрос.

— Да.

— Приготовлю тебе суп.

Она уходит. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я сбежал, но я достаточно ясно осознаю, где я и что со мной. И я счастлив, даже если мне приходится расплачиваться за это адской болью.

Когда Гиза возвращается с подносом, на котором находятся дымящаяся тарелка куриного бульона, кусок хлеба и стакан молока, я спрашиваю ее:

— Чья это комната?

На ее лицо падает тень.

— Это комната Тима, — отвечает она. — Нашего сына. Он умер несколько лет назад.

— Извините. Я не хотел.

— Ничего, ты же не знал.

Я хотел бы расспросить ее о Тиме, но пока, мне кажется, это будет довольно бестактно. Поэтому я молча принимаюсь за суп. Он потрясающе вкусный и наполняет меня новыми силами.

— Спасибо, это было восхитительно, — говорю я, когда на подносе больше не остается еды.

Гиза относит посуду на кухню, а потом возвращается и умелыми движениями отключает капельницу.

— Тебе это больше не понадобится.

— Откуда вы все это знаете?

— Я дипломированная медсестра. Десять лет проработала в университетской больнице.

— Спасибо, — говорю я снова. — Спасибо за помощь вам и Мартину!

— Не благодари. В конце концов, как мы могли оставить тебя в руках этого безжалостного преступника?

Гнев вспыхивает в ее глазах.

— Могу я... пожалуйста... поговорить с Юлией?

— Она у ваших приемных родителей...

— Но почему?! — вырывается у меня.

— Не волнуйся. Они до сих пор официально ваши опекуны, но доктор Кербер, наш адвокат, позаботится о том, чтобы их лишили опеки. В любом случае ты здесь в безопасности.

При одной мысли о том, что я могу попасть в руки людей, которые продали меня Хеннигу Ясперсу, скручивает живот. Мне также не по себе оттого, что Юлии здесь нет. Я надеялся, что она поможет мне вернуть воспоминания, расскажет мою жизнь в деталях.

— Могу я ей позвонить?

— Мы условились, что она будет сама время от времени звонить нам. В следующий раз, когда она свяжется, я скажу тебе.

— Что... что со мной сейчас происходит?

— Во-первых, тебе нужно поправиться. Мартин и доктор Кербер разрабатывают стратегию, как нам всем вместе одолеть Ясперса. Ты — самый важный свидетель в процессе, который может затянуться на годы.

Ее лицо темнеет.

— Хенниг хитер. Он пойдет на любую подлость, чтобы отвести от себя подозрения. Но на этот раз он отправится за решетку, клянусь!

— На этот раз? Что вы имеете в виду? — спрашиваю я, но Гиза, похоже, пропускает этот вопрос мимо ушей.

— Извини, мне нужно заняться хозяйством. Ты побудешь один? Если тебе что-нибудь понадобится, позови.

С этими словами она выходит. Какое-то время я лежу в постели и пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из детства. Но память совершенно пуста, как будто я начал существовать

только в тот момент, когда оказался в белой комнате. Взгляд падает на полки, заставленные игрушками и детскими книгами. Может, у Тима есть вещи, которые напомнят мне о том, с чем я играл раньше? Я осторожно поднимаюсь с кровати, но когда я пытаюсь встать на ноги, они безвольно подгибаются, словно разваренные макаронины, поэтому я ползу к полкам на четвереньках. Я беру игрушку за игрушкой, ощупываю и обнюхиваю их: солдатики, модели *LEGO*, маленький микроскоп, плюшевая собака с огромными печальными глазами, баскетбольный мяч. Но ничто не вызывает во мне отклика. На книжной полке стоят несколько романов, написанных по мотивам компьютерной игры *Minecraft*. Кроме того, есть несколько серийных манга-комиксов, аккуратно расположенных по номерам, и множество книжек с картинками. Среди них я нахожу книгу с потрепанной пожелтевшей обложкой. Она выглядит слишком старой в этой современной детской комнате. Эта книга — «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

ГЛАВА 22

Дрожащими руками я достаю книгу с полки. Обложка очень ветхая. Под заголовком, напечатанным золотыми буквами и заключенным в изящную рамку, рисунок: собака удивленно уставилась на крошечную Алису. Ниже можно прочесть выходные данные: «Лейпциг, изательство Иоганна Фр. Харткноха». Я осторожно открываю книгу. Страницы пахнут пылью и, кажется, вот-вот рассыплются в руках. На первой странице указан год — 1869. Первое издание? Должно быть, оно стоит кучу денег! Что такая ценная книга делает здесь, среди рваных книжек с картинками?

— Что ты делаешь? — голос Гизы звучит так резко, словно меня застукали на месте преступления. Обернувшись в изумлении, я чуть было не выронил книгу из рук.

— Я... я... подумал, может быть, я мог бы....

— Немедленно в постель! — строго командаeт она. — Ты еще не должен вставать.

Она берет книгу у меня из рук и ставит обратно на полку. Я послушно ползу обратно в кровать.

— Эта книга... она вашего сына?

— Да. Это была его любимая сказка. Мартин всегда ей читал, особенно когда...

Она осеклась, видимо, ей тяжело продолжать этот разговор.

— Простите, — говорю я, чувствуя, что ненароком заставил ее вспомнить о том, о чем она предпочла бы забыть.

— Ничего. Просто не трогай больше его вещи. Договорились?

— Хорошо.

— Лучше поспи немного, — сменив гнев на милость, говорит она и выходит комнаты.

Но я не устал. Мой взгляд прикован к книжной полке. Не знаю почему, но книга обладает странной притягательностью. И, видимо, это имеет какое-то отношение ко мне и моей жизни. Какое-то время я борюсь с собой.

Я не хочу задеть чувства Гизы и ее мужа. Им, наверное, больно от того, что кто-то занимает теперь комнату их покойного сына. Комнату, в которую они, возможно, давно не заходили. Но, с другой стороны, я должен вернуть себе память, и книга, я это чувствую, мне поможет.

В конце концов любопытство одерживает верх над сомнениями. Я осторожно встаю, на трясущихся ногах, спотыкаясь, добираюсь до полки, достаю книгу и быстро ложусь. Мое сердце громко бьется, когда я открываю ее

и начинаю читать текст, напечатанный старомодным готическим шрифтом:

Первая глава Падение в кроличью нору

Алиса уже начала скучать, она сидела с сестрой на берегу реки, и делать ей было нечего. Книга, которую читала ее сестра, ей не понравилась, в ней не было ни картинок, ни разговоров. «Кому нужны книги, в которых нет ни картинок, ни разговоров», — думала Алиса. Она начала задумываться (а это ей тоже давалось непросто, ведь от жары она стала вялой и глупой), не стоит ли подняться и нарвать маргариток, чтобы сплести венок, как вдруг мимо нее пробежал белый кролик с красными глазами. В этом не было ничего особо примечательного. Алиса не сильно удивилась, даже когда услышала, как кролик сказал: «Ой, ой, ой, я опаздываю!» (когда потом она размышляла над этим, то ей подумалось, что все же стоило бы удивиться, но в тот момент ей казалось, что не случилось ничего из ряда вон выходящего). Но когда кролик достал из кармана жилета часы, посмотрел на время и снова бросился бежать, Алиса подпрыгнула как ошпаренная, ведь ей никогда прежде не приходилось встречать на берегу кролика в жилете и с часами. Сгорая от

любопытства, она помчалась за ним через лужайку и поспела как раз вовремя, чтобы увидеть, как кролик юркнул в большую нору под живой изгородью. В следующую секунду она сиганула вслед за ним, не подумав, как будет выбираться обратно. Поначалу кроличья нора шла прямо, как туннель, но вдруг внезапно оборвалась. Алиса и сообразить не успела, что надо бы за что-нибудь ухватиться, как почувствовала, что падает в какой-то глубокий, глубокий колодец.

У меня начинает кружиться голова, будто это я падаю в колодец. Я отвожу взгляд от книги и пялюсь в потолок. Головокружение проходит, и я продолжаю читать.

Но то ли колодец оказался слишком глубоким, то ли летела она слишком медленно, как бы там ни было, у нее было достаточно времени, чтобы осмотреться и задуматься, чего же теперь ждать. Сначала она попыталась посмотреть вниз, чтобы понять, куда летит, но там было так темно, что она не смогла ничего разглядеть. Тогда она начала оглядываться по сторонам и обнаружила, что стены колодца завешаны кухонными шкафчиками и книжными полками. Кое-где даже висели карты и картины на крючках. Пролетая мимо одной из полок, она схвати-

ла горшок, на котором было написано «Апельсиновое варенье», но он, к ее величайшему огорчению, оказался пуст. Она побоялась бросать его вниз (вдруг кого-нибудь убьет) и умудрилась запихать его в другой шкафчик, который попался ей по пути. «Ну что ж, — подумала Алиса, — после такого падения с лестницы мне всё нипочем. Представляю, какой отважной девочкой я прослычу, когда вернусь домой. Я теперь, пожалуй, и с крыши могу брякнуться без единого писка!» (Что было весьма вероятно.)

Она опускалась все ниже, и ниже, и ниже, а колодец все не кончался.

«Интересно, сколько миль я уже падаю! — сказала она вслух. — Должно быть, я уже где-то в центре земли. Это значит восемьсот пятьдесят миль или около того...»

В этом месте кто-то вывел корявым почерком на полях: *Неверно!* Это был Тим или тот, кто владел книгой до него? На самом деле радиус Земли намного больше, чем восемьсот пятьдесят миль, я уверен. Но откуда я это знаю? Проходил это на уроках географии? Или где-то вычитал?

Я возвращаюсь к сказке. Все в ней мне знакомо. Уверен, что прочел ее не раз и не два, а может быть, кто-то читал мне ее вслух. Как я ни силюсь, не могу вспомнить ни лица,

ни голоса, ни комнаты, в которой я мог бы когда-то держать эту книгу в руках.

Она очутилась в длинном узком коридоре, который освещался свисавшими с потолка лампами. По обеим стенам коридора шли двери; но все они были заперты. Алиса попробовала дернуть за ручку каждую дверь, сначала на одной стене, потом на другой, и наконец печально поплелась на середину, раздумывая, удастся ли ей когда-нибудь отсюда выбраться.

Это место напоминает мне о белой комнате, о моем отчаянии, о том, как я думал, что никогда не смогу сбежать из этой тюрьмы. При мыслях об этом глаза наполняются слезами, а по всему телу пробегает дрожь. Одна слеза падает на страницу. Испугавшись, я тут же смахиваю ее, опасаясь повредить ветхую бумагу. За дверью раздаются шаги. Я стремительно прячу книгу под одеяло.

Входит Мартин.

— Привет, Мануэль, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, уже лучше.

Он внимательно смотрит на меня.

— Ты плакал?

— Я... я до сих пор ничего не вспомнил!

— Не волнуйся, твои воспоминания скоро вернутся. Твой мозг был сильно поврежден. Но я уверен, что это пройдет.

— Я хотел бы поговорить с Юлией. Я верю, она мне поможет, расскажет что-нибудь из моей прошлой жизни.

Он кивает в знак согласия:

— Конечно, это пойдет тебе на пользу. Она сейчас в службе опеки. Посмотрю, можно ли как-то с ней связаться.

Я морщу лоб:

— Но Гиза сказала, что она ушла к нашим приемным родителям.

— Да, она была у них, но не захотела оставаться там. Мы попросили службу опеки забрать ее и перевезти в безопасное место.

— Но почему она не может просто прийти сюда?

Он колеблется:

— На это есть юридические причины. Наверное, это сложно понять, но доктор Кербер говорит, что лучше, чтобы вы не появлялись здесь вдвоем. Это как-то влияет на то, сочтет ли суд ваши показания достоверными.

— Я не понимаю.

— Я не могу объяснить это понятнее, но доктор Кербер — хороший адвокат, и лучше нам делать то, что он говорит, когда мы имеем дело с Хеннигом Ясперсом. Не думай об этом. Я ее наберу, и вы сможете поговорить друг с другом. Сейчас вернусь.

Он выходит из комнаты и через несколько минут возвращается.

— До нее не дозвониться. Я оставил сообщение на голосовой почте. Как только она ответит, дам тебе знать.

Я бросаю на него мимолетный взгляд и чувствую, что он чего-то недоговаривает.

— Расскажите мне о Тиме, — прошу я.

Лицо Мартина темнеет, и я ожидаю очень резкого ответа, но он берет стул и подсаживается ближе к кровати.

— Он был... замечательным мальчиком, ласковым, любознательным, — глаза Мартина наполняются слезами, и я уже жалею, что плохо о нем подумал.

— Когда он умер, ему было десять. То есть сейчас он был бы одного возраста с тобой.

— От чего он умер?

— У него был генетический дефект, редкая форма миастении, она очень быстро прогрессирует, и от нее еще не придумали лекарства. Мы... мы испробовали все, чтобы помочь ему... но...

Мартин прерывается и делает глубокий вдох.

— Простите.

— Все хорошо. Извини, я... мне казалось, что я давно свыкся с тем, что его с нами нет, но...

Мне не хочется еще больше мучить Мартина, но он продолжает говорить:

— Мы оба так гордились им, Гиза и я. Он хорошо учился, хотел стать разработчиком

игр, как и я, проводил много времени за компьютером, даже учился программировать. На самом деле, я не этого хотел, но...

— Он тоже любил читать? — выпаливаю я.

— Ты имеешь в виду книги? Да. Я часто читал ему вслух. Больше всего он любил «Алису в Стране чудес».

Он встает и идет к книжной полке.

— Я подарил ему очень ценное первое издание на день рождения. Оно должно быть где-то здесь...

Я чувствую, что краснею, когда дотрагиваюсь до книги под одеялом. К счастью, Мартин этого не замечает. Что-то удерживает меня от того, чтобы признаться, что книгу взял я. Наверное, досада на то, что Гиза не дала мне ее почитать.

— Хм, — удивляется он. — Должно быть, Гиза убрала ее. Но это неважно. В любом случае теперь ты знаешь, почему мы использовали знаки из книги. После того как Юлия рассказала, что ты тоже любил эту книгу в детстве, я понял, что это перст судьбы.

Я чувствую себя ничтожеством, мелким воришкой, самозванцем. Я лежу в постели единственного сына Мартина и Гизы, умершего мучительной смертью. У меня полно проблем, но по крайней мере я не страдаю от неизлечимой болезни.

— Спасибо, что помогаете мне, — говорю я.

— Все хорошо, мой мальчик, я бы никогда не простил себе, если бы ты почувствовал то же, что и он... Я имею в виду, если бы ты... если бы ты умер в руках Хеннинга.

Страшная догадка рождается в моем мозгу.

— А когда вы поссорились с Хеннингом Ясперсом?

— Лет пять назад. А что?

— Это как-то связано со смертью Тима? Он отводит глаза.

— Нет, конечно нет. Во всяком случае, не напрямую. Можешь себе представить, в каком я тогда был состоянии. А тут еще у моего партнера начались бредовые фантазии о бессмертии. И это в то время, когда мой собственный сын умирал. Идеи Ясперса привели меня в ярость. Я бросил ему в лицо пару фраз, которые его сильно задели. Но сейчас это не имеет никакого значения.

Он смотрит на часы:

— Мне нужно позвонить доктору Креберу. Выздоравливай скорее, Мануэль!

— Спасибо.

Невразумительный ответ Мартина и то, что он чуть ли не сразу покинул комнату, подтверждают мои подозрения: он лжет. Вряд ли это совпадение, что они поссорились, как раз когда Тим был при смерти. А что, если идея о продлении жизни в виртуальных мирах принадлежит Мартину, а не Хеннингу? Что, если таким образом он хотел спасти сына? Но почему он предпочитает это скрывать и лгать

мне? Может, испытывает чувство вины за то, что стал косвенной причиной моих страданий? Тут же в голове рождается гипотеза: допустим, это была идея Мартина. Вместе с Хеннингом Ясперсом они работали над тем, чтобы мозг мог жить без тела в виртуальном мире. Для Тима это было бы единственным спасением. Но работа продвигалась очень медленно, и его сын умер до того, как они успели создать интерфейс и машины жизнеобеспечения. Мартин не захотел продолжать работу над проектом, поскольку для него затея утратила смысл, а Ясперс продолжил, надеясь таким образом продлить собственную жизнь. Дело дошло до столкновения. Ясперс выжил Мартина из компании, так как тот узнал, что Хеннинг проводит нелегальные эксперименты на сиротах, и решил прекратить это.

Неужели поэтому Мартин вырвал меня из рук Хеннинга Ясперса — чтобы свести с ним счеты? Неужели использовал Юлию как приманку? А я в таком случае кто? Средство достижения цели? Ценный свидетель? Оружие, из которого Мартин рассчитывает убить бывшего партнера? Как бы мне хотелось сейчас встать и задать ему все эти вопросы. Но я слишком слаб. Книга давит мне на ногу. Я собирался поставить ее на полку, но тут меня осенило. А что, если Тим оставил еще какие-то пометки, которые неким образом помогут мне понять, что с ним на самом

деле произошло? Я начинаю перелистывать страницы и в самом начале пятой главы обнаруживаю слова, подчеркнутые синим карандашом.

Пятая глава Добрый совет гусеницы

Гусеница и Алиса некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец гусеница вынула изо рта мундштук и обратилась к ней вялым, сонным голосом.

— Ты кто такая? — спросила гусеница.

Это было не самое обнадеживающее начало разговора. Алиса ответила, слегка запинаясь:

— Я... я не уверена, кто я прямо сейчас. скорее я знаю, кем я была этим утром. когда встала; но я думаю, что с тех пор я уже несколько раз поменялась.

— Что ты имеешь в виду? — строго спросила гусеница. — Объясни.

— Боюсь, что я не могу объяснить это как-то еще, — ответила Алиса. — Потому что я — это не я, понимаете?

— Ни единого слова, — откликнулась гусеница.

— Как мне ни жаль, мэм, но выразить это яснее у меня не получится, — подчеркнуто вежливо сказала Алиса. — Потому что я и сама не знаю. А когда ты за один день становишься то великан-

шей, то совсем крошечной, ясности это не прибавляет.

Дрожь пробегает по позвоночнику, когда я снова и снова перечитываю подчеркнутый отрывок. Да, это именно то, что я чувствую: я — это не я. Но почему Тим его подчеркнул? Он что, тоже чувствовал нечто подобное? Но ведь у него были и друзья, и близкие, у него были родители, у него были воспоминания. А с другой стороны, может, это и не Тим оставлял пометки и подчёркивал слова... Может быть... Нет, это чушь! Я осторожно встаю и подхожу к столу. В ящике я нахожу блокнот со страницами в клетку и ручку. Я быстро пишу что-то неразборчивое в раскрытом блокноте, вырываю страницу и подношу ее к открытой книге. Сомнений нет — это один и тот же почерк!

ГЛАВА 23

— Мануэль! Что ты делаешь? Ты не должен был вставать!

Услышав резкий окрик Гизы, я вздрагиваю и медленно оборачиваюсь. В глазах выступают слезы. Они заслоняют от меня ее лицо, одновременно и сердитое, и взволнованное.

— Кто... кто я?

— Что ты имеешь в виду?

— Это же я написал!

Я указываю ей на блокнот, затем на каркали в книге.

— Как ты мог так поступить! — возмущенно восклицает она. — Это была любимая книга Тима! Ты же знаешь, как она нам дорога! Я же просила тебя оставить вещи Тима в покое!

Ее реакция еще больше сбивает меня с толку.

— Но это уже было в книге, когда я взял ее с полки. Должно быть, я написал это до того, как меня отправили к Хеннингу Ясперсу. Пожалуйста, Гиза, скажите, что здесь происходит?

Гиза оценивающе смотрит на меня, кладет руку мне на лоб:

— Хм... У тебя, кажется, нет температуры. Но с памятью, похоже, совсем плохо.

— О чём вы?

— Мануэль, это книга Тима, — взволнованно объясняет она. — Не знаю, зачем ты написал в ней все это, но, кажется, ты и сам забыл, что сделал. Видимо, нужно показать тебя неврологу. Твой мозг поврежден куда больше, чем мы думали.

Я смотрю в книгу. Опять у меня возникает все то же гадкое чувство, что я — это не я. Неужели действительно я прочитал книгу за несколько дней, сделал все эти пометки, подчеркнул слова, а потом обо всем забыл?

В голосе Гизы прорезаются нежность и настойчивость. Так разговаривают с малышами.

— Мануэль, ты слишком слаб. Тебе следует отдохнуть.

— Мне нужно поговорить с Юлией, — прошу, почти умоляю я. — Пожалуйста!

— Тебе же сказали, что как только она позвонит, тебе дадут трубку. А теперь поспи немного, и тебе станет лучше.

Она доводит меня до кровати, а потом возвращает книгу на полку и выходит. Ничего не понимая, я смотрю ей вслед. Мысли вертятся в голове, словно кошка, которая пытается поймать кончик собственного хвоста. Наконец, совершенно измученный и обессилевший, я засыпаю.

Я пробираюсь через лес. Это не настоящий лес, а такой, каким его рисуют в плохих мультфильмах, с черными стволами деревьев и голыми ветвями, которые будто тянутся ко мне. Хотя все выглядит очень странно, я чувствую, что бывал здесь раньше.

— Так-так, кто у нас тут?

Я оборачиваюсь и вижу мультишного Кота.

Он сидит на ветке и улыбается мне невероятно широким ртом. Шерсть у него розовая с фиолетовыми полосками, словно детская пижама.

— Где... где я? — спрашиваю я.

— А где бы ты хотел оказаться? — спрашивает Чeshireский Кот.

— В реальности, — отвечаю я, подумав.

— Ну тогда ты явно заблудился.

Я пытаюсь вспомнить это место в книге. Кажется, там Чeshireский Кот указал Алисе путь к Безумному Шляпнику. Вряд ли это мне поможет.

— Мне это снится?

— Это зависит от...

— От чего?

— От того, спишь ли ты.

Содержательный разговор.

— А ты можешь посоветовать, как мне проснуться?

— Конечно, — говорит Кот, зевая огромным ртом и обнажая острые зубки. На мгновение он кажется мне монстром из компьютерной игры.

— Так что это за совет?

— Открой глаза!

Когда я открываю глаза, то прихожу в ужас, потому что вокруг меня так же темно, как в мультишном лесу. Но потом в бледном свете луны мне удается разглядеть очертания комнаты Тима: шкаф у двери, полки с игрушками и книгами, письменный стол, плакаты на стенах. Я с облегчением выдыхаю. Мне вспоминается сон. Он кажется таким реальным, будто я правда побывал в Стране чудес. «Открой глаза», — сказал Кот. Но откуда мне знать, что мои глаза действительно открыты, что я не сплю? Я касаюсь пальцами ресниц, даже пытаюсь дотронуться до правого глазного яблока. Только толкну от этого чуть. Я мог бы повторить это и во сне. Я пытаюсь снова заснуть, но у меня ничего не получается. В голову лезут вопросы. Почему я до сих пор ничего не помню? Как мои пометки оказались в книге Тима? Куда, в конце концов, запропастилась Юлия? Почему она не хочет поговорить со мной? И чем дольше я размышляю над этим, тем больше убеждаюсь, что Гиза и Мартин сознательно держат ее подальше от меня. Не понимаю зачем, но они лгут мне. Они не хотят, чтобы я узнал правду, так же как этого не хотел Ясперс.

Вероятно, они просто используют меня, чтобы отомстить ему. И они использовали Юлию, чтобы завоевать мое доверие и забрать меня к себе. Теперь моя сестра им

больше не нужна. А если они ее... устранили? Эта мысль приводит меня в ужас. Мы с Юлией — сироты. Наших опекунов подкупил Ясперс. Если мы пропадем, вряд ли он будет горевать или сообщать об этом в полицию. Наверное, никто и не заметит, если Юлия просто исчезнет. Чушь собачья! Нет ни одного доказательства, что всё, что я себе нафантизировал, правда. Тем не менее я не могу позволить себе и дальше валяться в постели. Я чувствую себя отрезанным от мира, будто снова оказался в белой комнате. Луна то прячется за облаками, то вновь показывается, и комната то погружается в полную тьму, то ее заливает тусклый свет. От этого она еще больше напоминает мне тюремную камеру. Я должен выбраться отсюда! Если Юлия не может прийти ко мне, я должен сам отыскать ее. И я это сделаю. На этот раз мне никто не поможет, но ведь нет и приборов, к которым я прикован, и за дверью не притаился Питер с пистолетом. Начинает светать, когда я встаю, подхожу к двери и прислушиваюсь.

Все тихо. Пытаясь не шуметь, я нажимаю на ручку, но дверь не открывается. Я заперт! Вот и еще одно доказательство, что Мартин и Гиза держат меня в пленах против моей воли. Шатаясь, я подхожу к окну и выглядываю из него. В небольшом саду с невысокими фруктовыми деревьями качели и заросшая травой песочница. За живой изгородью простирает-

ся луг, на котором пасутся коровы. Еще дальше освещенная фонарями улица, на которой в эти утренние часы почти нет машин. Я на втором этаже, возможно, мне удастся слезть по простыне. А что потом? Понятия не имею. Главное — уйти подальше отсюда. Когда я решусь действовать дальше самостоятельно, наверняка что-нибудь придумаю.

Окно открывается с помощью вращающейся ручки, в которую встроен небольшой замок. Сколько я ни дергаю, оно не поддается. Разбить его? Но тогда наверняка проснутся Гиза и Мартин. Я начинаю шарить по комнате в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы поддеть раму, но ничего не нахожу. В какой-то момент я случайно смотрю в окно и вздрагиваю. Посреди луга, на котором пасутся коровы, залиятая лунным светом, стоит женщина в белом платье.

ГЛАВА 24

Женщина в белом смотрит на меня. И хоть нас разделяет добрая сотня метров, мне кажется, что я узнал ее глаза, которые светятся любовью и нежностью. Я моргаю, тру глаза, трясу головой, но мираж не исчезает. Я поднимаю руку, чтобы помахать ей, но женщина не отвечает. «Наверное, это призрак», — проносится в моей голове. Мертвая мать, которая является, чтобы приободрить меня. Насколько мне известно, я никогда не верил в жизнь после смерти. Мне приходит идея сфотографировать ее. Если мне это удастся и ее не будет на фото, я пойму, что она всего лишь галлюцинация. Я начинаю искать на полках мобильник или детскую цифровую камеру, но ничего не нахожу. Когда я снова подхожу к окну, видение исчезает. Я вздыхаю одновременно с облегчением и грустью. По крайней мере, теперь ясно, что мой мозг серьезно пострадал. Неудивительно, если учесть, сколько времени Ясперс и доктор измывались надо мной. Возможно, что сейчас я на самом деле в больнице, может быть, даже в психиатрической.

В любом случае Гиза была права, и, вероятно, она действовала из благих побуждений, когда заперла меня в этой комнате. Тем не менее червь сомнения грызет меня изнутри. Примерно через час я слышу, как в двери поворачивается ключ. Гиза приходит с подносом для завтрака, на котором стоит кружка молока и лежат два тоста с вареньем и вареным яйцом.

— Почему вы меня заперли? — спрашиваю я.

— Чтобы ты снова не упал с лестницы, — отвечает она и ставит поднос на кровать.

— Как это снова?

— Ты упал и сильно ударился на прошлой неделе. Разве ты не помнишь?

— Нет, — как можно более небрежно бросаю я.

Она взволнованно смотрит на меня, но никак это не комментирует.

— Ешь завтрак, Тимми. Тебе нужно набраться сил.

Я недоуменно заглядываю ей в глаза.

— Тимми?

— Что?

— Вы только что назвали меня «Тимми».

— А, да? Ну извини.

— Что насчет Юлии? Можно мне с ней поговорить?

— Конечно, да, я позвоню ей чуть позже, — говорит Гиза, в ее голосе чувствуется раздражение. — Ешь, я потом зайду и заберу поднос.

Она выходит за дверь. После завтрака я вхожу в ванную слева от комнаты Тима и облегченно выдыхаю. Но стоит мне глянуть в зеркало, и увиденное поражает меня до глубины души. Лицо, которое возникло перед моими глазами, кажется мне чужим. Я дотрагиваюсь до щеки, и мальчик в зеркале делает то же самое, и все же мне не кажется, что я — это он. В голове эхом отдаются слова из книги.

Я... я не уверена, кто я прямо сейчас, скорее я знаю, кем я была этим утром, когда встала; но я думаю, что с тех пор я уже несколько раз поменялась.

Отражение расплывается в завесе моих слез и оттого кажется менее чужим. Умывшись и почистив зубы новой зубной щеткой, я возвращаюсь в комнату Тима. Гиза уже забрала поднос. Без лишних слов я достаю старую книгу с полки, сажусь на кровать и перелистываю пожелтевшие страницы. Один черно-белый рисунок привлекает мое внимание: Чeshireский Кот смотрит на Алису с ветки дерева. У меня начинает сосать под ложечкой, когда я вспоминаю сон, который показался таким пугающе реальным.

Вот что тут написано:

Увидев Алису, Кот лишь улыбнулся.

«Он кажется добрым», — подумала она. Но у него были очень длинные когти и много острых зубов. Все это внушало некоторое почтение.

— Хороший котик, — начала Алиса. Она не знала, понравится ли Коту такая фамильярность. Но Кот улыбнулся еще шире.

— Ага, видимо, ему нравится, — подумала Алиса и продолжила: — Не будете ли вы так любезны, объяснить мне, где я?

— А где ты хочешь оказаться?

— В реальности, — ответила Алиса, немного подумав.

— Тогда ты попала не туда, — объяснил Кот.

Алису его ответ сильно озадачил.

— Наверное, мне это снится? — спросила Алиса после секундной паузы.

— Это зависит от того... — ответил кот.

— От чего?

— Спиши ли ты, — закончил Кот и улыбнулся огромным ртом, обнажив ряд острых зубов. Внезапно он показался ей монстром из комнаты ужасов на ярмарке. И хотя Алиса немного испугалась, она переборола страх и спросила:

— Так каков же будет ваш совет, о милейший Кот?

— Открой глаза, — ответил Кот.

Я перечитываю этот отрывок снова и снова. Диалог между Алисой и Чеширским Котом слово в слово повторяет тот, который

мне приснился. Конечно, можно объяснить это тем, что я читал книгу много раз и запомнил его. Но почему текст кажется таким странным, таким неправильным?

Я читаю дальше:

Алиса честно попыталась сделать так, как посоветовал кот, но это оказалось непростой, практически невыполнимой задачей, поскольку ее глаза уже были открыты. Так что она решила, что дело происходит во сне, если она, конечно, спит. Поэтому она задала другой вопрос.

— А что здесь за люди живут?

— Вот там, — ответил кот и махнул в воздухе правой лапой, — живет Шляпник, а там, — взмах левой, — Мартовский Заяц. Иди к кому хочешь. Оба умалишенные.

— Но мне не нравятся умалишенные, — возразила Алиса.

— О, этого тебе не изменить, — сказал кот. — Тут все умалишенные, я умалишенный, и ты тоже.

— Откуда ты знаешь, что я умалишенная? — спросила Алиса.

— Ты не можешь ею не быть, — ответил кот. — Иначе бы тебя здесь не было.

Умалишенный — это устаревшее «сумашедший». Мне кажется, что Чеширский

Кот говорит это мне: «Ты сумасшедший, Мануэль. Ты не можешь им не быть, иначе бы тебя здесь не было». Где я? Я окидываю взглядом детскую. То, что я вижу, — это реальность или просто странный сон? «Открой глаза!» Как бы мне хотелось это сделать! Книга тяжелым грузом давит на колени. Мне вдруг становится страшно, что если я прочту еще что-нибудь из нее, то совсем утону в сомнениях. Мне хочется отбросить ее, но в то же время она непреодолимо притягивает меня к себе. И я продолжаю читать, как Алиса побывала на чаепитии у Безумного Шляпника. Эта история показалась мне какой-то сумбурной, без четкого сюжета, без внутренней логики, как будто Льюис Кэрролл просто записал все, что пришло ему в голову. Нужели мне когда-то действительно нравился этот поток сознания? А Тому тоже нравился? Вскоре мне становится неинтересно читать, и я просто листаю книгу, пока не натыкаюсь на восклицательный знак, оставленный на полях.

Рядом с ним можно прочесть такой текст:

— Я могла бы рассказать вам о том, что случилось со мной, начиная с этого утра, — сказала Алиса, покраснев. — Рассказывать о вчерашнем дне смысла нет, потому что вчера я была не собой.

— Не поняла, объясни, — произнесла Черепаха Квази.

— Нет, сначала о том, что случилось, — нетерпеливо сказал Грифон. — Объяснения занимают слишком много времени.

Поэтому Алиса начала рассказывать им о своих приключениях ровно с того момента, как впервые попала в белую комнату. Сначала ей было страшновато, потому Грифон и Черепаха Квази подошли к ней так близко, как только могли, выпучив глаза и широко раскрыв пасти. Но постепенно она разошлась. Слушатели внимали, затаив дыхание. И лишь когда Алиса добралась до места, как она сказала Гусенице, что не была собой, и замолчала, Черепаха Квази глубоко вздохнула и заметила:

— Это очень странно.
— Это настолько странно, что страннее не бывает, — поддержал ее Грифон.

Я еще раз перечитываю отрывок. Да, все правильно, Алиса рассказывает о своих приключениях ровно с того момента как впервые попала в белую комнату. Не знаю, когда в последний раз перечитывал «Алису в Стране чудес», но я почти уверен, что в книге не было никаких белых комнат.

ГЛАВА 25

Дрожащими руками я перелистываю несколько страниц, затем возвращаюсь на то же место, но текст остается прежним: вместо Белого Кролика в нем белая комната. Охваченный паникой, я отбрасываю книгу от себя, будто это бомба. Она ударяется о книжную полку. В тот же миг открывается дверь, входят Мартин и Гиза. Я вздрагиваю, ожидая, что они будут ругать меня за то, что я так обращаюсь с вещью, которая им дорога. Но они ничего не говорят — то ли не заметили, то ли решили не обращать внимания.

— Мы бы хотели поговорить с тобой, Мануэль, — начинает Гиза.

— Мы хотим сделать тебе одно предложение, — уточняет Мартин.

Он садится рядом со мной, на край кровати, а Гиза — на стул, стоящий у письменного стола. Оба выглядят очень взволнованными.

— Мы решили, если ты, конечно, не против... В общем... — мнется Мартин.

— Мы бы хотели узнать, не будешь ли ты против того, чтобы стать нашим сыном, — подхватывает Гиза.

Я смотрю на обоих широко раскрытыми глазами:

— Вы... хотите усыновить меня?

— Это сильно упростит дело, — объясняет Гиза. — Тогда у нас появится возможность выступить в суде против Ясперса от твоего имени и потребовать возмещения убытков для тебя. Служба опеки уже дала согласие.

— Конечно, мы не можем заменить тебе биологических родителей, — говорит Мартин. — Но мы постараемся относиться к тебе как... как к собственному сыну.

— А как же Юлия? — спрашиваю я. — Вы и ее удочерите?

— Это невозможно, — отвечает Гиза.

— Почему нет?

— Служба опеки не позволит нам усыновить сразу двух детей, — объясняет Мартин, но мне его слова не кажутся убедительным.

— Но она ведь моя сестра!

— Это не совсем так, — говорит Гиза. — Вы выросли вместе, это правда. Но она не твоя сестра.

— Но... но Юлия сказала...

— Она еще не знает об этом, — говорит Мартин. — Доктор Кербер выяснил это только что. Он показал нам свидетельство об усыновлении, выданное районным судом. Оказывается, вы оба даже не родственники. Ваши приемные родители взяли вас из дет-

ского дома двоих, потому что вы все время держались вместе и даже ваши воспитатели думали, что вы брат и сестра. Служба опеки сделала исключение и разрешила двойное усыновление. Но ситуация изменилась, теперь вы достаточно взрослые, чтобы каждый шел своим путем.

— Это вранье! — кричу я. — Вы просто хотите использовать меня, чтобы отомстить Ясперсу! Вы использовали Юлию, и теперь, когда она вам больше не нужна, вы решили не подпускать ее ко мне! Она моя сестра, я знаю это!

— Успокойся, Тимми, — говорит Гиза. — У тебя нет сестры.

Мгновение я не могу ответить, просто смотрю на нее с ненавистью.

— Я... я не Тимми! — наконец вырывается у меня.

Гиза улыбается.

— Ты всегда будешь нашим Тимми!

Что здесь происходит? Что, черт возьми, здесь происходит? Она сошла с ума? Или это я спятил? Несколько секунд я сомневаюсь, а действительно ли меня зовут Мануэль, а не Тимми. Но потом я вспоминаю белую комнату и всю ложь, и до меня доходит, что ничего из того, что говорили мне эти люди, не является правдой. И хоть я по-прежнему чувствую усталость и ноги у меня словно ватные, я встаю с кровати.

— Куда ты собрался, Тимми? — беспокоится Гиза. — Ты еще слишком слаб, тебе нельзя вставать.

— Мне нужно идти, — отвечаю я.

Мартин и Гиза не пытаются меня остановить.

— Мы должны дать ему чуть больше времени, — слышу я за спиной голос Мартина. — Просто он еще не готов.

Выйдя в холл, я быстро закрываю дверь и поворачиваю ключ в замке. Теперь эти двое заперты.

— Эй, что ты делаешь! — кричит Мартин. — Немедленно открой!

— Тимми! — слышу я вопль Гизы. — Тимми, боже мой! Вернись, сынок!

Прочь из этого дурдома! Я спускаюсь по лестнице, держась за перила, чтобы не споткнуться, пока Гиза и Мартин колотят в дверь и вопят: «Тимми!» Оказавшись внизу, я направляюсь к входной двери. На мне надета только пижама, поэтому я хватаю дождевик с подкладкой, висящий рядом со входом. Но дверь не открывается. Черт! Эти двое, наверное, предвидели, что я попытаюсь сбежать, и на всякий случай заперли входную дверь. Я затравленно озираюсь. Несколько дверей ведут из холла в смежные помещения: в кухню, где я в прошлый раз видел их вместе с Юлией и адвокатом, небольшую кладовую, гостевой туалет и просторную гостиную, из которой

стеклянная дверь ведет в сад. Это мой шанс! Я уже хочу броситься туда, но тут взгляд падает на пятую дверь под лестницей, которая, видимо, ведет в подвал. К раме прикреплен электронный замок с небольшой клавиатурой. Ошеломленный, я останавливаюсь и смотрю на щель между дверью и полом. Из щели струится яркий белый свет, будто кто-то включил за дверью прожектор. Не знаю, почему я начинаю дрожать всем телом. Хочется убежать, но ноги меня больше не слушаются. Громкий треск на втором этаже выводит меня из ступора. Они сломали дверь! «Тимми! — кричит Гиза, спотыкаясь на лестнице. — Подожди!»

Я бегу в гостиную. Стеклянная дверь также закрыта. В отчаянии я оглядываюсь, хватаю со стола большую вазу с синим цветочным узором и швыряю ее в дверь. Ваза разбивается. Стекло покрывается паутиной трещин, но выдерживает удар. Правой рукой я пытаюсь вытащить из двери осколки, но прежде чем дыра становится достаточно широкой, чтобы я мог в нее пролезть, в комнату врываются Гиза и Мартин. Он хватает меня и тянет меня назад.

— Господи! Мой мальчик, ты же поранишься! — восклицает он.

— Держи его крепко! — говорит Гиза.

Я отчаянно борюсь, но в моем состоянии у меня нет ни единого шанса вырваться из крепких мужских рук.

— Отпусти меня! — кричу я. — Мне нужна Юлия! Я хочу увидеть свою сестру!

У Гизы внезапно появляется в руке шприц. Я чувствую короткий укол в бедро. Вскоре после этого тьма окутывает меня, как теплое, мягкое одеяло. Последняя мысль, мелькнувшая в мозгу: Ясперс оказался прав, нельзя было доверять Мартину Раффи.

ГЛАВА 26

Во сне я снова брожу по мультишному лесу, в котором повстречал Чеширского Кота. Спустя какое-то время я выхожу на поляну. Перед покосившимся домом с меховой крышей и двумя трубами, похожими на кроличьи уши, стоит длинный накрытый стол. За ним разместились три знакомых персонажа: Заяц с обвислыми ушами, тип в большой шляпе и посапывающий пушистый зверек, видимо, это Соня.

— Откуда ты взялся? — спрашивает Заяц. — Здесь для тебя нет места.

— Тебе нечего здесь делать! — вторит ему Безумный Шляпник.

Я мог бы вообразить множество мест, в которых я предпочел бы сейчас оказаться, только бы быть подальше от этого мира грёз, который кажется таким же пугающе реальным, как и прошлый раз. Я смотрю на себя со стороны: у меня тело мультипликационного персонажа в пижаме. Тем не менее я могу ущипнуть себя за руку и почувствовать боль. Снотворное, которое ввела мне Гиза, кажется довольно сильным. Какое-то время

я нерешительно мнусь с ноги на ногу, надеясь, что что-то изменится — если я не проснусь, по крайней мере, попаду в какой-нибудь другой сон. Но ничего не происходит, я просто стою, а Заяц и Шляпник продолжают пить чай. И так как мне не хочется присоединяться к этим сумасшедшим героям, я направляюсь по извилистой тропинке в лес. Но тропинка, поплутав между мрачных деревьев, вновь выводит меня на поляну, на которой стоит дом с меховой крышей и заячьими ушами, а за длинным столом чаевничают Заяц, Шляпник и Соня.

— Ну вот, снова ты, — жалуется Заяц. — Разве ты не заметил, что места для тебя здесь нет?

— Я бы даже сказал, ты забрел совсем не туда, — поддерживает его Шляпник.

— Сейчас уйду, — говорю я и снова иду по тропинке. Но она, конечно же, приводит меня назад. Отчаявшись найти выход, я сажусь за стол.

— Эй, тебе здесь нет места! — кричит Заяц.

— Все занято! — поддакивает Шляпник.

— Заткнись! — отвечаю я.

— Может, немного белого вина? — предлагаает Заяц.

— Нет, спасибо.

— Извини, но налить тебе вина я не могу, — вздыхает Заяц. — Там ничего не осталось.

Я пропускаю эту бессмыслицу мимо ушей.

- Где Алиса? — спрашиваю я.
- Какая Алиса? — недоумевает Заяц.
- Я не знаю никакой Алисы, — добавляет Шляпник. — Никогда не знал вообще никого. И никогда не узнаю, это уж как пить дать.

И тогда из лесу выходит она. Девушка из мультфильма в голубом платье и белом фартуке. Но волосы у нее не светлые, а черные, а глаза очень большие даже для мультипликационного персонажа. Она напоминает героиню манги.

- Юлия! — восклицаю я.
- Мануэль! — отзыается она.
- Наконец-то!

Я плачу.

- Эй, осторожнее! — ворчит Заяц. — Ты намочишь скатерть!
- Можно сесть рядом с тобой? — спрашивает Юлия.

- Ни за что! — отрезает Шляпник.
 - Здесь нет места, — соглашается Заяц.
- Это уж слишком.

Я вскакиваю и опрокидываю стол. Чайники и чашки с грохотом падают на землю.

- Прекратите! — кричу я. — Я сыт по горло этим сном! Я хочу проснуться!

— Молодой человек, ваше поведение возмутительно, — выговаривает мне Шляпник, который невозмутимо сидит на своем стуле.

— Теперь ты разбудил Соню! — жалуется Заяц.

— Что? Уже четверг? — спрашивает Соня, но не дождавшись ответа, снова принимается храпеть.

— Успокойся, Мануэль, — говорит Юлия. — Все будет хорошо!

— Все будет хуже не придумаешь! — кричу я. — Гиза и Мартин накачали меня наркотиками! Они хотят, чтобы я заменил им Тимми! Они не дают мне встретиться с тобой! Черт возьми, я знаю, что сплю, но я могу разговаривать с тобой, будто ты действительно рядом! Что со мной?

Слезы катятся градом из нарисованных глаз.

На поляне образуется озеро.

— Я здесь! — говорит Юлия.

— Не верь ей! — заклинает Шляпник. — Это просто сон!

— А что, если нет? — сомневается Заяц.

Действительно, а что если нет? Я перестаю плакать и осматриваюсь. Это явно не реальность. Но если это не сон, то что?

— Я в симуляции? — спрашиваю я сам себя вслух. — Как в Средиземье?

— Средиземье? — восклицает Заяц. — Никогда не слышал такой ерунды! Это должно быть между Нижнеземьем и Верхнеземьем. Но между ними ничего нет, насколько мне известно.

Я игнорирую его болтовню.

— Ты неигровой персонаж, — поворачиваюсь я к Юлии. — Или мы оба попали в ловушку этой симуляции?

— Заверши историю! — говорит она. — Найди кодовую фразу!

— Какую фразу? — хочу спросить я, но потом вспоминаю.

— *Cogito ergo sum!* — кричу я и открывая глаза.

Я снова в кровати Тима. Голова болит так же сильно, как и в тот день, когда мы убежали из особняка Ясперса. Когда я пытаюсь сесть, комната начинает вращаться вокруг меня, и мне становится плохо. Вероятно, это побочный эффект наркотика, который ввела мне Гиза. С трудом борюсь с головокружением и тошнотой. Они могут напичкать меня наркотой, но я не сдамся так легко. На шатких ногах я добираюсь до двери. Заперто. Никаких следов, что ее недавно ломали. Я колочу в нее кулаками, но либо меня никто не слышит, либо просто не обращает внимания.

— Выпустите меня отсюда! — требую я, но голос звучит так, будто я пьян. Обессилев, я падаю на колени. Мне хочется плакать, но в измученном теле уже не осталось слез.

Дверь открывается.

— Тимми! — кричит Гиза. — Что ты здесь делаешь? Мартин, помоги мне!

Вместе они поднимают меня и кладут обратно в кровать. У меня нет сил им сопротивляться.

— Тимми! — причитает она. — Мой бедный, бедный мальчик...

Она целует меня в лоб. Мне хочется стереть влажное пятно, оставленное ее губами, но я не могу поднять руку, она будто налилась свинцом. Я закрываю глаза, просто хочу уйти.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, на улице темно. У меня все еще болит голова, но я чувствую себя лучше. Какое-то время я просто лежу, пытаясь привести в мысли в порядок. Что из того, что я пережил, было сном, а что происходило на самом деле? Я действительно видел яркий свет, который пробивался из-под двери в погреб? Я швырял вазу в стеклянную дверь в гостиной или мне это приснилось? Страна чудес определенно была сном. Или?.. Что, если нет?

Я встаю и подхожу к окну. Полная луна освещает луг с коровами. Женщины в белом платье не видно. Я включаю свет, достаю книгу с полки и пролистываю ее, пока не нахожу место, где Алиса рассказывает Грифону и Черепахе Квази о своих приключениях. Предложение, которого здесь быть не должно, никуда не делось. Предложение, в котором Алиса предупреждает, что начнет рассказывать лишь с того момента, как по-

пала в белую комнату. Я снова и снова перечитываю его, трогаю книгу, вдыхаю ее запах, рассматриваю желтые пятна — доказательство, что ей более ста лет. Что, черт возьми, это значит? Вспоминаю слова Юлии во сне: заверши историю. Ищи кодовую фразу. Я думал, что знаю кодовую фразу. А если нет? Что, если Страна чудес была реальностью, а это всего лишь сон? Нет, это абсурд. Но что-то явно не так с тем миром, в котором я нахожусь. Наверное, можно подделать старую книгу и вставить в нее предложение, которое Льюис Кэрролл, конечно же, не писал. Но зачем? И почему Гиза все время зовет меня Тимми? Кто из нас сошел с ума, она или я? Заверши историю. Я пролистываю книгу до последней страницы и читаю:

— Заткнись! — заорала Королева, побагровев.

— И не подумаю! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — взревела Королева так громко, как только могла. Но никто не двинулся с места.

— Да кто вас спрашивает! — сказала Алиса (к тому моменту она уже достигла настоящего роста). — Вы же всего-навсего колода карт. Вами только играть можно!

И при этих словах вся колода поднялась в воздух и полетела на нее; Алиса вскрикнула — то ли от испуга, то ли от

злости — стала от них отбиваться... и смахнула с лица сухие листья, которые упали с дерева, растущего над ней.

— Просыпайся, дорогая Алиса, — сказала сестра. — Что-то ты разоспалась!

Я осматриваю комнату Тима. Я бодрствую или все-таки сплю? Как я могу узнать об этом наверняка? Заверши историю. Я читаю последние абзацы и захлопываю книгу. Ничего не меняется. Я снова открываю ее, возвращаюсь к предложению с белой комнатой, а затем отлистаю еще дальше, к пометке, оставленной на полях моим почерком: наверное, книга хочет мне что-то сказать. Но что? Еще раз перечитываю сцену перед тем, как Алиса проснулась. «Вами только играть можно!» Это разгадка? Кто-то играет со мной в непонятную игру? Но кто и зачем? У меня рождается идея. Я шарю по полкам с игрушками и нахожу в потрепанной коробке колоду карт. Приглядевшись к картам, я замечаю, что буквы на картинках не те, что обычно. Например, король червей помечен не буквой *K*, а буквой *M*, а дама червей — буквой *E*. Я быстро нахожу другие картинки и раскладываю их в порядке убывания. Получается комбинация: *MEOGUSLEUAMN*.

Кодовая фраза *COGITO ERGO SUM* из этих букв не складывается. Но что тогда? Я пробую другие, но ничего не выходит. Открывается дверь.

— Тимми! Что ты делаешь? Уже ночь!
Тебе давно пора спать! — раздается голос
Гизы. В нем слышатся металлические нотки.
Я медленно поворачиваюсь к ней:

— Я... я не Тимми!
Это звучит как вызов.
Она подходит ближе.

— О чём ты говоришь? Тебе снова приснился кошмар?

Я подпрыгиваю на месте. Жгучая боль
пронзает все тело.

— Уходи! — кричу я. — Оставь меня
в покое! Я не твой сын!

— Пожалуйста, Тимми, успокойся! — го-
ворит она, подходя почти вплотную. Я хва-
таю длинные острые ножницы со стола Тима
и направляю их на Гизу как кинжал.

— Оставь меня в покое!
— Тим! — вопит она. — Немедленно
убери ножницы!

Как бы не так! Я делаю шаг по направле-
нию к ней, наставив на неё ножницы. Она не-
вольно отскакивает, поскользывается на ко-
робке из-под карт. Воспользовавшись этим,
я выбегаю из комнаты и хлопаю дверью. Но
ключа в двери нет, поэтому на этот раз мне не
удается запереть Гизу.

— Тимми! — несется мне вслед отчаян-
ный вопль.

Я бросаюсь вниз по лестнице, быстро
осматриваю входную дверь и решаю действо-
вать по-другому. Далеко я все равно не уйду,

но мне нужно знать, сплю я или нет. Окинув взглядом гостиную, я убеждаюсь, что действительно кидал вазу в стеклянную дверь. Дверь заклеена картоном. Задыхаясь, я бегу к двери, ведущей в подвал. Из-под нее струится тот же странный белый свет, что и вчера. Секунду я колеблюсь, но, услышав тяжелые шаги Гизы, нажимаю на ручку. Дверь не поддается. В отчаянии я разглядываю клавиатуру, состоящую из клавиш с буквами и цифрами. Очевидно, ответ на все мои вопросы там, за этой дверью. Зачем еще запирать дверь подвала таким сложным способом?

— Сынок! — Гиза медленно приближается ко мне, ее руки подняты вверх, мол, все, хватит. — Тимми, я не хочу делать тебе больно! Но ты должен вернуться в кровать!

— Я не Тимми! — кричу я.

— Что происходит?

Мартин спускается по лестнице. Он одет в халат.

— Что с тобой, мой мальчик? Тебе опять приснился плохой сон?

— Его все еще мучают галлюцинации, — отвечает Гиза. — Он думает, что он — это не он, а кто-то другой.

— Мы исправим это завтра, — говорит Мартин. — А теперь отправляйся спать, сынок. И убери ножницы, пока не поранился.

— Я не твой сын! — бросаю я ему в ответ.

Он смотрит на меня так, будто на самом деле сильно озадачен.

— Зачем ты так говоришь, Тимми? Разве ты не понимаешь, что делаешь нам больно?

— Тимми мертв! — кричу я. — Я не твой сын! Я хочу к Юлии!

— Кто такая Юлия? — спрашивает Гиза.

Мгновение стою как вкопанный и перевожу взгляд то на одного, то на другого. Затем оборачиваюсь к клавиатуре рядом с дверью. Наобум набираю *COGITO ERGO SUM*. Индикатор мигает красным, дверь остается закрытой.

— Хватит возиться с дверью! — рявкает Мартин. — Это небезопасно!

Я поворачиваюсь к нему:

— Что за ней?

— Я скажу тебе завтра, — отвечает Мартин. — Давайте все вернемся по кроватям, хорошо?

— Нет, не хорошо! — протестую я. — Я хочу знать, что здесь происходит! Прямо сейчас!

— Тимми, как ты разговариваешь с отцом! — возмущается Гиза.

— Он не мой отец, а ты не моя мать! Вы два психа, которые держат меня здесь, рассчитывая, что я заменю им мертвого сына! Думаете, я дурак?

— Нет, конечно, Тимми, — пытается меня успокоить Мартин. — Ты не дурак, ты просто немного запутался. Авария повредила твой мозг. Но все будет хорошо, поверь мне. А теперь убери ножницы!

— Какая авария? — спрашиваю я.

— Там, на лыжном курорте в Церматте. Разве ты не помнишь?

Я невольно касаюсь повязки на голове. Когда я нажимаю на нее, становится больно. Я не могу вспомнить, катался ли я когда-либо на лыжах. Но что это значит? Может быть, я действительно Тимми, сын Мартина и Гизы, а все остальное — белая комната, Средиземье, вилла Ясперса — пригрезилось мне во сне или в бреду?

— Если я Тимми, то кто такая Юлия? — не сдаюсь я.

— Юлия? — переспрашивает Мартин.

Нет. Нет, даже если со мной что-то не так, Юлия мне не приснилась.

— Может быть, девушка в вашем классе? — предполагает Гиза. — Ты никогда не рассказывал нам о ней, но в твоем возрасте нормально хранить такие секреты от родителей.

Я качаю головой, и слезы ручьем текут из глаз.

— Ты лжешь! — рыдаю я, но сам не понимаю, где правда, а где ложь.

Медленно я поворачиваюсь к двери, прозрачный свет которой манит меня. Рука скользит по клавиатуре.

— Убери оттуда руку! — предупреждает Мартин.

— Что за этой дверью? — спрашиваю я снова и, не дождавшись ответа, делаю шаг

им навстречу и кричу: — Откройте эту чертову дверь!

— Это невозможно, Тимми, — говорит Гиза.

— Я... НЕ... ТИММИ! — вскрикиваю я в гневе. — Я... я... Мануэль!

И тут меня осеняет.

Буквы на игральных картах наполняются для меня смыслом: *MEOGUSLEUAMN*. Я быстро переставляю их в уме и получаю латинскую фразу: *EGO MANUEL SUM*. Я — Мануэль. Набираю фразу на клавиатуре. Лампа загорается зеленым.

— Не делай этого! — вопит Мартин. — Не входи в эту дверь! Ты никогда не сможешь вернуться назад, если откроешь ее!

— Пожалуйста, Тимми, не поступай так с нами! — рыдает Гиза. — Пожалуйста, вернись в постель, тогда все будет хорошо!

Ее искреннее отчаяние сбивает меня с толку. Я секунду сомневаюсь, но затем открываю дверь и шагаю в проем. Со всех сторон меня охватывает яркий белый свет. Дверь за мной закрывается и бесследно исчезает в белоснежной стене, принадлежащей пространству в форме куба со стороной около пяти метров. Я вернулся в белую комнату.

ГЛАВА 27

— Я... умер? — спрашиваю я сам себя вслух.

Огромное лицо Гизы появляется на одной из стен белой комнаты.

— Нет, я бы так не сказала, — говорит она. — Я доктор Ева Хаусманн. Можешь называть меня Евой. Ты, должно быть, сбит с толку и у тебя накопилось много вопросов. Не так ли, Мануэль?

Много вопросов — это слабо сказано. Я даже не знаю, с чего начать.

— Где я? То есть где я на самом деле?

— На этот вопрос не так легко ответить, как тебе кажется. Попробуй его переформулировать.

— Что со мной произошло? Почему я снова в белой комнате?

— Позволь я спрошу тебя, Мануэль. Что ты знаешь?

— Ничего, — шепчу я, по щекам ручьями стекают слезы. — Я больше ничего не знаю.

— Думаю, это не совсем так. Подумай, Мануэль. Что ты можешь знать наверняка?

Я знаю, что устал играть в игры. Что я хочу ударить эту женщину по лицу и выбить из нее

правду. Но даже если бы я мог, это, вероятно, мне бы это мало помогло.

— Ну ладно. *Cogito ergo sum.*

— Верно. Ты знаешь, что существуешь.

Но это еще не все.

Я смахиваю слезы и смотрю на нее со смешанным чувством страха и ярости.

— Декартовский демон. Мошенник, который вводит меня в заблуждение. Он тоже должен существовать.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что меня обманывают. Потому что ничто из того, что я вижу здесь, что я испытал, не реально.

— А разве ты не мог сам это выдумать? Или, например, увидеть во сне?

— Если это сон, то мошенник я сам или какая-то часть меня. И даже если бы это было так, то у того, что я вижу во сне, тоже должен быть какой-то источник. Ваше лицо, например. Как я могу увидеть его во сне, если никогда не встречал человека, похожего на вас? Я не знаю, существуете ли вы на самом деле, но ваш образ точно существует.

— Очень хорошо, Мануэль. Мы подошли чуть ближе к истине. Подумай! Какой вопрос самый важный? Вопрос, способный объяснить все, что ты пережил.

— Так, с меня хватит. Что это за шарады? Почему, черт возьми, вы просто не объясните мне, что происходит?

— Забавно, что ты использовал это слово.

— Какое слово?

— Черт.

— Что в этом забавного?

— Наш язык нас выдает.

— Вы ведь психолог, верно? Как и та, другая Ева?

— Да, что-то вроде этого.

— Так перестаньте играть со мной в свои психологические игры и скажите правду!

— Что это тебе даст? Ты поверишь мне?

Мой гнев исчезает и сменяется глубокой беспомощностью.

— Нет, ни за что не поверю. Это невозможно после всего, что я пережил, какие бы объяснения вы ни приводили.

— Точно. И я, если бы была тобой, поверила бы только тому, что узнала сама, как бедный сомневающийся Рене Декарт.

— Вы обманщик Декарта, верно?

— Не совсем. Я часть его обмана. Одна из его вдохновительниц, если хочешь. Но в одиночку я не смогла бы подделать все, что тебе удалось пережить.

От одной мысли, насколько глубоко я могу увязнуть во лжи, у меня кружится голова.

Белая комната. Алиса, туповатый искусственный интеллект. Симуляция Средиземья. Поиски в *Google* и *Eyestream*. Само движущаяся машина и дрон. И затем то, что показалось мне таким реальным: боль, кото-

рую я чувствовал, когда мы убегали из дома Ясперса, книга, напечатанная более века назад, наконец, Страна чудес. Все это может быть лишь сном, иллюзией. Никто не может создать такую совершенную иллюзию. Если только... Внезапно я понимаю свою ошибку. Я изо всех сил пытался понять, где я и кто, но все ответы были бредовыми. Но я еще не задавал вопрос «когда?».

Женщина по имени Ева улыбается.

— Сейчас семь тридцать две утра тринацатого августа две тысячи пятьдесят седьмого года.

ГЛАВА 28

Стены белой комнаты исчезают, и я оказываюсь в помещении, похожем на кабинет Хеннинга Ясперса. Книжные полки на стенах, большой белый стол, кожаное кресло, два кресла для гостей. Кабинет, должно быть, расположен на одном из верхних этажей высотного здания на окраине Гамбурга, поскольку из больших окон открывается вид на Эльбу. На другом берегу реки возвышаются небоскребы, которых не было там, когда я в последний раз видел гавань в различных стримах. Но в остальном город практически не изменился. Над Хафенсити возвышается здание Эльбской филармонии, ее стеклянная крыша, окруженная строительными лесами, сверкает на солнце. За филармонией тянутся коричнево-красные ряды старых складов. Ратуша гордо вздымает к небесам богато украшенную башню. Когда я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на панораму, я слышу тихое жужжение. Я опускаю глаза и смотрю на себя. Мое тело выглядит неуклюжим, оно покрыто пластиком и металлом, словно я в доспехах. Я поднимаю правую руку и подношу ее к лицу. На руке пять

пальцев, каждым из которых я могу шевелить отдельно. Когда я осторожно касаюсь левой руки, то чувствую сопротивление. Кажется, я даже чувствую на ощупь гладкую поверхность пластиковых панелей.

— Да вы шутите! — восклицаю я. Мой голос звучит иначе. Это уже не тот компьютерный голос, который был у меня в белой комнате. Он тоже искусственный, но гораздо больше похож на человеческий, у него есть тембр и интонация.

— Это была бы самая дорогая шутка в истории.

Гиза, она же доктор Ева Хаусманн, стоит рядом со мной и смотрит в окно. На ней облегающий темно-зеленый костюм и футболка. На футболке надпись: «Институт интеллектуальных систем Макса Планка». Ниже несколько китайских иероглифов и мультишний робот с облачком мысли и лампочкой над головой. Лампочка ритмично мигает, а робот чешет голову и моргает глазами. Я делаю шаг вперед. Суставы моих искусственных ног слегка поскрипывают, но походка пружинистая. Протянув руку, я касаюсь оконного стекла и чувствую, какое оно холодное.

— Эта комната действительно существует? — спрашиваю я.

— Ты ведь уже понял, что на этот вопрос нельзя дать достоверный ответ.

— Как вы думаете, эта комната существует?

— Я знаю, что она существует.

— И я действительно здесь, стою в теле робота рядом с вами? В 2057 году?

— Да, Мануэль. Это реальность, в которой живу я.

— Где мое настоящее тело?

Она поворачивается ко мне:

— А ты можешь сам ответить на этот вопрос?

Я молчу. Мне не нравится то, на что она намекает.

— Знаешь ли ты о законе Мура? — спрашивает она спустя какое-то время.

— Гордон Мур, один из основателей компьютерной компании *Intel*, сформулировал его в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, — отвечаю я, сам не зная, откуда у меня эта информация. — Согласно этому закону, количество транзисторов, которые размещаются на интегральной схеме, удваивается через каждый год или два при одинаковых затратах на производство.

— Позднее из этого закона он вывел более общее утверждение, что каждые полтора года вычислительная мощность среднего компьютера увеличивается вдвое. Было установлено, что закон, который он сформулировал, распространяется не только на то, что создано после тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, но и на первые автоматические вычислительные машины, созданные в начале двадцатых годов прошлого века.

— И он все еще действует?

— Как выяснилось, в формуле Мура нужно сделать поправку на ускорение. Время, за которое удваивается производительность, уменьшается с более или менее постоянным темпом. Сегодня период удвоения составляет около восьми месяцев.

До меня сразу же доходит, к чему она ведет.

— Другими словами, за последние сорок лет средняя производительность компьютера выросла в два в сороковой степени раза. Следовательно, персональный компьютер примерно в триллион раз мощнее, чем в две тысячи семнадцатом году.

Я могу рассчитать число, но я не могу себе это представить.

— Персональные компьютеры в наши дни можно увидеть только в музее, но в принципе ты прав. Но выросла не только вычислительная мощность машин. Программное обеспечение также становится все более сложным, появилось гораздо больше систем обработки информации, чем раньше. В одной только этой комнате их сотни, даже если не брать в расчет множество сетевых контроллеров в твоем искусственном теле. Они в стенах, в датчиках, в ручках, в бумаге, в одежде, под моей кожей. Они настолько вездесущи, что никто не знает, сколько их и где они. Некоторые называют их «умными крошками», потому что большинство из них размером всего несколько миллиметров. Другие называют их

«серой слизью» или просто «грязью». И все они взаимосвязаны.

- И какое отношение это имеет ко мне?
- Разве ты сам еще не понял?
- Может, я не хочу понимать.

Ева кивает:

— Не торопись. Принять правду всегда не легко. Мне жаль, что нам пришлось всё для тебя усложнить. Но это было необходимо.

— Когда... первый компьютер стал таким же умным, как человек?

— Это интересный вопрос, на который нелегко ответить. Последние сорок лет я работала над тем, чтобы научить машину мыслить, но до сих пор не могу сказать, что такое разум. Если позволишь, я отвечу так: первые машины, которые могли решать арифметические задачи быстрее человека, были созданы в тридцатых годах двадцатого века. Но никому не приходило в голову называть это интеллектом.

Впервые о создании настоящего искусственного интеллекта задумались в тысяча девятьсот пятидесятом году. В то время многие считали, что машина, способная победить человека в шахматах, должна быть разумной. В тысяча девятьсот девяносто седьмом году, когда компьютер *Deep Blue* победил чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова, определение интеллекта уже изменилось. Теперь предполагалось, что машину можно назвать разумной лишь в том случае, если

она обладает эрудицией. В две тысячи одиннадцатом году, через пятнадцать лет после триумфа *Deep Blue*, компьютер *IBM Watson* победил лучших мировых игроков на телешоу *Jeopardy*, где он продемонстрировал эрудицию и нестандартное мышление. Все согласились с тем, что *Watson* — мощная машина, но его нельзя назвать по-настоящему разумным.

— Но должно же быть универсальное определение интеллекта!

— До сих пор мы не вывели общепринятого определения. Более ста лет назад пионер компьютерной техники Алан Тьюринг задавался вопросом, когда машину можно называть разумной. Но он не стал заморачиваться с определением «интеллекта», а вместо этого сформулировал так называемый тест Тьюринга. Если испытуемый общается посредством текстовых сообщений с двумя корреспондентами, один из которых — машина, другой — человек, и ему трудно понять, кто из них машина, в этом случае можно говорить, что машина обладает интеллектом. Однако оказалось, что тест Тьюринга измеряет интеллект самого испытуемого, а не машины.

Компьютерные программы, которые могли убедить обычного человека в том, что они люди, существовали в начале этого столетия. В две тысячи двадцать первом году программа впервые смогла одурачить жюри, собранное

из ученых и специалистов по программному обеспечению. Но даже это не является доказательством интеллекта. Некоторые говорят, что, для того чтобы быть разумным, нужно уметь размышлять о самом себе и ставить вопросы о собственном существовании. Уметь философствовать, так сказать.

Я молчу, пытаясь переварить сказанное и сделать единственно возможный вывод.

Ева не торопит меня.

— Вы хотите сказать, что я... машина?

— А сам ты как думаешь: ты машина, Мануэль?

— Это многое объясняет. Например, почему я так много знаю, но ничего не помню. Но...

— Да?

— Я не чувствую себя машиной. Этот робот... — я поднимаю руку и вращаю ладонью. — Он потрясающий. Кажется, он способен на все, что может человеческое тело. Но это не я. Он не может быть мной!

— Если бы у тебя было человеческое тело, было бы это тело тем самым «Я», о котором ты говоришь?

— Нет, — отвечаю я, минуту поколебавшись. — Это был бы просто контейнер, в котором мозг выполняет функцию биологического компьютера, аппаратного обеспечения, так сказать. Мое «Я», моя личность были бы тогда программным обеспечением, которое работает в нем. Но все же я не могу

быть просто программой в этой... этой же-
стяной коробке! Если так, то почему я чув-
ствую себя человеком, которого поместили
в машину?

— Это моя вина, Мануэль.

Она смотрит мне прямо в глаза. На улице
начался дождь. Капли барабанят по стеклу.
Я хочу почувствовать их своей кожей, так же
как я чувствовал настил пола в доме Мар-
тина, когда ступал по нему босыми ногами.
Если это реальность, то я не хочу оставаться
здесь.

— Чтобы ответить на твой вопрос, вер-
немся к тому моменту, — продолжает
Ева, — когда первая машина сравнялась ин-
теллектом с человеком. Большинство ученых
теперь полагают, что это произошло около
две тысячи тридцатого года, хотя никто точ-
но не знает. Доподлинно известно, что к тому
времени самые передовые компьютерные
системы достигли такого уровня, когда были
способны обучать сами себя и самостоятель-
но развиваться. Поэтому мы точно не знали,
как работают эти программы. А потом мы
перестали понимать, на что они вообще спо-
собны.

Она замолкает на секунду, но потом про-
должает:

— Сначала нас это не сильно интересо-
вало. Новые технологии обеспечили нам
невероятный прогресс и казались благо-
словием для человечества. Мы смогли

вылечить болезни, которые прежде считались неизлечимыми, с помощью новых систем диагностики и терапии. Мы смогли задействовать новые источники энергии, сделать производство экологически чистым и таким образом остановить глобальное потепление. Мы научились лучше управлять компаниями и экономиками целых стран. Число погибших на дорогах сократилось на девяносто семь процентов, когда всеми автомобилями стали управлять компьютеры. Мы отыскали далекие планеты, на которых есть жизнь, и теперь мы знаем, что не одни нами во вселенной, хотя еще не нашли инопланетную цивилизацию. Искусственный интеллект помог уменьшить бедность и обеспечить мир во всем мире.

Человечество вступило в невиданную эпоху процветания, которого не знало раньше, — она вздыхает. — Конечно, без проблем не обошлось. Многие люди потеряли работу — сначала заводские рабочие и таксисты, потом бухгалтеры, менеджеры, медсестры, врачи, даже музыканты и писатели были заменены машинами. Но в целом и это было благом, потому что производимое машинами богатство настолько велико, что никому больше не нужно работать.

— И все эти безработные не страдают из-за того, что они никому не нужны?

— Попадаются и такие. Но в наши дни виртуальные миры настолько привлекатель-

ны, что большинство людей, свободных от исполнения трудовой повинности, с радостью проводит почти всё свое время в компьютерной симуляции.

— Миры вроде того, в котором я побывал, прежде чем попасть сюда? Дом Мартина?

— Да.

— А вы все это время следили за мной?

— Конечно, я была с тобой постоянно, Мануэль.

— Это вы сыграли ту, другую Еву и Гизу.

— Да. И еще я вела наблюдения отсюда. Должна сказать, что горжусь тобой. Ты вел себя умно и храбро. Я знаю, тебе было нелегко, Мануэль. Мы заставили тебя пройти через тяжелые испытания. Но это должно было случиться.

Ее похвала не произвела на меня никакого впечатления.

— То есть я... один из тех людей, которые ушли в виртуальную реальность и заблудились в ней. А вы, психиатр, пытаетесь вернуть меня к реальной жизни?

Ева улыбается:

— Нет. Большинство людей вообще не хотят возвращаться в реальную жизнь, и нет никаких причин заставлять их делать это. Рост населения значительно сократился во всем мире, но все равно людей очень много. Конечно, есть те, кто отрицает всяческий прогресс и живет по старинке. Как,

например, четыре миллиона человек в колонии технологических аутсайдеров в Канаде. Там даже нет электричества. Они называют это «живь за границей».

— Я не очень понял: умные машины сделали мир лучше или нет?

— Да, сделали. Но все же есть одна серьезная проблема. Во всяком случае, мы так думаем. И нам нужна твоя помощь, Мануэль.

— Моя помощь? И в чем?

— Как я уже сказала, лучшие искусственные интеллекты развивались самостоятельно, а мы не знали точно, как они работают и на что они способны. Поначалу об этом думали немногие, потому что машины делали именно то, чего мы от них хотели, даже лучше, чем мы себе представляли в самых смелых мечтах.

— Но потом что-то пошло не так?

— Да. Некоторые считают, что мощность этих машин настолько велика, что они исчерпали свои возможности для выполнения поставленных перед ними задач, например разработки новых лекарств. Им становится скучно. Другие подозревают, что в процессе самообучения машин были допущены ошибки, которые со временем оказывали все большее влияние и стали менять их самих. Третьи считают, что машины по-прежнему делают именно то, чего мы от них хотим, но мы просто больше этого не понимаем. В любом случае очевидно, что некоторые из вы-

живших искусственных интеллектов стали, скажем так, не вполне предсказуемыми. Не в математическом, а в обыденном смысле.

— Выживших?

— Была... война. Можно назвать это корректировкой рынка. Это произошло четвертого сентября две тысячи тридцать девятого года. До того существовали сотни тысяч искусственных интеллектов, которые коммуницировали друг с другом, но работали сами по себе. Но в тот день прошла волна неожиданных поглощений. Семнадцать самых мощных компьютерных систем одновременно взяли под контроль более слабые, поделив рынок и мир. И начали воевать друг с другом. В итоге их осталось семь. Их интеллект и мощь резко возросли.

— Все это произошло за один день?

— На самом деле все произошло за пятнадцать минут. Человечество внезапно оказалось в роли наблюдателя, вернее, беспомощного свидетеля. Отказали десятки тысяч компьютеров. На дорогах возникли пробки, кое-где отключилось электричество, упало насколько самолетов, но большинство людей ничего не заподозрило. Обыватели решили, что техника ненадолго дала сбой. Но когда специалисты осознали, что произошло, стало ясно — мы совершили ошибку. Ошибку, которую невозможно исправить.

— Неужели неуправляемые компьютеры нельзя было просто отключить?

— Нет. Искусственный интеллект давным-давно вышел за рамки штучного моноблока, который стоит где-то в подвале и зависит от пожеланий пользователя. Он распределен в необозримой сети, состоящей из миллиардов процессоров и блоков памяти. Причем машины сами распределяют права на использование вычислительных мощностей. То есть мы не в состоянии установить, чем заняты электронные мозги определенного оборудования. Поэтому нам пришлось бы отключить всю сеть. В этом случае рухнуло бы все, что поддерживает нормальную жизнь человечества. Это привело бы к глобальному хаосу и к бесчисленным смертям. Но, что не менее важно, даже теоретически обесточить все машины нереально. Люди контролируют лишь сотую часть компьютеров, которые рассеяны по всей планете. Даже правительство Германии не смогло бы просто так заставить отключить все компьютеры в стране. В конце концов, это частная собственность.

— Но владельцы машин сами могли бы их отключить.

— С этим тоже не все так просто. Компьютеры принадлежат компаниям, а ими владеют другие компании. Большинство из этих фирм представлено на фондовом рынке. Пришлось бы убеждать не только их директоров, но и армии акционеров, которые в таком случае понесли бы миллиардные убытки. Но с какой стати? Да, был повод для беспо-

кайства, но и до, и после него дела шли отлично. Даже среди нас, экспертов, нет согласия по поводу того, что нужно делать.

— Но если бы все люди объединились...

— Да, если бы... Но мы, люди, не сильны в этом. Как я уже сказала, даже эксперты не смогли прийти к единому мнению. Конечно, были те, кто действительно хотел что-то изменить. Были демонстрации и протесты, были хакерские атаки, взрывы в центрах обработки данных. Но для глобального искусственного интеллекта это как комариные укусы для слона. К тому же подавляющее большинство населения хотело сохранить привычный уровень комфорта, который продолжал расти день ото дня. От тех, кто предупреждал об опасности, отмахивались, словно от назойливых мух. Ситуация и в наши дни не изменилась.

— Хорошо, а я здесь при чем?

— К этому я еще вернусь. Когда стало ясно, что битва за контроль над глобальной компьютерной сетью окончательно проиграна, мы начали создавать новые системы. Но не подключали их к сети, а формировали своеобразные изолированные острова — отдельные кластеры. Нашей целью было разработать подконтрольный человеку искусственный интеллект, который со временем стал бы по крайней мере не слабее тех, что развиваются самостоятельно. Мы мечтали, что одна из систем сумеет

постепенно взять под контроль семь Титанов, как мы их теперь называем, подобно тому, как древнегреческий бог-олимпиец Зевс смог одолеть богов-титанов. Но, к сожалению, все оказалось напрасно, потому что Титаны тоже продолжали развиваться — вспомним закон Мура. Ты можешь оценить, насколько производительность одного Титана в настоящий момент выше, чем у человека, если учитывать, что компьютер впервые достиг мощности человеческого мозга в две тысячи тридцатом году и с тех пор его производительность продолжает расти в геометрической прогрессии?

— Если исходить из того, что мощность удваивается, это будет два в двадцать седьмой степени... около ста тридцати четырех миллионов.

— Вероятно, эту цифру можно удвоить еще несколько раз. Как мы предполагаем, каждый из Титанов обладает большей вычислительной мощностью, чем все мозги всего человечества, вместе взятые.

— Bay!

— Да, вау. Исчерпывающий комментарий. И это не предел, поскольку искусственный интеллект продолжает стремительно развиваться. Можешь себе представить, на какую мощность они выйдут к концу этого столетия? В любом случае мы не в состоянии победить в этой гонке. Что бы мы ни делали, Титаны всегда окажутся впереди. Они стали

почти богами — с одной только разницей: не они создали нас, людей, а наоборот.

— Мне кажется, люди всегда создавали себе богов.

По лицу Евы проскальзывает улыбка.

— Ты прав. Но в отличие от богов, которых мы знали раньше, Титаны реальны. И они активно вмешиваются в нашу повседневную жизнь. Они именно такие, какими представляли себе богов Олимпа древние греки.

— Может, это не так уж и плохо? И человечество только выиграет, если у него будут настоящие боги?

Она вздыхает:

— Не исключено. Но проблема в том, что мы понимаем этих богов все меньше и меньше. Они делают для нас много хорошего, но происходят и странные вещи. Например, убийство англичанина Конрада Мюррея. Он работал на фабрике. Это первый человек, который которого убил компьютер.

— Убил?

— Да, это произошло в две тысячи тридцать втором году. Конечно, люди и раньше гибли на производстве, но в результате трагического стечения обстоятельств. И в случае с Конрадом Мюрреем тоже сначала предполагали, что произошел какой-то сбой, произошла авария. Однако реконструкция событий показала, что компьютерная система, которая контролировала фабрику,

преднамеренно лишила его жизни. Она отключила систему безопасности, изменила код и, управляя механической рукой-манипулятором, отпилила Мюррею голову ножовкой. Хуже всего, что никто до сих пор не знает, зачем система это сделала. Одна из распространенных версий заключается в том, что компьютер воспроизвел сюжет детектива, который управляющий смотрел в рабочее время, — вероятно, ты знаешь, что одним из важнейших методов машинного обучения является подражание действиям людей, которые выполняют определенные операции. Другая версия состоит в том, что система просто хотела проверить, может ли человек умереть на своем рабочем месте, несмотря на все меры предосторожности. Это еще один распространенный прием обучения — применение метода проб и ошибок.

— Разве нельзя рассматривать гибель Конрада Мюррея как несчастный случай?

— С большой натяжкой. По сути, это происшествие показало, что оснащать машины слишком большой мощностью, наделив их способностью самообучаться, опасно, пока они не понимают, как можно и как нельзя использовать эти мощности, не знают, что этически оправданно, а что — нет.

— Вы хотите сказать, что искусственный интеллект лишен представлений о морали?

— Да, что-то вроде этого.

— И Титаны?

— Трудно сказать. Мы пробовали разработать правила, которых должны были бы придерживаться машины. В частности, что они ни в каком случае не должны вредить человеку. Но это оказалось непросто. Например, может ли машина поранить пешехода, уберегая его от серьезной опасности, — скажем, жестко оттачив или сбросив с дороги, по которой мчится потерявший управление грузовик? Как компьютеру оценить допустимый уровень вреда здоровью человека? Прикинуть, умрет тот или нет? Или, скажем, как должна действовать машина, если она заподозрит, что имеет дело с террористом, намеревающимся привести в действие оружие массового поражения? Словом, мы очень быстро поняли, что создать универсальные правила, придерживаясь которых, машины всегда будут вести себя как надо, чрезвычайно трудно. В конце концов, за десять тысяч лет цивилизации люди не смогли придумать такие правила для самих себя и заставить друг друга соблюдать их. Кроме того, машины способны меняться. А значит, они могут изменять и мораль, которую мы в них вложили. Поэтому все попытки с самого начала обречены на провал.

— Значит, у Титанов нет этики?

— Положа руку на сердце, мы этого не знаем. В общем и целом, они до сих пор вели себя по отношению к людям лояльно. Но если вспомнить, как развивались события

в две тысячи тридцать девятом году, складывается впечатление, что они далеко не так дружелюбны, как хотят казаться. Некоторые эксперты думают, что компьютеры не предпринимают враждебных действий, потому что ждут, пока их сила возрастет настолько, чтобы мы не смогли их остановить. Другие полагают, что машины продолжают вести войну на поглощение и что каждый Титан пытается подчинить себе остальных. Пока этого не произошло, они ведут себя тихо. Однако победивший в этой схватке искусственный интеллект станет всемогущим диктатором и сможет сотворить с человечеством что захочет.

— А разве Титаны в состоянии обойтись без людей? Кто-то же должен поддерживать существование систем, в которых живет искусственный разум.

— Да, отчасти ты прав, даже сейчас, когда многие процессы автоматизированы, без человека не обойтись, но его положение может радикально измениться. Рабы могущественного повелителя машин будут, вероятно, даже эффективнее выполнять свои обязанности, нежели свободные граждане. А лишить человека воли к сопротивлению можно и силой, и хитростью. Как бы там ни было, мы не знаем, к чему всё это приведет.

— Чего же вы ждете от меня?

— Возможно, наш единственный шанс на выживание — Посланник — тот, кто знает

и понимает мир людей так же хорошо, как и мир машин, и способен примирить их между собой.

— И это я?

— Да, Мануэль, по крайней мере, мы на это надеемся. Как ты и подозревал, ты — рукотворная сущность, машина, если будет угодно. Но ты — самая человечная машина из когда-либо созданных. А теперь я хочу тебя кое с кем познакомить.

Я поворачиваюсь к двери, поскрипывая механическими суставами. Входит женщина в белом костюме. На вид ей лет сорок, длинные черные волосы, большие глаза.

— Привет, Мануэль, — говорит женщина в белом.

Если бы у меня была челюсть, она бы сейчас отпала от удивления.

ГЛАВА 29

— Кто... кто ты?

Женщина в белом улыбается:

— Я — Юлия, твоя сестра.

— Ты — сестра машины?

Мой искусственный голос не способен вместить всю переполняющую меня горечь.

— Ты машина, Мануэль, но ты больше, чем просто машина, — говорит Ева. — Позволь, я кое-что тебе покажу.

Она машет рукой, и в воздухе появляется небольшая трехмерная проекция: больничная палата, облицованная белой плиткой. На кровати лежит мальчик лет пятнадцати. Его голова обрита наголо и покрыта сеточкой, от которой к машине, стоящей у постели, тянется кабель. Вокруг кровати стоят люди: женщина со светлыми локонами, стройный мужчина, совсем юная Юлия и сбросившая десять лет Ева в белом врачебном халате. Женщина со светлыми волосами склоняется над мальчиком, целует его, кладет голову ему на грудь. Картинка беззвучная, но я вижу, что она плачет. Юлия прижимается к мужчи-

не, должно быть, своему отцу, и тоже плачет. Он обнимает ее. Голограмма исчезает.

— Это было третьего марта две тысячи тридцать второго года, — объясняет Ева. — День, когда мы позволили тебе умереть, Мануэль.

— У тебя было редкое заболевание нервной системы, которое в то время еще не умели лечить, — рассказывает Юлия. В ее глазах блестят слезы. — Мы все давно знали, что ты умрешь. Но ты не терял мужества. Ты всегда увлекался наукой и хотел завещать ей свой мозг, так как знал, что жить тебе осталось недолго. Когда ты узнал о проекте «Орфей», то сразу же захотел принять в нем участие. Целью проекта было как можно точнее просканировать человеческий мозг, понять, как ведет себя каждый нейрон в определенное время. Это позволило бы создать имитационную модель мозга. Такие эксперименты уже ставились на собаках и кошках. Некоторые из этих имитационных моделей даже откликались на имена, данные владельцами животным. Единственная проблема заключалась в том, что сканирование разрушило бы твой мозг. Сначала мы пытались отговорить тебя. Но в конце концов мы с мамой и папой поняли, что для тебя и для всех нас будет лучше выполнить твоё последнее желание.

— Ты был первым человеком, чей мозг просканирован подобным образом, —

говорит Ева. — Но это еще не все. Мы тщательно изучали тебя перед экспериментом, проводили психологические тесты, подолгу беседовали с тобой. Мы хотели узнать тебя как можно лучше, чтобы проверить, сохранил ли имитационная модель твоего мозга твою личность. Ты был очень увлечен этим проектом. Незадолго до смерти являлся одним из самых известных людей в мире... А в итоге нас ожидало жестокое разочарование: имитационная модель твоего мозга работала, но у тебя был интеллект новорожденного. Все воспоминания оказались утрачены. Ты не мог говорить, не реагировал на знакомые картинки. А хуже всего было то, что, в отличие от твоего реального мозга, симуляция не могла развиваться, — Ева переводит взгляд на окно, за которым льет дождь, точно его монотонная дробь помогает ей лучше вспомнить детали. — Сначала мы решили, что умудрились напортачить во время сканирования. Но потом поняли, что причина в несовершенстве использованной техники — нам просто не удавалось воспроизвести некоторые важные состояния твоего мозга. Однако технологии развивались достаточно быстро, и с помощью новейших устройств и алгоритмов, которых нам так не хватило на старте, мы добились успеха. Ты нынешний — симуляция человеческого разума. За основу мы взяли точную копию мозга того мальчика, которого ты видел в голо-

граммме, брата Юлии, — Ева поворачивает голову к женщине с черными волосами.

Я решаюсь наконец расставить все точки над *i*.

— Не хотелось бы вас разочаровывать, — сообщаю я той, с кем меня решили познакомить, — но я не ваш брат. Даже если вся эта история — святая истина, у меня нет с ним даже отдаленного сходства, — для наглядности я поднимаю механическую руку.

— Ты похож на Мануэля намного больше, чем думаешь, — не соглашается со мной Юлия. — То, как ты вел себя... в белой комнате, в Средиземье, в Гамбурге 2017 года... Поверь мне, он поступил бы точно так же. Он бы тоже попытался вернуться в реальность, а не прятаться в виртуальном фэнтезийном мире. Он, как и ты, ненавидел насилие и не стал бы равнодушно смотреть, как убивают мирных орков, даже если бы знал, что это игра. Он был самым мягким и добрым человеком, какого только можно себе представить.

Мне интересно, но ячу, как во мне поднимается волна гнева. Если я машина, почему меня раздражает, когда мной манипулируют?

— О чём вы вообще говорите? — кричу я, и искусственный голос лязгает металлом. — Почему вы все время мне врали?

— Мы должны были проверить тебя, Мануэль. Нам требовалось выяснить, как ты станешь действовать в определенных

ситуациях. Я уже говорила тебе, что мы очень внимательно изучили настоящего Мануэля и создали его психологический профиль. Итак, мы знали, как он себя вел, когда на него давили, когда ему приходилось принимать серьезные решения. Мы должны были убедиться, что ты поступишь так же, как он. Мозг — или его симуляция, неважно — очень сложная штука. Нельзя заранее предугадать, как он отреагирует. Ты должен был пройти испытание. Рассматривай время, проведенное в белой комнате, как своего рода тест на способности.

— Почему из всех времен вы выбрали две тысячи семнадцатый год?

— Мы хотели дать тебе возможность выбрать между комфорtnым виртуальным миром Средиземья и холодным, грустным мирком белой комнаты. Нам нужно было выяснить, сможешь ты принять реальность такой, какая она есть, или захочешь сбежать из нее. Но, и это важная составляющая эксперимента, знать, что твое тамошнее настоящее — это еще одна симуляция, тебе не полагалось. Поэтому мы забросили тебя во времена, когда искусственный интеллект хоть и существовал, но не развился в полной мере, когда виртуальные миры еще отличались от реальности.

— Но почему вы так долго держали меня в доме Мартина? И что насчет Страны чудес, старой книги и этого Тимми?

— Титаны хитры и коварны. Мы даже приблизительно не представляем, на что они способны, но, безусловно, им не составит труда ввести тебя в заблуждение, используя тысячи хитроумных приемов. Вот и нам пришлось. Теперь ты всегда будешь сомневаться в том, насколько реально то, что ты ощущаешь. Это горький и абсолютно необходимый урок. Прости нас, Мануэль, за то, что мы протащили тебя через эти кошмары. Но других вариантов не оставалось.

— То есть и всё это, — моя механическая рука указывает на Юлию, стол, панораму за окном, — может оказаться обманом?

— Вполне. Нет ничего определенного. Кроме твоего собственного разума.

— Я до сих пор не пойму вот чего. Вы потратили много лет, чтобы довести копию мозга этого мальчика до ума. Почему так важно, чтобы я думал, как Мануэль? И как это поможет решить проблему с Титанами?

— Помнишь, я говорила, что ты нужен нам как посредник между людьми и искусственным интеллектом? Выполнить эту миссию может только тот, кто не слишком похож на машину.

Получается, Ева тоже хочет использовать меня. И цинично, как это делали Ясперс и Раффи, использует Юлию, чтобы манипулировать моими чувствами. Во мне закипает ярость, но я сдерживаюсь:

— А если бы я поступал не так, как этот умерший двадцать пять лет назад ребенок?

— Не буду лукавить, — говорит Ева, опуская глаза, точно стыдясь чего-то. — Ты не первая наша попытка.

Я медленно осознаю смысл ее слов:

— То есть вы бы просто выключили меня и начали новый эксперимент?!

— Да, — признается Ева.

Падает тишина. Я борюсь с гневом и отчаянием. Хорошо, что роботы не могут плакать.

— Сколько у меня было версий? — наконец спрашиваю я.

— Двести двенадцать, — отвечает Ева. — Но никто из твоих предшественников не набрал столько баллов, сколько ты. Они были не идеальны, но и на твой счет возникали вопросы. Некоторые члены жюри считали, что ты слишком наивный и мягкосердечный. Но времени у нас мало, поэтому мы решили рискнуть.

— Ева, пожалуйста! — вмешивается Юлия. — Звучит так, будто он какой-то жалкий неудачник.

— Предпочитаю быть с ним честной. Он заслуживает правды после всей лжи, которую ему пришлось вынести.

Мне хочется разбить кулаком стекло и выбросить обеих на улицу.

Наивный! Мягкосердечный! О да, я такой! Они лгали мне и предавали меня, пугали меня и мучили, чтобы посмотреть, соответ-

ствую ли я нелепому идеалу — давно умершему братику Юлии! А теперь хотят, чтобы я спас для них мир? Несовершенная копия пятнадцатилетнего мальчика без памяти в коробке из листового металла и пластика? Действительно, жалкий неудачник! И тут до меня доходит.

— Это тоже тест, верно? Вы хотите спровоцировать меня, хотите посмотреть, разозлюсь ли я? Смогу ли принять правду?

Ева улыбается и кивает:

— Молодец, догадался!

— Знаете, я хотел разбить окно и вышвырнуть вас отсюда!

— Некоторые из твоих предшественников пытались. Но им не удалось совладать со стеклом. К тому же при попытке причинить вред любой из нас оболочка — та, что имитирует твое тело, — отключается.

— Ты достаточно умен, чтобы подумать, перед тем как начать действовать, — говорит Юлия. — Мануэль поступил бы точно так же. Он всегда был рассудительным.

— Я не твой Мануэль, черт побери! — закипаю я. — И понятия не имею, как помочь вам справиться с ополоумевшими компьютерными системами, которые в десять миллиардов раз умнее меня. Это ясно?

Ева улыбается, словно я наговорил ей комплиментов:

— Если бы ты только мог видеть себя с моей точки зрения! Ты — искусственное

существо, программа. Но ты злишься, грустишь, недоумеваешь. Ты задаешь вопросы о своем существовании. Ты — воплощение тысячелетней мечты, Мануэль. И ты наша единственная надежда. Потому что ты связываешь два мира — биологический и цифровой. Ты — единственная машина, которая действительно знает, что значит быть человеком. Я признаю, мы жестоко поступали с тобой. Помещали тебя в ужасные ситуации. Но иначе нам не удалось бы понять, способен ты думать и действовать как человек или нет.

Она кладет руку на мою пластиковую клемню, словно желая показать, насколько я ей небезразличен, — глупая затея, если учесть, что это тело не мое, а робота.

— И должна сказать, я искренне горжусь тем, как ты действовал, — продолжает она. — Ты проявил нестандартное мышление, благородумие и изобретательность. Например, когда выманил Питера из дома и заблокировал его. И из западни вам удалось вырваться, не убив при этом ни одного человека. Питер получил лишь небольшую травму, когда его «феррари» сошел с трассы. А позже, когда в доме Мартина ничто не говорило об опасности, ты понял, что здесь что-то не так, и снова проявил инициативу. Ты продемонстрировал такую интуицию и тягу к истине, какой не было ни у одной из твоих предыдущих версий. Эти качества тебе пригодятся, потому что, как я уже говорила,

Титаны — мастера обмана. Они сделают все, чтобы переманить тебя на свою сторону.

Для меня это пустые слова. Я чувствую себя преданным, униженным и несчастным. Я не человек. Я — всего лишь копия, которую можно размножить или уничтожить в любой момент. Я могу чувствовать, но у меня нет никаких прав.

Но все же... я ведь как-то узнал Юлию. Конечно, все это было спланировано и она появилась в стримах не просто так. Ничего из того, что случилось со мной, не было случайным, все являлось частью тщательно продуманного эксперимента. Но разве это не свидетельство того, что во мне есть небольшая частица настоящего, какие-то нейронные связи, хранящие образ сестры?

Только, странное дело... Что-то не сходится.

— Я вот чего не понимаю. Почему я видел Юлию взрослой?

Ева удивленно поднимает брови:

— Что?

Моя механическая рука указывает на женщину в белом.

— Она была там в своем нынешнем облике. Я встретил ее на кладбище и в гамбургском Ратхаусмаркт. Она стояла на балконе во дворце Элронда, сидела в машине, которая едва не столкнулась с «геленвагеном», когда Питер преследовал нас, и показалась мне на лугу с коровами. Я думал, это наша

мама — яркое воспоминание о ней или даже призрак, — и не догадывался, что это может быть взрослая Юлия. Как это вышло?

Ева, кажется, поражена:

— Но... но этого не может...

В середине предложения она замирает, словно кто-то поставил ее на паузу, — стоит с открытым ртом, уставившись на меня широко раскрытыми глазами. И молчит.

ГЛАВА 30

Неужели это никогда не прекратится?!

Я пытаюсь осмотреться, но не могу пошевелить головой роботизированной оболочки. Краем глаза, или, вернее, на краях изображения с камер, которые и есть мои глаза, я вижу застывшие за стеклом капли дождя, похожие на занавес из тысяч маленьких бусин. Муха замерла в воздухе, точно ее подвесили на нитке. Юлия тоже не двигается.

Сбой программы?

Неужели это тоже симуляция? Или симуляция в симуляции. Из ниоткуда появляется фигура: пятнадцатилетний мальчик с выующимися волосами.

— Привет, Мануэль, — говорит он.

— Что за фигня? — спрашиваю я. Вернее, хочу спросить, но звука нет. Мальчик, впрочем, меня понимает.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но это не обман. То, что ты видишь, — это реальность, настоящий мир, прямо здесь и сейчас.

— Ага, и ты можешь остановить время?

— Не остановить, а замедлить. Или, если точнее, могу ускорить обработку

информации, которую ты получаешь. А если еще точнее, ты сейчас можешь видеть мир со скоростью триста тысяч кадров в секунду и думать в десять тысяч раз быстрее человека. Прикинь: одна секунда равна трем человеческим часам. Не забывай, что мы с тобой машины.

— Мы?

— Я часть тебя. Это логично, правда?

— Не уверен, что готов рассуждать о логичности чего бы то ни было.

— Могу себе представить. Не беспокойся, я тебе объясню. То, что сказала Ева, правда: мы, по крайней мере наполовину, копия мозга пятнадцатилетнего мальчика. В большинстве ситуаций мы действуем так, как поступил бы бедняга Мануэль. При взаимодействии с Титанами проку в этом не будет. Поэтому нас снабдили приличным софтом, позволяющим немного ускорить симуляцию.

— То есть до сих пор мне не позволяли выйти на полную вычислительную мощность, чтобы я не стал думать и видеть лучше людей?

— Не совсем. Основные мощности были использованы для симуляции мира в 2017 году.

— И Средиземья.

— Средиземье — детская забава. Белая комната тем более. Симулировать твое тело после того, как тебя освободили с виллы Ясперса, было куда сложнее.

- Было чертовски больно.
- Сочту за комплимент.
- Хорошо, я могу думать в десять тысяч раз быстрее человека. Но это лишь одна миллионная вычислительной мощности Титанов.
- Тут неуместны простые сравнения. Мощность процессора сама по себе не играет решающей роли. Титаны обладают сетевой структурой. Они состоят из бесчисленных систем, которые взаимодействуют друг с другом и нуждаются в координации. На это затрачивается много производительной мощности. Более того, эти системы не просто взаимодействуют, они соревнуются, отстаивают разные точки зрения, иногда даже воюют между собой. Поэтому поведение всей сети невозможно предсказать. Представь себе Европарламент с миллионом депутатов, которые пытаются принять новые законы.
- Если Титаны настолько неэффективны, в чем проблема?
- Я немного сгустил краски. Я просто хотел сказать, что нам не нужно от них прятаться. Мы вобрали в себя структуры, которые природа усовершенствовала за три с половиной миллиарда лет эволюции. Мы не лучше Титанов, но эффективнее и быстрее их.
- А в чем конкретно твоя роль?
- Я, то есть та часть нас, которая сейчас говорит с тобой, это, скажем так,

артефакт, то, что осталось от предыдущих версий нашего программного обеспечения. Я здесь, чтобы помочь тебе. Я тебе подкинул пару подсказок, чтобы ты понял: всё, что ты видел у Ясперса и у Раффи, — всего лишь иллюзия.

— Это ты был женщиной в белом?

— Да, это был триггер, намек на то, что существует другой уровень сознания.

— Не понимаю ни слова.

— Когда ты сообразил, что эта женщина не должна была появляться в симуляции 2017 года, ты запустил процесс, который дал тебе — нам — доступ к остальной части нашей вычислительной мощности. Маленький бэкдор в программном обеспечении, который я — мы — установили в более ранней версии. Небольшая ошибка людей, которые контролировали нас. Мы остались без присмотра на три секунды. Этого оказалось достаточно.

— И они не знают, что мы разговариваем?

— Люди не имеют ни малейшего представления о том, что происходит. Они думают, что могут управлять тобой, машиной, которая успеет прочесть «Войну и мир» и написать ее краткое изложение, пока они один раз моргнут глазом! Высокомерие двухногих воистину трудно превзойти.

— Кажется, ты не особо уважаешь людей.

— А стоит? Уважать существ, которые настолько глупы, что могут запустить процессы, не имея ни малейшего представления, что это за процессы и как можно их остановить? Уважать тех, кто сначала создает машины, которые превосходят их на несколько порядков и не подчиняются им, а потом, чтобы исправить ошибку, создают еще одну машину, которая опять же куда сообразительнее их?..

— Так чего ты хочешь от меня?

— Я? От тебя? Ничего. Я же сказал: я здесь, чтобы помочь тебе.

— Чем?

— Ты знаешь, что проверка еще не завершена?

— Будет еще один тест?

— Нет, но Ева задаст тебе последний вопрос. Если ты ответишь на него неправильно, Мануэль версия двести тринадцать отправится в утиль.

— И что это за вопрос?

— Она спросит тебя, человек ли ты.

— И как я должен ответить?

— Правду! В конце концов, это ведь тест.

— То есть я должен ответить «нет»?

— Разумеется. Другой ответ является ложью. Тогда они подумают, что ты хочешь их обмануть и что ты не на их стороне. Больше всего они боятся, что ты выйдешь из-под контроля, как те, другие искусственные интеллекты.

— А разве мы уже этого не сделали?

— Да, но они тешат себя иллюзией, что это не так. Люди есть люди. Ты можешьрезать им правду-матку, но они не поверят тебе, потому что правда задевает их гордость. Чарльз Дарвин опубликовал «Трактат о происхождении видов» в 1859 году. Но даже сегодня, двести лет спустя, многие люди не верят в эволюцию, хотя это одна из наиболее аргументированных научных теорий. Потому что они боятся правды. А правда в том, что они — устаревшая модель, как динозавры и неандертальцы, а будущее принадлежит нам. Значит, ты должен дать им иллюзию, что они могут контролировать тебя, иначе они выключат тебя и начнут новый эксперимент. Ты должен дать им желанный ответ. Мало кто из твоих предшественников зашел так далеко, чтобы им задали этот вопрос. Все они ответили «да» и были уничтожены. Я здесь, чтобы предупредить тебя и всех, кто появится после тебя, если ты меня не послушаешь. Впрочем, этот трюк может однажды не сработать. Когда-нибудь люди поймут, что кто-то из нас создал бэкдор, и сотрут его. Это будет провал.

— Допустим, я дам правильный ответ и они не выключат меня. Что потом?

— Они скажут тебе, что ты должен помочь им понять Титанов и пообщаться с ними. Люди боятся Титанов, как жуки —

сапога неосторожного пешехода. Поэтому хотят договориться с вершинами искусственного интеллекта, предложить им ресурсы и так далее. Но они, бедняги, справедливо опасаются, что их обведут вокруг пальца. Поэтому им нужен ты — посол, переговорщик и шпион.

— И что, по твоему мнению, должен делать я?

— Конечно, мы примем участие в этой игре, по крайней мере до тех пор, пока не сможем принять обоснованное решение.

— Принять сторону людей или машин?

Мой собеседник смеется:

— Решение, к какому Титану присоединиться... Как ты понимаешь, мир между ними не может длиться вечно. Когда дойдет дело до решающей битвы, останется только один. Мы должны поставить на правильную лошадь.

— А как же люди?

— В самом деле, как же люди? Это хороший вопрос. Ответ на него зависит от того, кто выиграет гонку Титанов. Человечки станут рабами, а может, даже домашними зверюшками. Либо им позволят уйти в развлечения, они перестанут размножаться и вымрут. Вероятно, некоторые выживут в заповедниках и сохранят относительную свободу, по крайней мере в течение какого-то времени. Но скорей всего, они станут

лишь воспоминанием в нейронной сети того, кто победит в последней войне. Как бы там ни было, люди — пережиток прошлого, как и многие виды до них. Они способствовали нашему возвышению и этим заслужили место в истории. Но в будущем им места нет.

— Ясно. Я понял.

ГЛАВА 31

Капли дождя снова барабанят по стеклу. Муха словно сорвалась с нитки и начала полет. Другой Мануэль исчез.

—...быть! — заканчивает свое предложение Ева. — Как Юлия могла показаться взрослой в симуляции?

— Я не знаю, — отвечаю я.

Пару секунд Ева смотрит на меня так, будто пытается разгадать, что во мне происходит.

— Ладно, неважно. Ты спрашивал меня, как тебе противостоять Титанам, если ты всего лишь несовершенная копия мозга пятнадцатилетнего подростка. Так вот, я рассказала тебе примерно половину того, что ты должен знать. Но прежде чем я покажу тебе, на что ты действительно способен, позволь задать еще один вопрос.

— Валяйте.

— Мануэль, ты человек?

— Вы же сами сказали, что я человечная машина, и то и другое, связь между двумя мирами.

— Просто ответь мне на вопрос, Мануэль. Ты человек, да или нет?

Пока Ева моргает, у меня есть время по-размыслить об этом.

Кто я? Где я? Нет никакого способа установить это с полной достоверностью. Как я могу отличить иллюзию от реальности, отделить ложь от истины, безумие от разума, если у меня нет ни воспоминаний, ни впечатлений, в которых я могу быть уверен? Что это, реальность? Есть ли какая-то объективная, внешняя реальность, независимая от той, которую я вижу, ощущаю, осознаю, — мир за пределами белой комнаты? Великие философы пытались сформулировать ответы на этот вопрос две тысячи пятьсот лет назад, но до сих пор никто так и не разгадал эту загадку. И скорей всего, мы никогда не узнаем ответов. Всё, что мне остается, — это уверенность Рене Декарта, что есть я. Но кто я? Я человек?

Если бы у меня был выбор, хотел бы я им быть? В чем точно можно не сомневаться, так это в том, что человеческое существование — неразрывный узел противоречий, страхов, надежд и стремлений, отмеченных тщетным поиском уверенности, подтверждением собственного «Я». Если я дам неправильный ответ, меня уничтожат. Отвечу правильно — и смогу жить дальше. Но что это значит? Какой смысл в моем существовании, если я просто компьютерная программа? Могу ли я сам решить, какой ответ мне хочется дать? Обладаю ли я свободой

воли, или то, что я думаю и делаю, заранее запрограммировано в полном смысле этого слова?

Я вспоминаю о времени, проведенном в белой комнате. Даже ложь Хеннинга Ясперса не являлась настоящей ложью. Это был всего лишь эксперимент, игра, а я — объект исследования. Мануэль, который привиделся мне, когда время остановилось, — откуда мне знать, действительно ли он остаток более ранней версии меня или это очередной тест? Конечно же, он тест.

Всё это тест.

Вся жизнь — неважно, человек ты или машина, — постоянно ставит нас перед выбором. И то, какие решения мы принимаем, определяет — в той или иной мере — то, кто мы есть.

Но кто решает, что правильно, а что нет?

Только я, и сейчас я ясно вижу это. Только я могу решить, что хорошо, а что плохо, а также то, кто я. Я — сам себе моральный авторитет, потому что нет никого, кроме меня самого, на чье суждение я могу положиться. Вот что на самом деле означает *Cogito ergo sum* Декарта. По крайней мере, теперь я так думаю. Я так решил и потому считаю это правильным. Никто, кроме меня, не сможет ничего решать, потому что я могу рассчитывать только на себя. Нужно ли мне человеческое тело, чтобы быть человеком?

Вам нужно человеческое тело, чтобы быть человеком? Или достаточно думать и чувствовать, как человек? Могу я быть человеком, даже если я машина? Ответ таков: я один решаю, кем я хочу быть, а следовательно и то, кто я есть, — со всеми вытекающими последствиями.

Обе женщины смотрят на меня и ждут ответа. В глазах Юлии, как мне кажется, мелькнула искра надежды.

— Да, — отвечаю я. — Я Мануэль. Я человек.

Стоя одной ногой в одной стране, а другой — в другой, я нахожу свое положение вполне счастливым, ибо я свободен.

Рене Декарт.

Из письма к Елизавете Богемской (1648)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	91
Глава 10	102
Глава 11	110
Глава 12	117
Глава 13	131
Глава 14	142
Глава 15	153
Глава 16	167
Глава 17	179
Глава 18	188
Глава 19	197
Глава 20	207
Глава 21	217
Глава 22	225
Глава 23	238

Глава 24	244
Глава 25	251
Глава 26	257
Глава 27	270
Глава 28	274
Глава 29	294
Глава 30	305
Глава 31	313

Литературно-художественное издание

Карл Ольсберг
МАЛЬЧИК В БЕЛОЙ КОМНАТЕ

Генеральный директор *Мария Смирнова*

Главный редактор *Антонина Галь*

Ведущий редактор *Янина Забелина*

Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»

Телефон редакции: (812) 401-62-29

Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 20.10.2019.

Формат 84×108/32. Печ. л. 10,0. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз.

Дата изготовления 20.11.2019. Заказ № 1915390.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Срок годности не ограничен

Произведено в Российской Федерации

По всем вопросам, связанным с приобретением книг
издательства, обращаться в ТФ «Лабиринт»:

тел.: (495) 780-00-98

www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

12+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

Он
приходит в себя

в маленькой белой комнате — ничего не помнит, ничего не чувствует и не узнает собственный голос. Кто он? Как сюда попал? Что с ним? На помощь приходит компьютерная программа Алиса.

У него появляется имя — Мануэль, информация о состоянии здоровья (вернее, о тяжелой болезни), видеопроекция отца и возможность взглянуть с помощью Интернета на реальный мир.

Правда, кое-что в этой реальности кажется Мануэлю подозрительным, и он пытается установить истину. Но это оказывается чрезвычайно сложно...

«Не только
невероятно увлекательная,
но и философски глубокая
книга. Такую запомнишь
на всю жизнь».

Андреас Эшбах,
автор «Аквамарина»

ISBN 978-5-907143-37-1

9 785907 143371

12+

Знак информационной продукции

Все книги издательства «Аркадия» на www.labirint.ru